

ОТ АВТОРА
ДЖЕЙМС БИНА ХАРТ

ЯНТАРНЫЙ ПЕПЕЛ

Мортем. Остров посреди Тихого океана, населенный прекрасными существами, так схожими с людьми. Крошечный мир со своими законами, штампующий идеальных законопослушных граждан, стоящих на страже человеческой смерти. Пристанище жнецов, зовущихся мортами, что разбросаны по всему миру, скрываясь среди людей и собирая души умерших под покровом ночи. Айви Блумфилд не повезло родиться любимицей солнца в мрачном, утопающем в тумане и тайнах мире. Жизнь на две едва соприкасающиеся вселенные с клеймом чужой в каждой из них, что прочно приросло к спине девушки, поселила в ней семя сомнений в правильности действий Сената, которому с детства учили безоговорочно доверять. Попытки разобраться в самой себе приводят к неожиданной правде, разрушающей все, во что она верила. Впереди только бесконечная дорога бегства от Теней, готовых растерзать каждого, кто знает слишком много, и слепая вера в то, что иногда чудеса случаются даже с теми, кто их вовсе не заслуживает.

Легенда о смерти с косой в длинном черном плаще навевала ужас на многих веками. Будучи маленькой, я с удовольствием слушала, как дворовые детишки пугали друг друга страшилками о костлявой старушке, забирающей чужие жизни, и тихонько посмеивалась в ладошку, зная правду. Но даже и не пыталась кого-либо разубедить. Ведь прелесть секрета в том, что никто вокруг, кроме тебя, о нем даже и не догадывается.

Смерть не была такой, как о ней говорили. Ее волосы цвета темного шоколада полюбились ветру, и он то и дело пытался утянуть их в пляс. Кожа была идеально гладкой и бледной, но это придавало лишь некой величественной завораживающей красоты. Мне очень нравилось слушать музыку, льющуюся из-под ее длинных пальцев, порхающих над клавишами, и я днями могла наблюдать, как смерть танцует, двигаясь плавно и грациозно. Я с обожанием и трепетом ловила каждый взгляд карих глаз и пыталась делать все возможное, чтобы в нем никогда не появилась толика раздражения или разочарования. А еще смерть была теплой. Она часто прижимала меня к себе перед сном, желая спокойной ночи, и это тепло стало одним из самых дорогих воспоминаний о детстве.

Смерть была моей мамой...

Собственно, мой отец тоже был смертью. Так же, как и старшая сестра. И даже я сама родилась воплощением древних легенд в облике невинного ребенка с огненными кудрями.

Мы были мортами, порождениями ночи. И именно мы придумали большинство сказаний, дабы защитить собственное существование от человечества, ведь никто и никогда не должен был узнать о нас. Чего бы это ни стоило...

Часть Первая. Ривэрто

Когда солнце медленно катилось к горизонту, бросая на землю последние лучи, тени, обретающие очертания в сумерках, покидали укрытие и легкой поступью направлялись на свет пламени, плясавшего среди человеческих детей. Ривэрто, носители душ, жались друг ко другу, ища тепла морозными ночами, в надежде, что их обойдет участь братьев, павших от руки таинственных фигур в сумраке ночи. Скукожившиеся, запуганные до полусмерти, они бросали взгляды на сородичей и гадали, кто станет следующим в неравной борьбе с судьбой.

Смоляные волосы плясали в безумном танце с восточным ветром, а бездонные черные глаза внимательно следили за каждым маленьким человеком, который еще не успел осознать свою значимость. Мир постепенно расширялся, наполнился неизведанным и прекрасным, что только предстояло познать родившимся с душой, и тени стояли на страже каждой крошечной жизни, ожидая часа, когда нить, связывающая Ривэрто с миром, оборвется, чтобы прийти вестником неизбежного.

Пламя костра бросало блики на мертвенно-бледную кожу теней, и люди, плутающие в неведении, пытались унять безумное сердцебиение и посмотреть самой смерти в лицо, лишившись страха. Игра с заведомо известным исходом. Нет проигравших. Нет победителей. Лишь пустая оболочка и фигура около костра, бережно укрывающая в ладонях едва искрящийся золотым светом комочек.

Оберегая душу от посторонних взглядов, тень удалялась в ночь, оставляя Ривэрто наедине со своим страхом. Тьма, скрывающая луну, рассеивалась, а тепло пламени постепенно просачивалось под кожу выживших. Наутро племя найдет тело вождя, так и не проснувшегося с первыми лучами солнца, а история будет твориться далее под пристальным взглядом фигур, сокрытых во мраке. Люди забудут страх и двинутся дальше, зная, что тени забирают лишь тех, кому пришло время покинуть мир живых.

Я оперлась спиной о кирпичную стену и прикрыла глаза, подставляя лицо прохладному ветерку. Солнце весь день нещадно палило, и лишь под вечер, склонившись к горизонту, позволило жителям Гринвилла вдохнуть в полную силу и высыпать на улицы. Над городом постепенно сгущались тучи, и синоптики на всех телеканалах, как один, обещали ливень ближе к полуночи. В воздухе явственно ощущался запах приближающейся грозы, способной прибить городскую пыль и запах выхлопных газов к земле.

— Ну, и где ее носит? — Эвон недовольно расхаживала из стороны в сторону, излучая приглушенный синий свет.

— Расслабься, — лениво протянула я, бросая взгляд на подругу, мельтешащую перед глазами.

Душа демонстративно закатила глаза, но замерла на месте. Свет, исходящий от нее, стал немного темнее, что свидетельствовало о раздражении, но я предпочла его игнорировать. Девушка переминалась с ноги на ногу, выглядывая среди проходящих мимо прохожих Лидию. Вздернутый носик без конца морщился, делая ее довольно милой.

Сквозь ртутные тучи прорвался лучик света, и Эвон невольно замерла, подставляя лицо солнцу. Слишком человеческая привычка. Со смертью исчезало все — и души не чувствовали ни тепла, ни холода. Они не мерзли, не болели, и тепло, к которому так тянулась Эвон, не могло согреть ее душу, как делало годами ранее.

— Вот ты где, — в знакомом голосе слышалась отдышка.

Я обернулась и встретила взглядом с Лидией. Ее лицо пылало, будто девушка долго бежала, а из небрежного хвоста на макушке выпали несколько пшеничных прядей. Лямка рюкзака сползла с плеча, и подруга безуспешно пыталась вернуть ее на место дрожащими пальцами, тяжело дыша.

— Не прошло и ста лет, — воскликнула Эвон.

— Идем быстрее, не то к сцене будет не протолкнуться, — Лидия схватила меня за руку и потащила в небольшой концерт-холл.

Я засемила следом. Эвон периодически бормотала что-то с нескрываемым недовольством, но я упорно ее игнорировала. В нос ударил запах пота, сигаретного дыма и женского парфюма. К горлу подступила тошнота, и я едва не ринулась прочь из здания. Одна из немногих причин, почему я не слишком уж жаловала концерты в подобных местах, так это обилие ароматов, которые, смешиваясь, создавали непередаваемое амбре, выдерживать которое удавалось с трудом. Я резко вдохнула полной грудью, пытаюсь привыкнуть, и двинулась вглубь зала за подругой, что проталкивалась сквозь толпу.

— А мне начинается нравиться, — Эвон хитро сверкнула глазами и удалилась в неизвестном направлении.

Я догнала Лидию, которая уже с кем-то разгоряченно спорила. Хватило лишь взгляда, чтобы узнать в ее собеседнике Айзека.

— Не думала, что ты большой любитель инди-групп, — я сложила руки на груди, останавливаясь в паре метров от друзей.

— Но и ты никогда не числилась в списках их почитателей, — юноша лукаво усмехнулся, подмигивая мне.

Внезапно воздух наполнился восхищенным криком. На сцене появились несколько

фигур, которые не удавалось разглядеть из-за приглушенного света, царящего в помещении. Я невольно заткнула уши и встретилась взглядом с вопящей в такт толпе Лидией. Ее глаза светились неподдельным счастьем, и я невольно улыбнулась. Подруга подняла вверх правую руку, запястье которой украшала яркая зеленая лента, и вслед за ней одна за другой взлетели в воздух десятки других рук.

— Давай же, — прокричала мне подруга.

Я вздохнула и поддалась порыву толпы, присоединяясь к скандированию названия группы. Духота, царящая в помещении, внезапно отошла на задний план, и в крови забурился адреналин, разгоняя по венам сладостное предвкушение.

С первыми аккордами все мысли вылетели из головы. Во мне остались лишь оголенные эмоции. Я была частью чего-то невероятного и волшебного, чего так не доставало в моем мире. За это я и любила людей. Им было все равно на вечность, которой у них никогда не было. Существовал лишь бесконечный миг, и они жили им, не жалея ни о чем.

Без умолку хохоча, мы вывалились из душного концерт-холла. Стоило последнему аккорду прозвучать, как рядом с нами вырос подозрительной наружности парень, предложив прокатиться по ночному городу. На что я, обхватив руку Айзека, пролепетала что-то о безумной любви и потянула едва сдерживающего смех друга наружу.

— Неужто вы так любите меня, прекраснейшая из дев? — давясь смехом, спросил Айзек

— О свет очей моих, — протянула я сквозь хохот, — с вами никто не сравнится.

— Я буду в пурпурном платье и с лютиками в волосах на вашей свадьбе, — пропела Лидия. — Благословляю ваш союз, дети мои.

На мгновение воцарилась тишина, а после мы вновь взорвались безумным смехом, едва держась на ногах. В уголках глаз выступили слезы, но я никак не могла остановиться.

— ... да я говорю тебе!

Я удивленно обернулась на возглас. Неподалеку стояли двое парней. Один из них нервно курил, глядя на друга ошалевшим взглядом.

— Что ты мне тут втираешь? — в голосе юноши звучал откровенный скепсис.

— Оно налетело, словно из ниоткуда. Будто миллион призраков решили надругаться надо мной, — отчаянно бормотал другой. — Эти леденящие прикосновения, брр...

Полыхая синим светом, рядом выросла Эвон, довольно ухмыляясь, словно лиса.

— Твоих рук дело? — едва слышно прошептала я, кивая в сторону парочки неподалеку.

Душа загадочно пожала плечами. Несколько лет назад подруга до помешательства загорелась идеей поиграть в призраков. Однажды она сидела рядом со мной и Лидией, пока мы смотрели фильм ужасов, где духи передвигали предметы, касались людей и пугали. Девушка тут же попыталась опробовать парочку устрашающих приемов на Лидии, но ничего не вышло. В отличие от фильмов, в реальности душа могла коснуться чего-либо, но не сдвинуть, ведь была слишком легкой в сравнении с осязаемой вещью. А люди не ощущали их прикосновений, ибо они были сродни легкому дуновению ветерка, не более. Когда Эвон это поняла, несколько дней со мной не разговаривала. Будто именно я была повинна во всех ее проблемах. Но после она нашла способ веселиться, едва ли не насилуя бедных парней, которые не могли понять, откуда брались странные ощущения.

— Кого ты там узрела? — Лидия поравнялась со мной, вглядываясь в ночную тьму.

Конечно же, она не обратила внимания на Эвон. Лишь морты видели души, но для большинства из них они существовали в облике крошечного сгустка энергии, излучающего

свет. Я была одним из исключений, обладая даром видеть души в их облиции, наделенном при жизни.

— Да так, — отмахнулась я. — Парни о призраках толкуют.

— Сумасшедшие...

Над головой раздался первый раскат грома, и небо разразилось ливнем. Визгнув, подруга наспех попрощалась со мной и бросилась бежать прочь, пытаясь прикрыть голову рюкзаком. Обернувшись, я заметила, что и Айзек ушел.

— Идем, Айви. Простудишься ведь, — позвала Эвон.

Я проигнорировала ее слова, подставляя лицо дождевым каплям, остужающим кожу после душного зала. Огненные волосы тут же намокли, и несколько прядей прилипли к коже, но я не замечала ничего, кроме прохлады, которой душа не могла ощутить.

Через полчаса я уже открывала входную дверь. Сперва прогулка под дождем казалась мне неплохой идеей, но уже через несколько минут я продрогла и мечтала как можно быстрее укутаться в любимый плед и провалиться в сон. Тихонько отперев дверь, я прошмыгнула внутрь, сбросила с ног кеды и на цыпочках направилась в сторону своей комнаты.

— А ну стоять!

В гостиной загорелся свет. Я обернулась и встретила взглядом с отцом. Мужчина преодолел расстояние между нами, шурясь, и вопросительно вскинул брови.

— Так, так, так... — пробормотал он, наклоняясь ближе к моему лицу. — Кто-то обещал быть до полуночи. И где это тебя носило, тыковка?

— Ну пап, — протянула я, закатывая глаза.

Мужчина забавно прищурился. Я едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться и сохранить серьезный вид, пока папа играл в ответственного взрослого. Он морщил лоб и поджимал губы, отчего становился похож на актера одного из моих любимых сериалов.

— Я должен тебя наказать, как суровый отец. Ведерко кофейного мороженого?

Не выдержав, я прыснула. Мужчина так же залился смехом и сгреб меня в объятьях. Я прижалась к нему, наслаждаясь теплом.

— А теперь бегом в теплый душ, тыковка.

Я кивнула и, высвободившись из отцовских объятий, взбежала по лестнице. В комнате меня уже ждала Эвон, развалившись на кровати. Быстро схватив полотенце, я выскочила за дверь. И ту же налетела на Хизер.

— Привет, — я одарила сестру улыбкой.

Девушка бросила на меня хмурый взгляд и кивнула, скрываясь в своей комнате. Она не была моей поклонницей, сколько я себя помнила, и любые попытки наладить с ней отношения пресекались на корню. Апатичное, немного недовольное выражение лица было всем, что я когда-либо знала.

Оказавшись в ванной, я стянула с себя всю мокрую одежду и встала под теплые струи воды. Капли стекали по телу и неслись вниз, попадая в водопровод. Бесконечная система, движущаяся и не дающая сбой. Иногда и я мечтала быть такой же системой, которая никогда не ошибается, но, увы, даже морты были далеки от идеала.

Заматавшись в полотенце, я вышла из ванной и в пару широких шагов пересекла расстояние до своей комнаты. Душа все так же лежала на кровати, раскинув руки в стороны, и таранилась в потолок.

— Не боишься, что Сид подсмострит? — насмешливо спросила подруга.

— У него было слишком много возможностей подглядывать за мной, живя в этом доме, что вряд ли он не воспользовался ими ранее, — отмахнулась я.

Полотенце упало на пол, и я принялась рыться в шкафу, выискивая пижаму. С самого детства я не дружила с порядком. Сколько бы мама ни пыталась приучить складывать одежду аккуратно, я все равно сминала ее и запихивала на полку кое-как. Однажды оказавшись в моей комнате, Хизер прозвала меня Королевой Хаоса. Сравнивая ее тягу к стерильной, тошнотворной чистоте и мой вечный разгром, трудно было представить, как мы уживались под одной крышей. Но я всегда придерживалась правил и не устраивала беспорядков за пределами своих владений.

— Почитай мне, — потребовала Эвон, стоило мне натянуть пижамные шорты и майку на еще влажное тело.

Я протяжно зевнула и протерла глаза.

— Я спать хочу. Потом как-нибудь, ладно?

Девушка резко села на кровати, складывая ноги в позе лотоса, и уставилась на меня. Голубое свечение, исходящее от ее тела, усилилось.

— Я и так мертва, не припоминаешь? А это, скажу тебе, не самое приятное событие во вселенной. Я даже книгу сама почитать не могу, ведь ее вес больше моего. Как думаешь, что я чувствую, не имея возможности элементарно обходиться собственными силами, будучи зависимой от кого-то?

Я не ответила. С одной стороны, я ей сочувствовала, но иногда подруга перегибала палку со своими капризами, и я не собиралась им потакать. А Эвон, словно коршун, кружила вокруг в ожидании, когда я ослаблю бдительность и сдамся ее прихотям.

— Завтра, хорошо? Я обещаю, — я посмотрела на подругу.

Несколько мгновений девушка сверлила меня взглядом, но вскоре сдалась и подвинулась, освобождая для меня место.

— Amende[1], — пробормотала она.

Я благодарно улыбнулась и, укутавшись в плед, провалилась в сон.

— Ты уже в третий раз за последний месяц прогуливаешь школу, — Эвон присела рядом на краю крыши, свесив ноги. — Сбегаешь от мыслей о выпускном, сладенькая?

Последние весенние дни заполнила суэта предстоящего бала. Будучи третьеклассницей старшей школы, я не понимала культа выпускного, что безумством въедался в голову каждому мыслью о решающем событии в жизни. Каким же далеким все это казалось. Романтизированное фильмами событие в реальности не представляло для меня ценности. В моем мире выпускной символизировала бойня, где счет шел на жизни. Ни платьев, ни музыки, ни поцелуев. Одна смерть вокруг, и животный страх, сочащийся из затухающих взглядов людей.

Я приоткрыла глаза и посмотрела на подругу. Ее тело излучало едва различимое голубое свечение, что свидетельствовало об умиротворении, царившем внутри девушки. Она слегка улыбалась, глядя куда-то за горизонт.

— Знаешь, это ведь даже смешно, если подумать, — пробормотала я. — В моем распоряжении все время мира, а я хожу в школу, как самый обычный подросток. Кому скажи.

— Не избегай ответа, — усмехнулась подруга.

Я закатила глаза. Девушке удалось практически досконально изучить меня за многие

годы дружбы, и мне редко удавалось спрятать истинные чувства. А разговор о выпускном поднимался столько раз, что и не счесть. Причина была слишком очевидна, чтобы произносить ее вслух.

— Интересно, как долго будет восстанавливаться мое тело, если я упаду? — я посмотрела вниз на крошечные пятнышки спешащих людей.

Шумный Гринвилл, распростершийся под ногами, гудел автомобилями, пел уличными музыкантами и просто жил. А где-то там в небе, на высоте шестнадцати этажей, сидела я, свесив ноги, и хитро улыбалась, представляя реакцию прохожих на мое шлепнувшееся на асфальт тело.

— Предпочту проигнорировать твоё заявление, посчитав его шуткой, — отчеканила Эвон, смерив меня недовольным взглядом.

— Да ладно тебе, — я слегка раскачивалась из стороны в сторону, болтая ногами в воздухе. — Сама же любишь веселиться.

— Я уже мертва, не забыла? — девушка помахала перед моими глазами рукой. — Как мне ещё развлекаться, пока ты занята?

Я пожала плечами. Взглянув на часы, я отползла от края и, подхватив сумку с пыльной крышки, направилась прочь. Как бы ни хотелось, а заглянуть в школу я была обязана. По моим расчетам, я как раз успевала к ланчу.

Май постепенно подходил к концу, и впереди меня ждали три месяца в Академии Джулианы Томпсон. Три месяца с Софией и Натсуме. Лидия определенно могла бы считаться моей самой лучшей подругой, если бы не одно огромное и непреодолимое «но». Нас разделяла километровая стена непонимания. Её мир был слишком уж прост, и сводился к урокам, парням да развлечениям. Через год мы расстанемся навсегда. Я сдам экзамены в Академии и стану полноценным членом общества мёртвых, а подруга поступит в университет и двинется вверх по карьерной лестнице. Пройдет столетие, и, быть может, именно я стану той, кто извлечет душу из её дряхлого сморщенного тела.

София и Натсуме отличались от людей так же, как и я. Юные мёртвые, обучающиеся в Академии со мной в классе — вот те, кого я точно могла назвать самыми настоящими друзьями. Разлука с этой парочкой порой приносила тоскливые нотки в мою жизнь, но я с нетерпением ждала встречи.

Спустившись на лифте, я выскользнула на душную улицу, вдыхая сухой воздух, и медленно двинулась в сторону школы.

Особенность совпадений в том, что о них нельзя знать заранее. Обычное, казалось бы, утро уже плело паутинку событий, которые привели меня в школьную столовую, а после столкнули нос к носу с моим миром.

Когда лицо Такера Дженсона исказила гримаса боли, я не сразу осознала, что произошло. И вдруг мир превратился в вереницу стоп-кадров, словно в замедленной съемке, где я слишком хорошо понимала происходящее. Лидия, что ещё мгновением ранее рассказывала мне, как Исая обрадовал её новостью о возвращении Нии, вскрикнула. Она резко подорвалась на ноги, и стакан с соком полетел на пол, разбиваясь на осколки. Ноющая боль настигла меня слишком внезапно, чтобы я смогла к ней подготовиться. Кафетерий пропитала паника и страх, который навис над каждым из присутствующих. Кто-то бросился к парню, лежащему на полу, пытаясь привести его в чувства.

— Он не дышит!

Земля вновь завертелась с прежней скоростью, и вот кто-то из учителей уже вызывал скорую помощь, другие пытались заставить Такера очнуться. Отовсюду слышались жалобные всхлипы. Я видела такое едва ли не впервые, но прекрасно понимала случившееся.

— Он ведь мертв, да? — послышался голос Эвон неподалеку.

Я слегка кивнула головой, давая ответ. Не было никаких сомнений в том, что парня уже не спасти. Внутри меня свернулось тугим узлом мерзкое чувство, которое возникало только в случае, если рядом кто-то должен был погибнуть. Оно появилось слишком поздно, чтобы я успела что-либо понять. Масса переменных привела Такера именно в это мгновение, и никто не мог предугадать, что последние минуты парень проведет в школе.

Я потеряла счет времени, прежде чем в кафетерий ворвались врачи с каталкой. Среди них мелькнуло знакомое лицо. Что мама забыла в бригаде скорой помощи? Она была ведущим хирургом, и навряд ли просто так приехала в школу ради мертвого мальчика.

Оглядевшись, я заметила, что половина учеников уже покинула кафетерий. Остальные все еще надеялись. Я смотрела в их глаза и видела отражение боли и страха. Страх, с которым мне придется столкнуться через год лицом к лицу. Страх, что станет моим верным спутником. Я отвернулась, не желая признавать, что, пускай и не напрямую, но была участником спектакля, что разыгрывался за опущенным занавесом.

Я убегала, сама не зная от чего. То ли от тех измученных заплаканных лиц, что смотрели на меня со всех сторон, в которых я видела осуждение и тоску. То ли от самой своей сущности, пытаясь ненадолго оттянуть неизбежное. Нырнув за очередной поворот в коридорах школы, я пыталась отгородить себя от той реальности, что постепенно настигала меня.

Взгляд зацепился за фигуру, что металась неподалеку. Парень полыхал золотом светом и пытался докричаться до кого-нибудь. На мгновение он заметил, что я смотрела на него, и тут же поспешил догнать.

— Эй, Айви! — кричал он, но я не подавала виду, что слышала. — Айви, постой, пожалуйста. Ты ведь видишь меня, правда? Ты смотрела на меня. Что произошло? Почему меня никто не видит?

Я завернула за угол и, удостоверившись, что никого не было поблизости, остановилась, ожидая Такера. Парень тут же вырос передо мной. В его глазах плескалась мольба, и где-то в районе груди защемило.

— Ты мертв, — подросла на помощь Эвон.

— Как?!

— Мне жаль, — только и пробормотала я, опуская взгляд.

Вот почему я ненавидела свой дар. Смотреть в глаза мертвым и говорить им, что те мертвы, чувствовать их страх, их боль, видеть, как те мечутся из стороны в сторону, не желая осознавать произошедшего — это было хуже любых кошмаров.

— Но ты ведь видишь меня, не так ли? — в голосе Такера звучала надежда. — Почему ты видишь?

Я промолчала. Как объяснить человеку о том, что скрывалось на подмостках его реальности?

— Айви!

По спине прошелся холодок. Я обернулась и встретила взглядом с мамой. От нее исходила волна недовольства, и я не могла понять, на кого именно та была направлена.

— Мам, что ты здесь делаешь?

Женщина преодолела расстояние между нами и, схватив меня за локоть, потащила за собой, не говоря ни слова. Ее ногти больно впивались в кожу, но я лишь молча морщилась и кусала губу, чтобы не зашипеть.

Я знала, мама не любила меня. С самого рождения я видела это в ее взгляде, слышала в каждом слове, брошенном в порыве злости или раздражения. Морти не знали жалости и сожалений. Они без промедлений отдавали на Суд любого, кто хоть как-то нарушал закон. И маму постигла та же участь, когда на свет вместо обычного ребенка она принесла малышку, смотрящую на мир серыми глазами. Из-за такой моей особенности она едва не лишилась жизни.

Одна из древнейших легенд мортов гласила, что мы никогда не должны были иметь связи с людьми. Ребенок, родившийся от подобного союза, за верованием моего народа, мог уничтожить всю планету, а посему общение мортов и людей контролировалось и ограничивалось. Когда же у моей матери, законопослушной гражданки Мортема, родилась сероглазая дочь, ее спасло лишь родство с одной из Сената, высшей формы власти. Моя бабушка присудила медицинскую экспертизу, в которой выяснилось, что в моем теле всего лишь отсутствовал ген Линдеума, дарящий мортам привычную внешность. А после один из Древнейших в Сенате подтвердил, что такое уже случалось несколько столетий назад. Тогда родился мальчик с огненными волосами, что напугало мортов, но его мать провела около пяти лет в тюрьме на острове Мортем, и единственным, кто ее посещал, был муж, поэтому ребенок без сомнений был мортом. Только вот за тот ужас, что пришлось пройти моей маме, она так и не сумела простить меня.

— Мам, что случилось? Куда ты меня ведешь? — заскулила я.

— Звонила твоя бабушка.

Эти слова не предвещали ничего хорошего. Я видела бабушку всего несколько раз в жизни, и она была из тех людей, что внушали ужас одним своим присутствием. Нетрудно было представить, каким образом она заслужила признание и уважение среди мортов. На мгновение я уловила во взгляде матери беспокойство, когда она посмотрела на меня.

Женщина буквально вытолкала меня на парковку. Наш мерседес я заметила еще издалека. Словно облитая серебром, плавающим на солнце, машина бросала блики на дорогу. Отец стоял рядом, разгоряченно споря с кем-то по телефону.

— Я попросил тебя заменить нас на несколько дней. Хизер, почему ты никогда не можешь просто подчиниться?

Собеседница прокричала в трубку ругательства. Я ни разу не видела, чтобы родители разговаривали с сестрой в подобном тоне. Она была неприкосновенна, ведь, в отличие от меня, не приносила семье каких-либо проблем.

— Хизер, пожалуйста. Мы с матерью вернемся через два дня. Лизель настояла, чтобы мы приехали вместе с Айви. Это важно, разве ты не понимаешь? Неужели забыла, что произошло с Джеймсом?

Незнакомое имя неприятно царапнуло слух и задержалось в мыслях дольше необходимого. Единожды оно прозвучало в нашем доме, и мой вопрос о его обладателе остался без ответа. Что бы ни скрывала моя семья, Джеймс был ключевой фигурой всего.

Казалось, упоминание этого человека немного поумерило пыл сестры. Отец кивнул, соглашаясь с чем-то, сказанным Хизер, а после, поблагодарив ее за понимание, окончил разговор. Мужчина перевел взгляд на меня и заключил в свои объятия, пытаясь успокоить. Мама, отпустив мою руку, улеглась на переднем сидении автомобиля.

— Садись, дорогая, — мужчина слегка коснулся губами моего лба. — Мы все расскажем тебе по дороге.

Я послушно забралась на заднее сидение, положив сумку на колени. Что-то в поведении родителей настораживало. Я понятия не имела, что наговорила им бабушка, но это было нечто серьезное, иначе меня бы не выдергивали из привычной жизни за неделю до начала занятий в Академии Джулианы Томпсон.

— Мне кажется, ничем хорошим это не закончится, — Эвон расположилась рядом, поджав под себя ноги.

Девушке ничего не угрожало, но она выглядела встревоженной. Я коснулась ее руки. Душа посмотрела на меня с беспокойством. Она боялась за мою жизнь и безопасность. Сколько бы Эвон не издевалась, я видела доброту внутри нее, что в который раз укутала меня, будто теплым пледом, на время успокаивая.

Бабушка стала той, благодаря кому меня и маму не убили. Она спасла нас, усомнившись в предательстве дочери, и тем самым подарила собственное покровительство, защищающее от Сената. Но я знала, как никто, что именно ее стоило бояться больше любого другого морта. Ведь бабушка, приехав на празднование моего шестого дня рождения, с улыбкой на губах сообщила мне, что позаботится о том, чтобы уничтожить меня и все, что мне дорого, если я решу когда-либо послушаться ее.

Мягкая ткань коснулась моих плеч, и я укуталась в нее, вдыхая привычный аромат сырости, за которым успела соскучиться за год. Теплый черный плащ принял меня в свои объятия, согревая. Отец бережно накинул капюшон мне на голову, пряча под ним собранные в хвост волосы. Он ласково коснулся щеки тыльной стороной ладони и грустно посмотрел на меня. Рядом с ним я чувствовала себя в безопасности, хоть это и было иллюзией.

— Послушай меня, — отец взял меня за руку. — Твоя бабушка позвонила Хелен пару часов назад и сказала, что Сенат хочет видеть тебя завтра на закате. Но нас она хочет видеть сегодня же, поэтому мы отправляемся раньше.

Я кивнула. Не было смысла разяснять в подробностях, что именно хотела бабушка от родителей. Сколько бы лет ни прошло, она все еще не могла полностью им доверять, хоть и любила свою дочь. Я легонько коснулась кулона на шее, пропустив его сквозь пальцы, и тяжело вздохнула. К несчастью, шутка вселенной никак не хотела заканчиваться, набирая обороты, и я уже не знала, чего ожидать.

— Я буду с тобой до конца, — Эвон коснулась моего плеча. — Я буду стоять рядом, и никто не сумеет прогнать меня, ведь эти самодовольные идиоты понятия не имеют о том, с кем связались. Им тебя не сломать.

Я усмехнулась. В чем-то девушка была права. Когда боишься всю свою жизнь, в один день страх утомляет настолько, что просто отпускает. И нет ничего страшнее человека, который устал прятаться и убегать.

Мама, облаченная в такой же плащ, вышла из своей комнаты, пряча что-то в рукаве. Я подозревала, что то была душа Такера, но его самого поблизости не наблюдалось, так что я могла ошибаться.

Как только дверь открылась, и на пороге показалась Хизер, мама повернулась и посмотрела на меня. В ее взгляде, где-то слишком глубоко, чтобы я была уверена в увиденном, таилось беспокойство. Хотелось верить, что впервые женщина волновалась о сохранности своего чада, а не о собственной безопасности.

— Ты готова?

Нет, я не была готова. Даже за тысячу лет, что была у меня в запасе, я бы не сумела подготовиться к встрече с Сенатом. Древние пугали каждого морта, и я отдала бы полжизни, только бы никогда не видеться с ними. Даже с бабушкой.

— У нас не так много времени, Лиам. В полночь Лизель будет ждать нас. Поторопись, — сказала мама и вышла из дома.

Отец бережно коснулся моей руки.

— Тебе удобно?

Я давно не надевала форму, но она сидела идеально. Приятная тяжесть сапогов напоминала о ветре, бьющем в лицо, и безграничной свободе.

— Все хорошо, пап.

Взгляд мужчины потеплел.

— Ты ведь помнишь дорогу?

Я кивнула. Отец накинул капюшон на голову и направился к выходу.

— Тогда не отставай.

Мгновение, и на пороге никого не осталось. Я прислушалась. Из гостиной доносилась музыка, а в кармане без конца вибрировал телефон. Достав его, я увидела массу пропущенных звонков от друзей. Как же мне хотелось объяснить им все, успокоить, но на это не было времени. Выключив телефон, я вернула его в карман. Больше меня ничего не держало в Гринвилле. С жизнью, которой я так дорожила, пришлось попрощаться на ближайшие три месяца. Но впереди меня ожидала сладостная свобода, которую я уже чувствовала каждой клеточкой тела.

И я побежала.

Мир превратился в один бесконечный блик, проносящийся мимо. В одно мгновение я покидала порог собственного дома в Гринвилле, а в следующий уже пересекала границу Южной Каролины и Джорджии. Каждый вдох разгонял адреналин по венам, делая меня частицей самого ветра.

Скорость, доступная телу морта, всегда привлекала меня. Ученые, живущие на острове Мортем, сотворили чудо, преподнеся в канун Рождества в один из годов семнадцатого века каждому марту на планете подарок в виде черного костюма и теплого мягкого плаща, способного увеличить скорость морта в сотни раз. Технологии, использованные в создании изобретения, значительно упростившего жизнь, были тщательно засекречены разработчиками, и никто, кроме Сената и ученых, работавших над проектом, понятия не имел, что именно представляли собой костюмы, делающие морта быстрее звука. Только вот никто и не хотел знать, что происходило в лабораториях, подчиняющихся Древним. Мортам хватало того, что их жизнь упрощалась и совершенствовалась с помощью технологий, которые никого не интересовали.

Я пыталась отыскать какую-либо информацию о создании формы, но в библиотеках на острове Мортем не было ни единого упоминания об исследованиях, проводимых в семнадцатом веке. Конечно, наивно было надеяться найти что-нибудь в месте, подконтрольном Сенату, но мне была не чуждо упорство. Что-то подсказывало, что скрываемые факты таили в себе нечто такое, что за подобное знание могло убить.

Но я все так же наслаждалась мгновениями, когда мое тело было вне времени и пространства. Я будто сама была неудержимой стихией, пересекающей океан, и мои ноги едва касались воды, оставляя за собой дорожку из разлетающихся во все стороны брызг.

Сумерки, опускающиеся на Землю, укутывающие утомленных людей, успокаивали меня. Будучи ветром, я не боялась Сената, не боялась своей бабушки, которая могла уничтожить всех вокруг меня. Несясь навстречу солнцу, я могла все.

Как только мои ноги коснулись мокрого песка, я замедлилась до человеческого шага. Родители стояли на берегу океана в ожидании. В длинных волосах мамы плясал ветер, и это напомнило мне о первых годах жизни на острове среди мортов, фортепианной музыки и сказок на ночь.

— Добро пожаловать домой, дорогая.

[1] (фран.) Прекрасно

Среди узеньких темных улиц я блуждала, словно потерянный крошечный огонек, не находящий места. Мрачный, сокрытый в тумане Мортем, как и годами ранее, остался столь непривычным для меня. Еще с детства он ассоциировался с чем-то таинственным, но слишком далеким, ведь я выделялась среди мглы. София однажды сказала, что я будто солнечный луч, что не смог пробиться сквозь туман, и спустился на землю в облике ребенка, дабы осветить каждый закуток города, погруженного в вечную тьму.

В машине мама поведала мне о звонке бабушки Лизель. Она редко давала о себе знать, и я видела страх в глазах родителей, ведь подобные неожиданности никогда не приносили ничего хорошего. Бабушка жила в другом мире, к которому ни одному из нас не достало чести прикоснуться, и внезапное желание Сената видеть меня всполошило все семейство Блумфилд. Древние хотели удостовериться, что я не представляла угрозы своему народу, и могу продолжить обучение в Академии Джулианы Томпсон без каких-либо трудностей. Они хотели заглянуть в мою голову и понять, не стала ли я частью человеческого мира слишком сильно, чтобы тот зацепил меня и изменил изнутри.

Как ни странно, я не боялась. Пускай бабушка и имела власть в нашем мире, мне она показала свое истинное лицо многие годы назад. Будучи ребенком, переполненная страхом, я не знала, с кем поделиться чувствами, что тревожили меня. Всюду чудились лишние уши, способные донести Сенату о мыслях, полнивших мою голову. Мыслях, за которые карали сиюминутно, как только удавалось их распознать. Я росла, и постепенно страх угасал во мне, сменяясь уверенностью в собственных силах. Пришло осознание спасительной истины, подарившей мне покой: раз бабушка пригрозила мне одиннадцать лет назад, я была той, кого она боялась и надеялась удержать под контролем. Я тоже кое-что значила в безумном мире мортов, и могла пользоваться силой, о которой доселе понятия не имела.

Ночь давно опустилась на землю, но мне не спалось. Родители отправились к бабушке, стоило нам прибыть на остров, взяв с меня обещание не влезать в неприятности, пока те не вернутся. Только вот стены спальни давили, и даже маленькие светящиеся звезды, усыпающие потолок, не успокаивали. Внутри кипела энергия, желание что-то делать, и, собравшись, я направилась теряться улочками города, наслаждаясь покоем и вдыхая прохладный воздух.

Подняв голову, я с грустью осознала, что густой туман застилал небо, не давая разглядеть звезды. Мне вновь подумалось о том, как же сильно Мортем отличался от привычного Гринвилла, где я чувствовала себя в безопасности. Там не было осуждающих взглядов, подозрительных перешептываний за спиной и круглосуточного наблюдения за моими действиями. Даже сокрытая во тьме, я знала, что меня видят и знают, чем я занята. На острове не было тайн. Все секреты рано или поздно всплывали на поверхность, предавая их хранителей.

Мне часто хотелось сыграть в кого-то другого. Я красила волосы в черный, но что-то в моем организме не позволяло пигменту прижиться, и все тут же смывалось, возвращая огненный цвет. Я делала вид, что не знала, кем являлась, и убеждала себя временами, что моя жизнь ничем не отличалась от существования людей вокруг. Очередная ложь, в которую до боли хотелось верить. Истертые до дыр отмазки для самой себя, оправдания, попытки скрыть обиду, ведь я не была своей ни в одном из миров. И однажды пришло принятие

неизбежного. Я та, кем являлась, морт с пламенем, горящим в сердце, и я всегда буду немного пугать свой народ, сколько бы ни пыталась стать такой же, как и все.

Внезапно за спиной послышались шаги. Я натянула капюшон на голову, стараясь скрыть непослушные локоны, то и дело падающие на лицо, и застыла, прислушиваясь. Незнакомец, кем бы он ни был, постепенно приближался, и внутри все больше нарастало беспокойство. В голове проскочила мысль, что бабушка могла позаботиться о компании Теней, что следовали бы по пятам, стараясь распознать во мне угрозу.

Не давая незнакомцу сократить расстояние между нами, я выскочила из-за угла, пользуясь тем, что преследователь никак не мог ожидать от меня попытки напасть. Не рассчитав силу рывка, я с ужасом осознала, что летела прямоком на фигуру перед собой, и никак не могла остановить падение. Сильные руки ухватили меня за плечи и помогли удержаться на ногах. Прикосновение незнакомца напомнили об Айзеке, что не раз выручал меня. Только вот он никак не мог очутиться на острове, переполненном тварей, не знающих жалости.

— Смотри куда несешься, глупая Ривэрто.

Мерзкий голос, исходящий от незнакомца, тут же привел меня в чувства. Немецкий акцент, преследовавший меня в кошмарах, заставил холодок пройти по коже. До начала занятий оставалась неделя, и я надеялась провести ее в покое, не сталкиваясь с теми, кого вполне можно было записать в категорию врагов. Незнакомец, следовавший за мной по пятам, оказался одним из тех, кого видеть мне хотелось меньше всего.

Гюнтер Шильдкнехт был тем редким типом парней, вызывающих во мне жуткое желание бежать как можно дальше в попытке сохранить собственную жизнь. А за годы обитания среди общества недружелюбных мортов я научилась держать страх под контролем, поэтому чувство, возникающее внутри, как только брюнет оказывался рядом, было для меня непривычным и тревожным. Спроси меня кто, что так сильно пугало меня в нем, я бы не ответила, ведь и сама толком определить не сумела за два года учебы в Академии, что такого особенного в немце. Реальным был лишь страх, стоило ему обратить свое внимание на меня. А парень, будто хищник, чувствующий добычу, видел во мне этот необъятный ужас и делал все лишь хуже нескончаемыми нападками, унижениями и издевательствами.

Я постаралась загнать страх, свернувшийся узлом в животе, обратно в ящик, который то и дело запирала на задворках души, и унять дрожь в пальцах. Гюнтер читал меня, будто раскрытую книгу, а я не могла ответить ему тем же. Взгляд в панике прыгал от одного фонаря, освещающего улицу, к другому.

— Сколько тебе повторять, что я такая же, как и ты? — голос предательски дрогнул.

Парень злобно усмехнулся, легонько отталкивая меня от себя. Не удержавшись на ногах, я сделала пару шагов назад и, споткнувшись, упала. Капюшон слетел с головы, освобождая огненные пряди, что тут же рассыпались по плечам.

— Маленькая крольчишка напугана? И правильно. Нечего бегать в тумане среди ночи. Глядишь, наткнешься еще на большого серого волка, готового полакомиться запуганным зверьком.

Сердце колотилось в груди, будто свихнувшееся. Ноги дрожали, и я силой сдерживала слезы, только бы не заплакать и не выглядеть еще более жалкой, чем уже себя показала.

Гюнтер нагнулся и заглянул мне в глаза. Я чувствовала, как легкая дымка заполняла мои мысли, и они постепенно становятся вязкими и текучими, словно карамель, что липла к зубам. Разум не принадлежал мне более, и я не могла разогнать дым, поселившийся внутри.

— Тебе повезло, глупая Ривэрто. Сегодня я в хорошем настроении, и ты всего лишь подождешь, пока я уйду, а после отправишься домой и ляжешь спать. И до начала занятий лучше бы тебе не попадаться мне на глаза, ведь в следующий раз я могу быть не столь великодушен.

Я кивнула, не отводя взгляда от его карих глаз, и покорно ждала. Парень провел пальцами по моей щеке, едва касаясь, и отошел на шаг назад. Развернувшись, он медленно направился прочь, насвистывая какую-то мелодию, а я глядела ему вслед. Дым постепенно рассеивался, возвращая мне ясность мыслей, и по щекам заструились слезы.

Как и ранее, я была бессильна против него. В который раз Гюнтер забрался в мою голову, а я не то, что остановить его не смогла, даже на секунду задержать не вышло. Мое сознание в который раз потерпело фиаско, не вступая в битву, и позволило овладеть собой, словно игрушкой, жаждущей обрести хозяина. Я все еще была слишком слаба, чтобы дать отпор.

В чем бы ни заключалась сила, которой так страшилась бабушка Лизель, я все еще не могла отыскать ее в себе.

Оказавшись в своей комнате после встречи с Гюнтером, я так и не сомкнула глаз. В голове то и дело всплывал взгляд, полный ненависти и превосходства, которым парень меня наградил, и становилось жутко от одной мысли о том, что он с легкостью мог манипулировать моим сознанием, заставляя делать все, что только мог бы пожелать. Перед ним я была уязвима больше, чем перед кем-либо еще, ведь только Гюнтер направлял свой дар на унижение окружающих. В ту ночь я бы предпочла встретиться с отрядом Теней.

Родители вернулись лишь около полудня. Пустой отсутствующий взгляд мамы, скользнувший по мне, свидетельствовал о многом. Ночь выдалась трудной не только у меня. Женщина сбросила плащ с плеч, и тот упал на пол в прихожей. Переступив через черную ткань, она направилась в комнату, не сказав ни слова. Мои пальцы сжали чашку, вымещая злость на ней.

— Как прошла первая ночь на острове? — отец приземлился на диване около меня.

На его лице сияла добродушная улыбка, что многие годы была спасительным лучом, пробивающимся сквозь мглу, окружившую меня. Самые ранние воспоминания были связаны именно с ним. Мама закрылась в себе, увидев, кому дала жизнь, и практически всю заботу о едва распахнувшей глаза малышке взял на себя отец. Он заставил меня полюбить свою особенность, принять ее как дар и не стыдиться отличия от остальных мортов. Он сидел со мной ночами, когда слезам не было конца из-за издевательств в Академии, и поил теплым молоком с медом, пока я болела. Ему единственному я вручила всю свою любовь без остатка так же, как и он в свое время.

— Мне не спалось, и я пошла прогуляться. Здесь все так же не видны звезды.

О встрече с Гюнтером я решила умолчать. Пускай я и могла назвать его своим врагом, только вот это никак не означало, что стоило жаловаться отцу. Я многому научилась в Академии, и подготовка к итоговому экзамену, после которого я смогу стать полноправным членом сообщества мортов, практически подошла к концу. После выпуска я буду предоставлена сама себе, и больше никому станет меня защищать.

— Боюсь, после сегодняшней встречи тебя будут мучить кошмары еще не одну ночь, — мужчина тяжело вздохнул и потрепал меня по голове.

Я поморщилась, но позволила взъерошить мои волосы. Иногда ему это было

необходимо больше, чем мне. Не каждому мурту, не окончившему обучение, удавалось встретиться с Древними хоть раз, а меня такая участь постигала дважды. Тогда я была совсем маленькой, и воспоминания покоились где-то на дальних полках моего сознания, припадая пылью все больше день за днем.

Перспектива стать объектом изучения сотни таких, как Гюнтер, позволить им забраться в мою голову и перевернуть все вверх тормашками, отыскивая малейший намек на мое возможное предательство, заставляла кровь стыть в жилах. Я не могла назвать себя примером для подражания, да и мало кто был без греха, но меня пугала сама мысль о том, что могло всплыть на поверхность. Моя привязанность к Гринвиллу. Полуночные посиделки с Лидией, уплетающей за обе щеки марципаны. Вечные подколки Айзека во время уроков. Эвон...

— Сладенькая, не думаю, что я придусь им не по вкусу, — словно по волшебству, девушка оказалась рядом и запустила пальцы в мои волосы. Движения ее рук успокаивали меня. — Я никак не могу причинить им вред. Разве что та кучка стариков бежит в панике от мертвых мерцающих француженок.

Эвон, как всегда, знала, что сказать. Ее послали мне, словно дар, чтобы помочь преодолеть каждую трудность на пути. Ее неугасаемый оптимизм, острое словцо и открытая насмешка над миром, что вдоволь отыгрался на ней, лишив жизни в шестнадцатилетнем возрасте, каким-то магическим образом наделили меня уверенностью в себе.

— Ты ведь знаешь, нам не дадут присутствовать. Ты будешь сама среди них. Даже Лизель никак не сможет тебе помочь.

Не думаю, что она уж очень того хотела.

— Пап, я буду не одна, — я ободряюще коснулась его руки.

— Ах да, я и забыл. Эвон ведь не оставит тебя саму бродить коридорами Здания Правосудия, не так ли? — мужчина улыбнулся. — Знаешь, я и не думал, что тебе так повезет. Твой мир намного шире и больше, чем наш с Хелен. Быть может, именно тебе стоило учить нас жизни, а не наоборот.

Отец поднялся с дивана и направился в комнату к маме. Я проводила его взглядом и вздохнула. Он так отчаянно пытался уберечь меня от всего плохого, что могло выпасть на мою судьбу, но кто мог защитить его от последствий моего существования?

Чай давно остыл, но я все так же сжимала чашку в руках, будто спасительную соломинку. Время стремительно утекало, приближая час встречи с Сенатом, и я все больше понимала, что не готова предстать пред ними и дать дыму овладеть собой. Мурты не знали сочувствия, а те, кто жил среди людей тысячи лет, выносили вердикты быстро и безжалостно. Мой мир был жесток.

— Клэр и Патрик просили передать тебе, что будут надеяться на твое возвращение, — Эвон присела рядом. — Я говорила им, тебе будет приятно, если они сами придут и скажут, но...

— Я понимаю.

Это было сродни смотреть на смертника. И все, кто мог бы этого избежать, пользовались случаем. Пусть они и были душами. Я не могла их винить, ведь и сама едва ли поступила бы иначе.

— Я обещаю, что буду держать твою руку, пока весь этот кошмар не кончится, — улыбка на лице девушки потухла. — Даже если станет страшно, я не исчезну.

Глаза наполнились слезами, и мне пришлось стереть их рукавом рубашки.

— Спасибо, Эвон.

Ноги путались в длинной черной юбке, что мама заставила меня надеть. Ее туфли были на меня велики, и пришлось идти в ботинках, из-за чего я была ниже, чем рассчитывалось. Капюшон скрывал мое лицо, но я чувствовала взгляды окружающих, давящие со всех сторон на меня. Рыжие волосы сводили все попытки скрыть мою личность к заведомо предсказуемому результату. Мысленно я проклинала судьбу и генетику.

— Разве им трудно было прислать машину? — недовольно прошипела я.

Отец рассмеялся.

— Какие машины на острове, тыковка? Никому здесь не требуется любое средство передвижения, кроме своих собственных ног. Гринвилл слишком тебя разбаловал.

— В Гринвилле на меня не таращатся, словно я какое-то чудовище, способное всех уничтожить.

Ответом мне послужил тяжелый вздох. Конечно, слышать подобное было не очень-то и приятно. Пусть отец и не был ярым поклонником Древних, к этому миру он, все-таки, был ближе, чем я. Он был его неотъемлемой частью, одной из множества шестеренок. Мне же больше подходило сравнение с глюком или багом.

Старинные улицы, погруженные в туман, сменялись одна другой, и я повсюду ловила взгляды, обращенные в нашу сторону. Взгляды, преследовавшие меня на протяжении всех семнадцати лет жизни, стоило мурту распознать во мне сородича. Я слышала, как дети спрашивали родителей, как эта странная девушка оказалась на острове, и почему никто не хотел потушить огонь в ее волосах. Невольно я засмеялась.

Муртем являл собой город, сокрытый в тумане и окруженный лесом. Мурчное, унылое место, которое периодами вгоняло меня в тоску. Палитра мира лишилась ярких красок в этом месте, и разукрасила все вокруг темными тонами. Мир в черно-белую полосу, где я, сама того не желая, расплзлась пестрой кляксой, принося хаос в отлаженную систему.

Низенькие одноэтажные дома жались друг ко другу, будто ища защиты. Снаружи они походили на строения вовсе не из этой эпохи, но внутри мурты обставили их в самом современном стиле, придерживаясь мировых тенденций. Прогресс добрался даже до столь крошечного закутка земли. Хотя я могла бы с гордостью заявить, что сами мурты в равной, а то и в большей степени приложили сил в развитие технологий и инноваций. Оставалось лишь вложить нужную мысль правильному человеку в голову, и по истечению нескольких лет на свет появлялось нечто способное улучшить и упростить жизнь.

Периодически спотыкаясь, я втайне радовалась, что мамины туфли оказались мне не по размеру. Брусчатка под ногами никак не способствовала беспрепятственному продвижению улицами. Неуместное желание стянуть обувь и коснуться прохладной дороги босыми ногами пришлось силой выбросить прочь, но воспоминания о детских играх на этих самых улицах теплом расплылись по телу, разгоняемые кровью.

Эвон, пританцовывая, шла рядом. Она словно стала приглашенной на бал среди высокопоставленных господ и искренне радовалась этому, но я знала, что девушка боялась не меньше моего. Пусть ее судьба и не решалась в равной мере с моей, исход встречи повлияет и на нее. Вердикт Древних, так или иначе, изменит жизни нас обеих, и подобная ответственность, что легла на мои плечи, никак не могла внушать радость.

— Айви, дорогуша, все будет хорошо, — девушка подмигнула мне. — Знаешь, что я думаю?

Я небрежно пожала плечами, стараясь не привлекать внимания лишними движениями.

— Они боятся тебя не меньше, чем ты их. Что я точно успела усвоить за годы жизни среди вас, так это то, что морты приходят в ужас от того, чего не понимают и что не могут контролировать. А ты взяла бы первый приз в конкурсе «Странности Планеты Земля».

Эвон всячески пыталась подбодрить меня, заставить верить в свои силы, но, чем ближе мы приближались к Зданию Правосудия, тем быстрее таяла моя уверенность. Огромное здание с башней, окно которой, будто всевидящее око, следящее за каждым в городе, возвышалось в нескольких сотнях метров от нас, и мне чудилось, будто сам дом всматривается в мою душу, ища потаенные секреты.

— Дальше ты сама, тыковка, — отец сгреб меня в объятьях и прижал к себе. — Надеюсь увидеть тебя поутру.

— Я люблю тебя, пап.

Отец не ответил. Он никогда не отвечал. Его любовь выражалась в действиях, что было для меня ценнее миллиардов слов. Поступки никогда не лгали.

Разжав объятья, мужчина в мгновение ока исчез. Выполнив свою миссию, он более не был скован надобностью передвигаться с человеческой скоростью, привлекая внимания окружающих. Я мысленно отдала ему должное за то, что тот согласился провести меня, зная, что все взгляды будут обращены на нас. Таков был обычай. Каждый, кого вызывал Сенат, должен был добраться до Здания Правосудия, пройдя улицами города без помощи технологий, изобретенных учеными Мортема. Будто символ возвращения к истокам, когда мы были равны с носителями душ.

Я обернулась и посмотрела на здание, возвышающееся передо мной.

— Ты справишься, — Эвон коснулась моей руки.

Я сжала ее пальцы своими и принялась подниматься по ступенькам, мысленно отсчитывая каждую. Числа в моей голове успокаивали, возвращали иллюзию того, что я все еще владела ситуацией. Ботинки казались тяжелее обычного, а юбка, все еще запутывающаяся в ногах, раздражала, и мне не терпелось сорвать ее с себя, даря желанный комфорт.

Добравшись до последней, восемьдесят шестой ступени, я оказалась перед массивной дверью из орехового дерева. В голове мелькнуло воспоминание, как я, будучи пятилетним ребенком, так же стояла и смотрела на гигантские ворота в иной мир, сжимая руку матери. Тогда Эвон, способной подбодрить, еще не было в моей жизни, и я дрожала от каждого слова Древних, обращенных в мой адрес.

Только я подняла руку и собралась постучать, как дверь сама по себе отворилась, и на пороге меня встретила бабушка. Она выглядела так же непревзойденно и устрашающе, как и годами ранее. Длинные черные волосы были собраны в элегантную прическу, а сама женщина облачилась в кричаще-вульгарное черное платье, подчеркивающее ее идеальную фигуру и аристократическую бледность. Я застыла, восхищенно разглядывая ее.

— А твоя бабуля не такая уж и старуха, как мне казалось, — Эвон была ошеломлена не меньше моего. — Чёрт, почему она, прожив почти пять веков, выглядит так, словно сошла с обложки журнала о моделях?

Я не нашла, что ответить.

— Привет, дорогая, — Лизель протянула мне руки, ожидая, что я приму ее объятья, и я не посмела ослушаться. — Ты так выросла с того дня, когда мы виделись в последний раз. Я рада, что ты смогла прийти сегодня.

Ложь пропитала каждое слово, слетающее с губ женщины, и я мысленно внушала себе, что обязана быть осторожной.

— Тебе не нужно бояться меня, Айви, — губы бабушки расплылись в улыбке. — Я на твоей стороне. Ты ведь помнишь наше обещание друг другу? Уверена, ты его не нарушила. А, раз так, значит тебе нечего опасаться.

Ей даже не требовалось окутывать мою голову туманом, чтобы добраться до мыслей, плавающих на поверхности. Из всех мортов, обладающих даром управления сознанием, что я знала, она была самой искусной.

— Идем, я представлю тебя остальным.

— Я уже ее ненавижу, — Эвон, надув губы, шагала рядом со мной. — Я мертва много лет, и ты единственная, кто может видеть меня, но я все равно завидую ее красоте.

— Можешь передать своей подруге, что мортам это дано от рождения, — сказала Лизель.

Я от удивления рот раскрыла. Как бабушка могла знать, о чем говорила Эвон, если не могла видеть души?

— Она прочитала это в твоих мыслях, — по правую руку от меня вдруг появилась девчушка лет пяти-шести. Ее рука сжимала подол платья женщины. Малышка светилась зеленым едва различимым светом. — Тетушка Лизель не умеет видеть души, но, если морт прокручивает в своей голове слова, услышанные от души, она может это узнать. Честно говоря, иногда я боюсь ее. Как здорово, что никто из вас не умеет забираться в голову к мертвым.

Девочка была очень милой, и мне на долю секунды стало жаль ее, ведь малышке пришлось жить все это время рядом с моей бабушкой, которую никак нельзя было назвать очень дружелюбным мортом. Но, опомнившись, я постаралась очистить свою голову от чего-либо, что могла бы учуять Лизель.

— Я Мара, — девочка улыбнулась мне. — А ты Айви, да? Тетушка очень много говорила о тебе в последние дни. С другими Древними. И с твоими родителями вчера тоже. Она очень надеется, что сегодняшняя встреча пройдет в лучших традициях сообщества мортов, и ты покажешь себя в лучшем свете. Не бойся. Впусти дым в свою голову, и ты увидишь, что он не тронет того, что ты хочешь спрятать. Если позволить ему свободно перемещаться, он и не заметит, что ты что-то пыталась утаить от них. Мне об этом рассказал кое-кто очень важный.

Слова девочки звучали убедительно, будто она точно знала, о чем говорит. Это показалось мне странным, но я не стала задавать вопросов, ведь бабушка была рядом.

Темный коридор становился все уже, и мне становилось не по себе. Бабушка плавно двигалась вперед, напевая какую-то мелодию, но я не слушала, погружаясь в мысли глубже и глубже. Почему-то меня преследовало чувство, что все вокруг скрывают от меня нечто очень важное, а я все никак не могла распознать ложь. Даже Мара говорила о человеке, поделившимся с ней секретом, так, словно он имел ко мне непосредственное отношение, но никто из моих близких, кроме родителей, никогда не бывал в Здании Правосудия.

Айви, успокойся. Ты ведь ничего не сделала. Ты была той, кем тебя желали видеть. Ты знаешь, что бояться нечего. Просто доверься тому, что знаешь наверняка, и позволь им забраться в твою голову. Раз эта кучка заплесневелых придурков считает, что ты опасна, покажи им, что страх давно покинул твое тело, и ты знаешь, что можешь представлять угрозу, если захочешь, но все еще остаешься на их стороне. Ты ведь веришь в этот мир, и

веришь в себя. Никто не сможет этого у тебя отнять.

Бабушка остановилась и обернулась ко мне. Я посмотрела на нее с надеждой на то, что она ничего не услышала, не распознала мои мысли.

— Не хочу обнадеживать тебя. Есть вероятность того, что ты никогда не выйдешь из этого здания. Они — не я. Дважды они давали тебе шанс, ставя на черный ящик с неизвестными составляющими внутри. Но в третий раз могут быть не столь благосклонны. Убеди их всех, что достойна жизни. И... — она на мгновение запнулась, и в ее глазах заплясали искорки, — в первую очередь, убеди меня, что не нарушила наш договор.

Прежде, чем я успела что-либо ответить, дверь перед нами отворилась, и лунный свет упал на мое лицо. Когда мои глаза привыкли к свету, я поняла, что бабушки уже не было рядом. Эвон стояла по левую руку от меня и с паникой во взгляде таращилась на огромный зал, заполненный мортами, желающими забраться в мою голову. Величественными, прекрасными и смертоносными.

— Добро пожаловать, Айви Тереза Блумфилд, дочь Лиамы и Хелен, кровь от крови Лизель Флеминг, потомственной Древней, рожденная мортом и нареченная Эновисон. Мы ожидали тебя.

Я никогда не умела лгать самой себе. Попытки сбежать от правды обращались провалом, и со временем я привыкла к тому, что прикрыться иллюзией мне просто не удастся. Стоя на пороге комнаты, переполненной мортами, я уже знала, что мне не выйти из нее невредимой. Пусть они не тронут мою оболочку, внутри я буду выжжена дотла, уничтожена дымом. Древние смотрели на меня, безмолвно изучая, и я пыталась распознать в их лицах угрозу.

— Айви, они ждут, — голос Эвон прорвался через оцепенение, что завладело моим телом, и я, преодолевая страх, сделала первый шаг навстречу своей гибели.

Душа была напугана. Она сжимала мою руку, и, будь девушка материальной, боль заставила бы меня поморщиться, но я всего лишь ощущала легкое давление. Страх щупальцами обвил сердце, сдавливая его и мешая дышать. Мы разделили его поровну, приняли ношу на плечи и двинулись в объятья тьмы, гордо вздернув подбородок. Окруженные, но не сломленные. Запуганные до смерти, но все еще надеющиеся.

Взгляд блуждал среди фигур, облаченных в черное. Некоторые лица были мне знакомы. Отголоски воспоминаний о прошлых встречах с Сенатом, когда решалась не только моя судьба, но и мамина. Теперь она была в безопасности, и груз вины оставил меня. Любое решение, принятое в ту ночь, не повлияет на мою семью, и это служило крошечным утешением среди нескончаемой черной полосы, что, несомненно, положила глаз на мою жизнь, преподнося не самые радостные сюрпризы.

Очутившись в центре зала, я застыла на месте, затаив дыхание. Слова были лишними. Для Тесефи они были всего лишь пустым звуком, вырывающимся изо рта, что нес ложь. Они забирались глубже, превращая тайные помыслы в предателей, а секреты — в палачей. Без усилий блуждая по поверхности, заставляли угрозу выплыть наружу, не утруждаясь, и не было ни малейшего шанса утаить что-либо от рожденных с даром подчинять себе сознание морта.

— Они будут копаться в твоей голове, а страшно мне, — Эвон поправила волосы, но я успела заметить, как дрогнула ее рука. — Они ведь не узнают, что я подглядывала за ребятами из твоей школы? Думаю, это не послужит на пользу моей репутации.

Слова подруги заставили улыбку скользнуть по моим губам. Даже в критических ситуациях Эвон оставалась собой, разбрасываясь сарказмом и пытаясь меня подбодрить, как бы плачевно все не выглядело.

«Не бойся. Позволь дыму заполнить твою голову...» — отголосками воспоминаний звучал в голове голос маленькой девочки. Я не могла позволить себе вольность слепо довериться совету того, кто знал обо мне гораздо больше, чем пытался показать. Все еще в панике перебирая возможные исходы, я отгоняла от себя мысль о том, что Мара утаивала нечто важное, что могло бы спасти мою жизнь. И не только она. Родители, сестра, бабушка, сам Сенат. Все хранили некий огромный секрет, оставляя меня в неведении.

— *Не противься, дорогая,* — прозвучал в голове голос бабушки. — *Это заставляет думать, что ты виновна.*

«А перспектива впустить в свою голову пару сотен демонов кажется лучшим вариантом?» — так и хотелось бросить ей в ответ, но я подавила мысль, не дав ей родиться.

— Доверься ей, — Эвон ободряюще улыбнулась, но вышло вымученно и неискренне. —

Может, мелкая и правда знала, о чем говорит.

Я вздохнула. Борьба с самой собой была бессмысленной. Будто бы у меня был выбор. Его давно отобрали Древние, сделав из меня посмешище, циркового уродца, чтобы потешить свое самолюбие и в который раз доказать безоговорочную власть.

Закрыв глаза, я постаралась расслабиться, пустить мысли на самотек, дать им жизнь отдельно от моего сознания. Я отпустила поводья, за которые так отчаянно держалась, и передала контроль над своей жизнью Сенату, позволяя войти в мою голову и навести там порядок. Распахнула двери во все запыленные комнаты, вынула из самых тайных уголков сундуки, которые пообещала сама себе никогда не открывать. Я отдалась воле судьбы, позволив себе последнюю мысль.

Только бы Мара оказалась права...

Где-то вдалеке послышался гудок поезда. Распахнув глаза, я застыла в недоумении. Мгновением ранее я стояла в огромном зале, погруженным в полумрак, окруженная Древними. Но перед глазами было бескрайнее поле, залитое солнцем. Мои руки утопали в золоте пшеницы, колосающейся на ветру. Исчезла надоедливая черная юбка, и я чувствовала, как крошечные усики растения касались бедер. Босые пальцы ног зарылись в мягкую влажную землю. Из ниоткуда взялся покой. Постепенно страх отпустил, и на смену ему меня обьяло счастье. Я расплела косу и позволила волосам отдаться порывам ветра, смеясь.

Я помнила тот день. Отец взял меня с собой в путешествие. Мне было около одиннадцати, и накануне я поругалась с мамой из-за своего дара. Я никак не могла осознать, что не так было во мне, что раз за разом женщина, которая должна любить меня, срывала на ребенке всю злость.

Запястья коснулись чужие пальцы. Я даже не обернулась, зная, кому именно они принадлежали.

— И ты здесь? — прошептала я.

Эвон пожала плечами, от чего рука, сжимающая мою ладонь, дернулась.

— Тут спокойно. Одно из лучших мест, где мы побывали. Я люблю это поле.

— Тебя ведь не должно быть со мной. Как ты пробралась в мою голову?

Девушка раскинула руки и упала в объятия пшеницы, что мягко приняла ее, усыпав светящиеся васильковым светом волосы крошечными зернышками. Я последовала ее примеру и утонула в золотом потоке. Над нами спешили пушистые облака, и бескрайнее голубое небо звало за собой. Внутри бурлила энергия, взывала ко мне. Ногам хотелось движения, ощущения безграничной свободы. А я лежала на влажной земле, вдыхала запах природы и солнечных лучей.

— Ты меня переоцениваешь. Я, бесспорно, та еще заноза в заднице, но, на самом деле, меня здесь нет. Ты создала меня...

Но как я могла, будучи не властной над собственным разумом? Я сбежала в путешествие воспоминаниями, заглушая неприятное ощущение вязкости в голове от дыма, что наполнял его. Я дала Древним все, чего они желали, сделав их властелинами существа, именуемого Айви Блумфилд, и отступила, признав поражение. Отныне мною правили нефтяные океаны, руководя телом и мыслями, а я сама спряталась в закутках, до которых никому не было дела.

— Ты все еще в своей голове хозяйка, — свет, исходящий от подруги, потемнел. Беззаботный голубой сменился цветом синей пыли. — Неужто так просто передашь бразды правления кучке заносчивых стариков, возомнивших себя богами?

— А что я могу?

Пушистые барашки над головой превратились в грозовые тучи. Ветер терзал мои волосы, касался ледяными пальцами обнаженной кожи. Прикованная к мокрой земле, я впустила панику в сердце и сиганула в бездну беспомощности, вжимая педаль газа в пол. Некому было остановить меня, вывернуть руль в сторону, спасая от себя самой.

— Трусиха, — брезгливо бросила Эвон и поднялась с земли.

Очертания изменились, и на меня смотрели жестокие глаза Гюнтера. Парень стоял около меня и с насмешкой наблюдал за попытками укрыть от него свой разум.

— Глупая Ривэрто... Разве тебе не говорили, что от таких, как я, лучше держаться подальше? — юноша наклонился и заглянул в мое лицо.

Я растворялась в его черных глазах, тонула в пучине, неумело барахтаясь и умоляя спасти меня. Пшеница под его ногами погибла. Небо разорвала молния, ударившая в паре метров от нас, взрываясь брызгами земли, и первые тяжелые капли разбились о мое лицо.

— Боишься, крольчишка? — губы искривились в ухмылке. — Не пора ли тебе бежать? Но ты ведь не можешь, не так ли? Ведь я... Контролирую. Каждое. Твое. Движение.

Последнее слово он выдохнул около моего уха. По телу пробежали мурашки, и крик, бьющийся о черепную коробку и рвущийся наружу, сводил с ума.

Отпусти меня! Отпусти!

Но тело не слушалось. Пустой взгляд устремился в потускневшее небо. Гюнтер нацепил на мои руки невидимые нити и превратил в послушную марионетку, что следует приказам хозяина. Длинные ресницы, идеально отточенные движения, отсутствие сердца и чувств, чтобы веселить публику и не задумываться, как же нелепо я выглядела. Посмешище.

Вдруг туман развеялся, а меня обняли теплые сильные руки. Я уткнулась в плечо Айзека и позволила себе слабость. Слезы, переполнившие меня. Чувства, которым я так страшилась дать выход. Все смешалось в крике, сорвавшемся с моих губ. Боль оглушала. Обида на саму себя и на Гюнтера, что то и дело врвался в мою, казалось бы, идеальную жизнь, принося с собой разрушительный хаос.

— Я так больше не могу, — прохрипела я, сжимая рубашку друга в руках. — Я не могу противостоять тому, кто заведомо победил.

— Так прими поражение, не проигрывая, — Айзек ободряюще взлохматил мои волосы.

— Это как? — я подняла на него недоуменный взгляд.

Но вместо серых глаз парня на меня смотрели карие. Отец прижал меня к себе.

— Когда-нибудь ты сможешь дать ему то, чего он заслуживает. И всем, кто когда-либо пытался влезть в твою голову. Тесефи оставляют свой отпечаток на таких, как ты, и все вокруг чувствуют это. Увидев, что ты не представляешь угрозу, морты примут тебя и защитят. Ты никогда не останешься одна, я обещаю.

— Но война уже проиграна. Это тело больше не мое.

— Всего на пару часов, — мужчина улыбнулся. — Они не найдут ничего, за что сумели бы зацепиться. Едва ли твоя любовь к миру заслуживает наказания.

— Я не такая, как ты. Не такая, как мама и Хизер с Логаном. Ты ведь тоже чувствуешь это, правда?

Надежда, пропитавшая слова, пугала даже меня. Я хотела верить, что была такой же, как и весь мой народ, но всегда знала, что во мне не хватает крошечной детали, делающей меня полноценным мормом. Застрявшая меж двух миров, потерявшаяся маленькая девочка, пытающаяся найти свое место под солнцем.

— Ты — это просто ты, тыковка. И навсегда ею останешься.

Губы отца коснулись моего лба, и он растворился среди темноты, окружившей меня, рассыпался сотнями искр. Калейдоскоп воспоминаний постепенно замедлялся. Я перескакивала часы, дни, недели. Смотрела на прошлое со стороны, прячась и замечая все новые детали. Открывала для себя иной мир, будто наблюдая за всем через призму, искажающую реальность. Больше не существовало правды и иллюзии. Все смешалось в один клубок из тысяч разноцветных ниток, в котором я никак не могла отделить одну от другой.

— Разве это так важно? — на ступеньки около школы, где я сидела, наблюдая за футбольной командой, опустилась Лидия.

Я отправила в рот очередную конфету и протянула подруге упаковку соевого молока.

— Что именно?

Девушка достала из рюкзака яблоко и вгрызлась в него. По подбородку потек сок, но она словно и не заметила.

— Реальность. Выдумка. Разве есть разница? Не все ли равно, если то, что ты видишь, делает тебя счастливой?

Я пожала плечами. Никогда не задумывалась, почему так важно разделять то, что есть на самом деле, и обман. Это и так подразумевалось само собой.

— Если я останусь здесь, никогда не увижу дорогих мне людей вновь.

— Ты можешь создать их сама и поселить в своей голове. Здесь им будет даже лучше, чем в том, настоящем мире. Здесь они в безопасности, и Древним не достать их. Ты защитишь всех нас, Айви, — Лидия убрала волосы с лица и перевела взгляд с меня на поле.

Но ведь те, настоящие друзья...

В реальном мире угроза все еще нависала над ними грозовой тучей, и следовала по пятам. Я не могла позволить себе оставаться в мире иллюзий. Это всего лишь эфемерное ощущение покоя и контроля. Я стояла посреди толпы мертвых, копающихся в моей голове, и дала им полный доступ ко всему, что я сама только помнила. Но я не отрекалась от собственной жизни, не завещала им себя без остатка. У меня все еще оставалось, за что бороться.

— *Ты по-прежнему приносишь проблемы,* — раздался в голове голос бабушки.

Все вокруг померкло, и меня окутал мрак. Дым все еще сопровождал меня. Я не видела его, но чувствовала цепкие пальцы, вцепившиеся в меня и не желающие отпускать.

— Я люблю жизнь. Разве за это судят?

Бабушкин смех звучал отовсюду. Прислушавшись, я в ужасе осознала, что я сама была его источником. Смех срывался с моих губ, заполняя пространство, и бабушка говорила, используя мое тело.

— *Ты не такая, как мы, а это уже повод для казни. Но...* — она выдержала небольшую паузу, — *в тебе есть нечто, напоминающее меня в твои годы. Напористость и чувство долга. Ты понимаешь, что подставишь под удар каждого, с кем связывалась за последние годы, если нам удастся найти нечто, обличающее тебя, как отступницу.*

— И как проходят поиски? — удержать сарказм мне не удалось.

— *Пока что ты чиста, как весь наш род. Либо ты научилась хоронить важные воспоминания глубоко в себе, либо, на самом деле, нет ничего, что можно было бы вменить тебе в вину.*

— Я запомнила слова, сказанные в мой шестой день рождения, и по сей день храню их в сердце.

— *Знаю, видела,* — в голосе Лизель я распознала удовлетворенные нотки. — *Но я не одобряю твою близкую дружбу с той Ривэрто. Она способна влиять на тебя не самым благоприятным образом.*

Лил...

— Я контролирую это.

— *Нет, не контролируешь,* — оборвала меня бабушка. — *Ты не можешь остановить свою привязанность к этой девчонке. Но я позволю тебе оставить ее в своем сердце. Всего на год. После сдачи экзамена ты ее никогда не увидишь. Я позабочусь об этом.*

Я было открыла рот, чтобы что-то сказать, но слова застряли в горле, противно царапаясь. Тьма вокруг стала осязаемой. Она душила меня, выжигала изнутри. Безуспешные попытки вдохнуть превратились в гортанное бульканье, и меня захлестнула паника.

А потом все исчезло...

Первым, что я увидела, стали глаза Мары, излучающие теплый мятный свет. Девочка вцепилась крошечными ручками в мою юбку и с надеждой всматривалась в мое лицо. А ведь она давно уже перестала быть ребенком. Пять веков существования в облике души наделили ее мудростью. Запоздало я заметила, что девочка кардинально отличалась от обычных детей, которых я повстречала немало за свою жизнь. От нее исходила необъяснимая уверенность и зрелость, чего мне так сильно не хватало. Вот бы Мара могла поделиться со мной знаниями и указать направление к двери, за которой хранилась моя собственная сила...

Ноги предательски задрожали. Тело не подчинялось моей воле. Айви Блумфилд потерялась в тумане, заполонившем ее голову, и я никак не могла отыскать ее среди вязкой липкой тьмы. Размахивала руками в надежде разогнать дым, взглянуть за грань и вытащить бедное истерзанное создание, что еще давеча именовалось мною, из лап хищников. Древние копошились в голове, будто тараканы, бьющиеся о черепушку, отдаваясь гулом в ушах. Я и забыла, каково это — стоять посреди зала Суда в ожидании приговора, где вокруг лишь враги. Когда мозги превращаются в месиво, коктейль, приправленный страхом и безысходностью, а Тесефи цедят его через трубочку, смачно причмокивая и перебрасываясь комментариями о его содержании.

Стало трудно дышать. Я обязана была обо что-то облокотиться, но сдвинуться с места не давали Древние, удерживая своим даром. Я держалась исключительно на силе воли. Пускай они отобрали у меня все, даже власть над телом, но я не сдавалась. Почему-то сломиться мне не позволяла мысль о всех, кто ждал по ту сторону дверей Здания Правосудия. О мире, что я не успела узнать. О людях, что согревали сердце тяжелыми вечерами и принимали со всеми странностями и отличиями. О Лидии с ее праведным гневом из-за моего внезапного исчезновения. О Ние, бороздящей просторы Норвегии. С «принце» Айзеке, спасающем мою задницу из передряг вот уже три года к ряду. О Софии и Натсуме, что ждали моего появления в Академии Джулианы Томпсон, чтобы провести очередной семестр вместе. И об Эвон... Голубой свет, исходящий от ее тела, горел все ярче, освещая мой путь из глубин сознания. Девушка вцепилась пальцами в мою руку, и прикосновения были почти осязаемы. Где-то на грани сна и реальности я плыла по течению, ведомая любовью и привязанностью, сражаясь за мирную жизнь.

Ртутные тучи, лениво плывущие по небу, заслонили луну, собирая ниточки ее света в сети и унося с собой в далекие страны. Но тьма не поглотила комнату. Со всех углов, ведомые на голос Мары, ко мне стремились души. Люди, умершие в разные века и эпохи,

тянулись к той, кто мог видеть их утомленные лица и чувствовать их тоску. Мужчины и женщины, старики и дети. Они окружили меня, наполняя изнутри своим светом, и приветливо улыбались, касаясь меня. Крошечные искорки, привязанные к Древним и обреченные на бесконечное существование в мире, погруженным во тьму, осчастливленные появлением той, кто могла разукрасить мрачные будни пестрыми цветами, они желали поделиться со мной своей силой. Заполняя своим светом каждый закуток Зала Суда, они подбрасывали поленья в костер надежды, едва не потухший внутри меня.

И если это не было чудом, то я не знала, чего еще могла бы я желать. Удерживая меня на ногах, переговариваясь между собой, они все стояли за меня. Невидимая армия, что, казалось бы, не имела влияния, но сумела сохранить мне рассудок в мгновения, когда Тесефи завершали болезненный ритуал, покидая разрушенную державу Айви Блумфилд, выпотрошив ее до остатка.

— Ты сильная, — свет Мары потемнел до нефритового. — Сильнее, чем был он. Ты выстояла, он не смог, поддался.

— Кто? — выдохнула я.

Жжение в легких было практически невыносимым. Каждый вдох давался с трудом, разрывая горло. Я чувствовала во рту сладковатый металлический привкус крови, сочащейся из прокушенной губы.

Девочка загадочно улыбнулась. В ее взгляде промелькнуло нечто, присущее бабушке Лизель, что наводило страху на всех в округе. Холод пробрался под кожу и коснулся сердца, заставив меня вздрогнуть.

Я на миг прикрыла глаза, и все исчезло. Души растворились, будто их и не было. Со всех сторон меня окружали Древние, чей дым покинул мою голову. Хаос, воцарившийся внутри после их пребывания, разрушал сам себя, и мое сознание постепенно крошилось, устилая пеплом дорогу для желающих им овладеть.

Тело предало меня, и я, словно мешок с картошкой, рухнула на пол, обессиленная и безумная, выжатая до последней капли. Истязания сознания помнились мне совсем иными. Взросление бросило тень на мою надежность, и пытки стали изощреннее, а сами Тесефи — искусные кукловоды — в мгновение ока превратили меня в свою марионетку, готовую повиноваться любому приказу.

— Айви, — руки Эвон легли на мои плечи. — Что же они с тобой сделали, девочка?..

Я подарила подруге измученную усмешку. Словно она не понимала, на что мы обе подписались. Фирменная шутка судьбы, наградившей меня пламенем в волосах, с каждым годом становилась все менее забавной. То, что я так в себе любила, обернулось проклятьем, яркой мигающей вывеской с надписью «Отступница». Едва ли кто допускал мысль о моей невинности, встречая взгляд серых глаз среди бесконечно темного мира. Яркие кляксы не были в почете у детей ночи.

— Поднимись, Айви Тереза Блумфилд, — обратился ко мне мужской голос.

Смех сорвался с губ. Неуместная, глупая вольность. Безответственная выходка после часов смирения. Но тиски, сдавившие все внутри, разжались, выпуская меня на свободу. Мучения, перенесенные моим сознаниям, меркли, и боль, копившаяся в душе, вырвалась наружу.

— Конечно, уже бегу. Только вот незадача. Мне-то слегка того... каюк, — я легла на спину и раскинула руки в стороны. — Последние силы из меня высосали.

И откуда во мне взялась подобная дерзость? Все предохранители снялись, педаль

тормоза я сама вырвала с мясом и закинула на дно помойной ямы. Существовала только прямая дорога из горящего асфальта, ведущая к точке невозврата.

До меня донеслись отголоски чьих-то слов, но смысла я не разобрала. Да и не жаждала того. Все вдруг стало до одури бессмысленным и далеким. Я перенесла Суд и осталась жива. Тесефи крушили меня, кромсали изнутри, выпотрошили и оставили догнивать на свалке мусора, но я все еще дышала. Не означало ли это, что я прошла проверку?

Рывком сильные руки подняли меня с пола и поставили на ноги. Незнакомый парень, придерживая меня за талию, помог вновь не рухнуть в объятья силы притяжения, и почему-то мне хотелось отблагодарить его за содействие, хоть это и было приказом кого-то из Древних.

— Так-то лучше, — пропела я, смахивая с лица волосы. Капюшон свалился с головы, и огненные пряди рассыпались по плечам. Во мне тлело желание скинуть жаркие тяжелые ботинки с ног и коснуться босыми ступнями холодного пола. — Теперь я выгляжу пристойнее? Или мое лицо слишком пугает вас?

— Что ты творишь? Ты сбрендил? — Эвон выросла передо мной, пылая ультрамариновым светом от злости.

— Окончательно кукушечка поехала, — хохотнула я. — Разве тебе не нравлюсь такая я? Слегка бе-зум-на-я.

Парень, придерживающий меня, грубовато перебросил мою руку через свое плечо. Его пальцы осторожно коснулись моего бедра, пытаясь устроиться удобнее, что вызвало очередной приступ смеха.

— Боишься симпатичных девушек? — прошептала я, наклонившись к нему поближе.

— Недолюбливаю сумасшедших, — холодно отрезал тот.

— Какие мы нежные...

Повисла тишина. Тяжелые взгляды Древних со всех сторон никак не прибавляли атмосфере уюта и покоя.

— Прошу простить мне мою бестактность, — я сделала попытку поклониться, но едва не вывалилась из сильных рук незнакомца и не поцеловалась с полом. Это стало причиной очередной волны слегка безумного хохота. — Упс! Не рассчитала...

— Молчать! — крик оглушил меня. В мыслях вдруг просветлело, и я со страхом осознала, что вовсе себя не контролировала. — Мы все понимаем, что в голове после нашего визита тебе придется навести стерильный порядок, но, будь так добра, не превращай все в цирк.

Мужчина, говорящий со мной, был мне незнаком. На вид ему было лет тридцать пять, или что-то около того, но под солнцем он ходил гораздо дольше. В нем угадывались некие славянские черты, и я смела предположить, что родом он из Европы.

— Властимил, не будь так строг с моей девочкой, — меня едва не стошнило от приторной сладости в голосе бабушки. — Она всего лишь несмышленный ребенок. Разве часто в наших покоях бывают столь юные морты?

— Это вовсе не оправдывает ее поведения, Лизель. Она должна знать, с кем говорит, — тон славянина дрожью отозвался в моем теле.

Я все разглядывала незнакомца, не стесняясь. Властимил был из той категории красивых мужчин, которым место на обложке глянцевого журнала в обнимку с разукрашенной блондинкой и часами от Rolex [2] на запястье. Каждая вторая женщина в мире мечтала проснуться в постели с таким мужчиной и утонуть в его объятьях. Каждый

второй мужчина мечтал быть Властимилом. Морти от природы награждались идеальной внешностью, но далеко не каждому выпадал шанс выглядеть так. Быть может, славянская кровь и многовековая жизнь на Земле сделали его таким, во что верилось с трудом. И, что-то подсказывало мне, что между ним и моей бабушкой не все было гладко.

— Да у нее же в голове жвачка вместо мозгов после нашего маленького путешествия, — на кончике языка чувствовалась горечь от приторного голоса Лизель.

Мужчина вздохнул и посмотрел на меня. В черных глазах не было жалости или сочувствия. Морти чурались подобных чувств.

— Айви Тереза Блумфилд, после тщательного анализа твоих мыслей, секретов и воспоминаний, Сенат может с уверенностью утвердить тот факт, что ты ни в чем неповинное дитя, незаслуживающее наказания. Ты свободна и находишься вне подозрений. Мы с радостью сообщаем, что твое обучение в Академии Джулианы Томпсон продолжится, и мы будем наблюдать за твоими успехами. Сенат полагает на тебя большие надежды в будущем.

Смысл держаться и сохранять лицо отпал. Я, словно бумажная кукла, обмякла в руках незнакомца, который едва не уронил меня на пол. Сознание постепенно наполнялось эйфорической дымкой, призывающей меня закрыть глаза и отдаться потоку сновидений.

— Отнеси ее домой, — сквозь толщу воды пробился ко мне голос бабушки. — Девочка заслужила отдых.

Я потянулась, чтобы схватить ее за платье, не дать уйти, но рука отказалась подчиниться, безвольно раскачиваясь. Во мне не осталось искры, позволившей сражаться.

— *Ты хорошо постаралась, я тобой горжусь,* — раздался в голове голос Лизель.

Иди к чёрту!

Но бабушка отпустила мое сознание, утопив его во тьме.

Резко сев, я в панике огляделась. Запоздало пришло осознание, что я в своей комнате на острове Мортем. Ночь, проведенная в Здании Правосудия, обрывками всплывала в голове, и меня пробрала дрожь. Я переполнилась желанием выброситься из окна многоэтажки при мысли о сарказме, что так не вовремя покинул закутки сознания и выбрался наружу. Я выступила против Сената, проявила неуважение к Суду и к его решениям. Нарушила первое правило Кодекса, что с самого детства внушался мне родителями.

Сорвавшись с кровати, я бросилась вниз. Только бы с родителями все было в порядке. Древние не слыли благосклонным народом, а бессмертная жизнь превратила их в жестоких чудовищ, без разбору уничтожающих тех, что допускали хотя бы мысль о неповиновении. Я же открыто дерзила, не имея веского оправдания собственным действиям.

Споткнувшись о ковер, я застыла на пороге кухни. Отец с матерью переглянулись и посмотрели на меня. На их лицах читалось недоумение и беспокойство.

— Тыковка, что случилось? — отец похлопал рукой по стулу около себя, призывая меня присесть.

Я с разбегу бросилась обнимать папу, не сдерживая эмоций. Слезы заструились по щекам, мешая видеть, и я прижималась к самому дорогому человеку в моей жизни, ища тепла и поддержки. Стоило его рукам сомкнуться кольцом вокруг моего тела, как меня снесло с ног переполняющим чувством тепла. Я дома.

— Я боялась, они убьют вас. Из-за меня, — сквозь слезы бормотала я. — Папа, я так плохо поступила. Я так тебя подвела...

Мужчина ободряюще погладил меня по спине.

— Ты ничего не сделала, дорогая. Я слышал, что произошло, но Сенат списал все на твою невменяемость. Все же, за свои семнадцать лет ты уже трижды представляла перед Древними. И как только твои мозги остались на месте после этого?

У меня не было ответов. Лишь масса вопросов, разъедающих изнутри, словно крошечные черви, пробивающие путь в мир. Вся Айви Блумфилд была загадкой, бесконечной шарадой, что не имела решения.

— Как ты себя чувствуешь? — мама положила руку мне на плечо, как только я успокоилась и расположилась на стуле между родителями, обхватив ладонями дымящуюся чашку с горячим чаем.

Я лишь пожала плечами. В голове прояснилось, и не осталось ни намека на присутствие Тесефи внутри моего сознания. Вернулась чистота и порядок, выстроенные мною за годы, будто их никогда и не нарушали. Воспоминания померкли, спрятались за занавесой, притупляя мою боль, и я не хотела беречь старые раны, заставляя их кровоточить и мучить меня.

— Думала, будет намного хуже. Но я чувствую себя отдохнувшей и свежей. Никаких сдвигов, если вдруг ты об этом, — я робко улыбнулась.

Мама выдохнула. Я буквально чувствовала, как с ее плеч упал груз и с оглушающим грохотом рухнул на пол. Женщина удовлетворенно кивнула и вернулась к остывающему кофе.

— Когда вы обратно? — спросила я, делая глоток любимого Ерл Грэя.

— Да мы бы давно уже вернулись, но ты никак не просыпалась. Не могли же мы оставить тебя одну на острове.

От удивления я подавилась чаем.

— Опережая твой вопрос, занятия начались вчера.

Неделя. Пролетели семь дней с ночи, проведенной в Здании Правосудия. Мне казалось, прошло всего несколько часов, прежде, чем я пришла в себя, но реальность оказалась жестокой.

— Мы предупредили в Академии, что тебя некоторое время не будет, — мама перевела взгляд с меня на столешницу. — Хотя это и не требовалось. На острове каждый ребенок знает, что Сенат вызывал тебя к себе.

Ее голос сквозил плохо прикрытой горечью. Даже то, что я оказалась чиста, не утешило мою мать, что обременила себя позором. Рыжеволосое дитя бросало тень на ее преданность Сенату, и хоть все в округе знали, что мама невиновна, ей все равно чудилось, что морты презирают ее. Жаль, мне никак не удавалось объяснить, что их страх и нелюбовь направлены вовсе не на нее, а на чадо, что та породила.

— Лизель заходила несколько дней назад. Принесла подарок. Мы оставили его в твоей комнате.

Хорошая попытка, пап. Но подарки от бабули — последнее, что могло бы поднять мне настроение.

Не став озвучивать мысли вслух, я встала из-за стола и направилась в комнату. Ожидать чего-то хорошего было даже наивно, поэтому я с некой опаской покосилась на коробку, возвышающуюся на столе. Подавив недоверие, я сняла крышку и отложила в сторону.

В коробке лежала черная ткань. Не веря собственным глазам, я коснулась ее и вынула. Это был мягкий плащ. От него исходил приятный запах. Зарывшись в ткань носом, я вдохнула его. В голове всплыл образ золотящейся пшеницы и пришитых к рыхлой земле

солнечных лучей.

Краем глаза я заметила письмо, лежащее на полу. Видимо, оно было завернуто в ткань, и я не заметила, как оно вылетело из коробки. Сжимая плащ в руках, я нагнулась и подняла конверт. Идеальным почерком с красивыми завитушками, которые у меня никогда не получались, на нем было выведено мое имя.

Распечатав конверт, я вынула лист верже [3], сложенный вдвое, и принялась читать.

«Детка,

ты меня просто поразила. Честно говоря, я и не думала, что ты будешь мне так интересна. Твоя голова полна запретных мыслей, но ты все еще подросток, поэтому я позволю тебе такую вольность. А твоя наглость! Она так вдохновила меня. Ты, как оказалось, отличаешься от того, что я слышала от твоих родителей.

Думаю, ты и так понимаешь, что я буду следить за тобой. Будь начеку, ведь мои маленькие Тени следуют за тобой по пятам. Одергивай себя на каждой мысли, которая могла бы мне не понравиться, ведь наш уговор все еще в силе. Я слишком сильно люблю твою маму и Хизер, чтобы позволить тебе своими гадкими ручонками отобрать их.

Мое восхищение твоей силой воли хочу выказать подарком. Это — последняя разработка техников. Они еще даже в продажу не поступили, и ты будешь первой, у кого есть такой плащ. Надеюсь увидеть тебя в нем.

Помни, что твоим врагом являются твои мысли, а не я. Они предают тебя, я же просто защищаю других от пагубного влияния свободолюбивых Эновисон.

С любовью,

Бабушка Лизель

Р. S. Передай своей маленькой душонке, что французским Nutte[4] никогда не сравнится с элегантностью немецкой крови».

Я смяла лист и со злостью бросила его в стену. Лицо горело от стыда и ярости. Она вновь обыграла меня, воспользовалась беспомощностью. Показушная псевдо-любовь была просто спектаклем с отрепетированными, отштудированными до идеала ролями, где я, сама того не осознавая, прекрасно вписалась в сценарий.

Кое-как запихнув плащ в коробку, я схватила ее и потащила на улицу. Проходя мимо кухни, я наткнулась на недоуменные взгляды родителей, но не собиралась останавливаться. Хлопнув дверью, я бросила коробку на пожелтевшую траву и достала из кармана коробок спичек, что чудом оказался в моей комнате.

Чиркнула спичка и зажглась огнем. Я смотрела на нее и не решалась бросить. Рука застыла в воздухе, а пламя постепенно подбиралось к пальцам. Плащ не заслуживал быть сожженным из злости и нежелания подчиняться бабушке, хоть и был ее подарком. Да и акт неповиновения мог вызвать массу вопросов и повлечь за собой нежелательные события. С обреченным вздохом я бросила догорающую спичку в траву и подобрала коробку с земли.

«Вот чёрт!» — пронеслось в голове.

Прижав подарок к груди, я направилась в дом, позволив оставить победу в этой битве за бабушкой.

[2] Марка швейцарских часов

[3] Вид дорогой бумаги

[4] Немецкое ругательство, обозначающее девушку легкого поведения

Запах прогретой солнцем пшеницы щекотал нос, и мне все никак не удавалось чихнуть. Плащ волочился по полу, собирая всю грязь, но едва ли это заботило меня. За сутки бабушке удалось уничтожить одно из самых приятных воспоминаний. Она ворвалась в мир, что я возводила внутри годами, и принялась крушить стены, устилая землю обломками зданий, что составляли меня. Я кричала, отбивалась, но сражение было заведомо проиграно. Шаткий фундамент расползся, позволяя карточному домику разлететься с первыми порывами ветра.

Я медленно продвигалась коридором Академии, тщетно пытаюсь спрятаться за плащом от заинтересованных взглядов. Экая наивность. Как я могла утаить свое присутствие, притаив подмышкой пшеничное поле и полыхая огнем? Ученики перешептывались, сливаясь с полутьмой, окутавшей здание. Редкий туман неторопливо плыл за окном, скрывая полуденное солнце от глаз. Как было бы здорово, растворись я в нем.

Эвон куда-то пропала после Суда, и, сколько бы я ни пыталась докричаться до нее, девушка игнорировала мое присутствие, отправившись в путешествие по местам, куда мне не было места. Далеко душа уйти не могла, будучи привязанной ко мне, но мне было не по себе.

— Айви! — радостный визг, доносящийся, казалось бы, отовсюду, принес с собой улыбку, расплзающуюся на моем лице.

Тут же из толпы показалось сияющее лицо Софии, что бросилась в мои объятия. Следом за ней семенил Натсуме, расталкивая учеников. На его лбу полегла крошечная морщинка, что появлялась каждый раз, стоило парню о чем-то серьезно задуматься.

— Натсу, чего ты там копаешься? — София оторвалась от меня и одарила друга недовольным взглядом.

Парень подошел к нам и поднял на меня пустой взгляд. Белая радужка за год стала еще светлее. На удивление, это не пугало меня, как остальных. Морти шархались от него временами. Звание Главного Фрика определенно выиграла я, но и его судьба не обделила внешними странностями. Рядом с ним я чувствовала себя уютнее, чем в любом другом месте на острове, ведь нас объединило общее несчастье — участь отшельников.

— Как думаешь, моя мама спала с человеком? — в голосе Натсуме проскользнула нотка вины.

Я уставилась на друга, пытаюсь переварить сказанное. С чего вдруг подобные мысли гнездились в его голове?

— Ты что, принял слова этой идиотки Бласки всерьез? — София отвесила парню подзатыльник. Выглядело это порядком забавно, ведь девушка на целую голову была ниже. — Она же рождена, чтобы унижать людей. Сколько раз повторять? Все, что говорят Гюнтер и Бласка — вранье, и не считается.

Я не выдержала и рассмеялась. Вдруг стало так легко и уютно. Будто я, наконец, вернулась домой после длительного путешествия. Я сгребла неугомонную парочку в свои объятия, и слезы, копившиеся внутри долгое время, брызнули из глаз. Окружающий мир сжался до размеров рисового семечка, и существовала лишь наша троица нелепых чудиков.

— Как же я по вас соскучилась...

Обреченная на вечное скитание в одиночестве четыре года обучения в Академии, мне посчастливилось повстречать этих двоих, что, как и я, не вписывались ни в одну компанию. Натсуме предавали его белесые глаза. Сей феномен прозвали Ярув, что переводилось как

«Взгляд Близнецов». Хибики, сестра парня, имела такой же цвет глаз и предпочитала одиночество. Рожденная с даром Эновисон, как и я, девушка полностью погрузилась в мир душ, отгородившись от реального. Но даже это не стало причиной для меня бросить попытки поладить с Хибики, ведь она нравилась мне в своей ненормальности. А София же была просто безумна сама по себе. Неугомонная девчонка без царя в голове, отрицающая любые тормоза и запреты, без труда завоевала мое сердце и расположилась в одной из самых просторных комнат.

— Хибики просила передать, что без тебя на занятиях ей скучно, — Натсуме неловко похлопал меня по спине и отстранился. — Она ждет, когда ты вернешься.

— Я успела пропустить что-то интересное?

София пожала плечами.

— Если выпендрож Бласки можно считать событием года, тогда ты определенно отстаешь от всей Академии. А в целом, ничего такого. У нас были вводные занятия с преподавателями. Этот год обещает быть не таким уж и трудным. Больше уклона в историю и культуру, чем в практику. А еще, вроде как, будет производиться распределение на следующий год в различные точки мира на выпускной экзамен, но уже под конец семестра.

Вдруг живот скрутило, а сердце переполнилось животным страхом. Знакомые ледяные руки схватили меня за затылок, а цепкие пальцы вцепились в мозг, выпуская едкий дым, застилающий взгляд. Катастрофически не хватало воздуха, но чужое присутствие в голове не позволяло сделать вдох.

— *Тише, крольчиха, это всего лишь я,* — насмешливый голос взорвался внутри, разнося мою сущность ошметками по всему черепу. — *Я ведь предупреждал тебя.*

— Айви, что с тобой?

Обеспокоенное лицо Софии застилала дымка, созданная Гюнтером в моей голове. Его мерзкие руки перебирали только расставленные по местам мысли, устраивая кавардак, сметая с полок воспоминания и давя их ногами.

— *Что ты делаешь?* — истерически вопила я. — *Прекрати, пожалуйста. Это ведь моя жизнь!*

— Думаешь, мне есть до этого дело? — прошептал парень мне на ухо.

Тело порывалось отшатнуться, броситься бегом, спрятаться, но я стояла, пригвожденная к полу, в ожидании дальнейших действий врага.

— Вот тебе и сюрприз! — в голосе, раздавшемся неподалеку, сквозили надменные нотки. Это не стало неожиданностью. Гюнтер редко оставался один в стенах Академии. — Кто это у нас здесь? Излюбленная принцесса Сената. Как поживаешь, Ривэрто?

— Бласка... — прошипела София, отступая на шаг назад.

Словенка не заставила себя ждать. Обойдя меня, девушка подошла вплотную к моим друзьям, ищущим поддержки друг у друга. Некогда прекрасные длинные волосы короткими обрубками свисали чуть ниже ушей, что предавало лицу Бласки некой остроты. Она была красива в своей угрожающей манере, а дружба с Гюнтером сделала эту красоту жестокой. Юноша буквально вложил ей в голову мысль, что мы несем угрозу чистому роду мортвов, взрастил в ней ненависть к нашей троице, а далее девушка двинулась собственным умом, нежась в лучах покровительства немца.

Бесспорно, нам перепадало больше всех, но и другие ученики не оставались без внимания. Слабость, непокорство, неуважение жестоко карались этой парочкой, самопровозглашенными Королем и Королевой Академии, что принялись вершить

«правосудие». В большинстве случаев, Гюнтер оставался в стороне, лениво наблюдая за тем, как развлекалась его подружка, но я определенно была исключением из правил. Ко мне у парня было особое отношение, ведь я не вписывалась в правильную парадигму мира, которую тот сам для себя создал.

— София, — нараспев протянула Бласка. — И слепой выродок. Смотрю, вы по дороге подобрали огненную принцессу.

Отпусти меня! Отпусти!

Гюнтер возвышался за моей спиной, а мое тело била дрожь. Рывком парень скинул капюшон с моей головы и коснулся холодной рукой шеи. Он запихнул меня в самую дальнюю комнату в голове и запер там. Я вопила, выла от безысходности, колотила руками о дверь, сбивая костяшки в кровь, но тщетно. Тело передало бразды правления врагу, объявило капитуляцию.

— Почему же ты не убегаешь, крольчишка? — шептал Гюнтер. — Почему ослабила бдительность? Маленькие зверьки должны находиться в бесконечном ожидании нападения, — он прикусил мочку моего уха, заставив меня поежиться. — Какой ты неправильный кролик, не думаешь?

Мне было мерзко от одного его присутствия. Тошнота подступила к горлу, а внутри закипала злость. Я продолжала бороться, молотя дверь без остановки, выкрикивая ругательства в адрес парня, который только бесконечно смеялся у меня в голове, продолжая издеваться. Рука, покоившаяся на шее, поднялась чуть выше. Рывком схватив меня за волосы, Гюнтер потянул на себя, срывая с моих губ вскрик боли.

— Отпусти ее, — Натсуме было дернулся в мою сторону, но Бласка преградила ему путь.

— Но-но, герой-спаситель, никого ты сегодня не утащишь из рук дракона, — девушка рассмеялась. — Твою принцессу уже пережевывают. Вскоре от нее останутся косточки да тлеющие угли.

— Спой для меня, крольчишка, — Гюнтер вновь дернул меня за волосы.

Я завывала, свернувшись калачиком около запертой двери. Злость угасла, и я молила его прекратить. Пальцы произвольно сжались, ногти впились в ладони, пытаюсь заглушить одну боль другой.

Коридоры опустели. Едва завидев Гюнтера с Блаской, ученики предпочитали скрыться, оставив жертву наедине с мучителями. Негде было искать спасения, ждать помощи. Нам никогда никто не помогал. Одни дни были лучше других, когда те двое просто не обращали на нас внимания или вымещали жестокость на других, но случались и другие, когда нам доставалось, стоило просто попасться на глаза.

Пальцы, сжимающие мои волосы, разжались. Я тщетно понадеялась, что спектакль окончился, и марионеток выпустят на волю. Все только начиналось.

— Снимай плащ, — требовательно приказал Гюнтер.

— Нет! — обреченно завопила София. — Что же ты делаешь, чудовище?

Руки потянулись к шнурочкам, затянутым около шеи. Потянув за один из них, я развязала узел и стянула с себя плащ. Ткань плавно осела на пол. По телу прошелся озноб. Я не чувствовала холода, царившего на острове. Леденело все внутри меня.

— А теперь обувь. Давай, не пытайся сопротивляться. Не выйдет.

Я наклонилась и расстегнула молнии на ботинках. Постепенно стянула один за другим. Ноги начали замерзать.

Только бы это скорее закончилось. Только бы закончилось...

Гюнтер сорвал кулон с моей шеи, подобрал обувь и плащ с земли. В его взгляде плясали безумные искры. Дым в моей голове становился плотнее, клубился и заволакивал мысли. Парень смотрел мне в глаза, скалясь, а во мне что-то медленно умирало.

— А теперь слушай меня, глупая Ривэрто. Либо выметайся из Академии и беги в свой ничтожный мир, либо прячься по всем углам, как только где-то увидишь меня. Бойся, скрывайся, будь начеку каждое мгновение, потому что я найду тебя, освежую и растопчу твой мир.

Голос немца в моей голове заглушал все иные звуки, поэтому, когда в следующее мгновение мимо моего лица пронесся кулак и врезался в скулу Гюнтера, я от удивления рот раскрыла. Дым растворился, будто он никогда и не владел мною, и я ощутила контроль над телом. Обернувшись, я увидела, что София вжимала Бласку в пол. Словенка барахталась, размахивала руками и ругалась, пытаясь выбраться из-под подруги.

— Это тебе за все издевательства, стерва. Твой дар на острове бесполезен!

Натсуме отобрал у Гюнтера кулон и бережно вложил в мою ладонь, накрыв ее своей. Парень лениво стер кровь, выступившую на губе, и закатил глаза.

— Мне не составит труда подавить ваш крошечный бунт, — немец снисходительно ухмыльнулся. — Но в этот раз я позволю вам насладиться иллюзией победы. Игра стала слишком уж скучной.

Юноша брезгливо бросил на пол ботинки, перекинул плащ через плечо и постепенно направился прочь.

— Бласка, не отставай...

Девушка, кое-как выбравшись из-под Софии, прошмыгнула мимо меня и, нагнав Гюнтера, на мгновение обернулась, чтобы бросить на нас злобный взгляд. В отличие от немца, она жутко ненавидела проигрывать.

— Ты в порядке? — Натсуме приобнял меня.

Я отогнала остатки оцепенения и прижалась к другу. Злость клокотала внутри, но я пыталась усмирить ее, затолкать как можно дальше, похоронить до правильного момента. Когда-нибудь наступит день, и я сумею противостоять дыму. Тогда придет конец издевательствам Гюнтера. Раз и навсегда.

Отпустив парня, я надела ботинки, давая ногам согреться. София накинула мне на плечи свой плащ. Ее губа была разбита, но я видела в глазах плескающийся океан счастья, ведь она смогла дать отпор, отвоевать маленькую свободу.

— Спасибо вам, — я улыбнулась и застегнула застёжку на серебряной цепочке, возвращая кулон на привычное место.

Вечером, сидя на подоконнике в гостиной со стаканом молока, я смотрела на клубящийся туман за окном и думала. Происшествие в Академии затмила новость о том, что некоторые занятия будут проводиться вне острова в различных точках мира. Я тут же переключилась на позитивный настрой и ожидание повидать страны, о которых читала в книгах.

Одним из обязательных условий ношения формы было то, что ее запрещалось использовать в повседневной жизни до окончания обучения в Академии. Я была единственной из семьи, кто, кроме Штатов и острова, не видел ни одного места на земле живую. Передвижения с той скоростью, которая позволяла в считанные минуты оказаться

на острове, разрешалась лишь чтобы добраться до Мортема и после вернуться домой.

София разделила мою радость, ведь Украина была, по ее словам, не очень-то интересной страной. Только вот мне так не казалось. Рассказы о Львове, где та жила, заставляли меня затаить дыхание и слушать, иногда посмеиваясь, когда девушка не могла найти подходящего слова на английском, что был универсальным для всех муртов, и заменяла его своим родным, украинским словом. Я полюбила чужой язык, не понимая ни слова, что временами слетали с губ подружки, и желала воочию убедиться в правдивости ее рассказов.

А еще меня порадовало то, что нам предстояло изучить легенды муртов, углубляясь в историю. С развитием технологий, ростом мира постепенно наш язык перестали употреблять, заменив его английским и оставив некоторые слова, что имели лишь приблизительный перевод. Мертвый, как и латынь, мурит интересовал меня не меньше, чем путешествия. Внутри жила надежда, что удастся отыскать что-нибудь про меня и мою особенность.

— Муржи едят котят на завтрак, — послышался уставший голос Эвон.

Я резко обернулась. Девушка сидела на столе и покачивала ногой, всматриваясь в окно отсутствующим взглядом. Она выглядела порядком измученной и расстроенной. Едва заметное свечение, исходящее от нее, имело бледновато-серый оттенок, чего ранее никогда не случалось.

— Что за бред ты несешь? — я сделала глоток молока.

Эвон резко дернула головой в мою сторону. Свет стал ярче, приобретая привычный голубой цвет.

— Ты видишь меня? — требовательно спросила девушка.

— Ты с ума сошла? Пропала куда-то, не показываясь, а теперь лезешь с глупыми вопросами.

Душа осела на пол и рассмеялась. В ней было нечто безумное.

— Я была рядом с тобой все это время. Никуда я не девалась. Это ты не видела меня. Та старуха промыла тебе мозги, определенно.

Я уставилась на подружку, пытаюсь переварить ее слова. Кусочки постепенно складывались в единое целое. Я ни разу за день не увидела ни единой души, даже Клэр и Патрик куда-то подевались. Они не попадались мне на глаза до отъезда родителей, но не придавала этому значения. Первым, что сказала Хибики, увидев меня, было «Ты утратила его». Тогда я не поняла, что она имела в виду, а она говорила о моем даре. Он исчез более, чем на сутки, и я просто не заметила этого.

— Как я вообще могла не обратить на это внимания? — в панике я подорвалась с подоконника, зацепив стакан, и тот полетел на пол, разлетаясь осколками стекла и брызгами молока во все стороны.

— Задаюсь тем же вопросом, — язвительно отозвалась Эвон.

Ни разу еще не случалось, чтобы зрение подводило меня. Но я была так переполнена стрессом и скоплением новостей, что упустила неисправность системы, списав все на дурной характер души.

— Кстати, тот парень, что нес тебя домой после Суда, очень даже ничего. Присмотрись к нему, — резко сменила тему девушка.

— Ему не нравятся сумасшедшие, — отмахнулась я.

Словно действительно допускала мысль, что могла привлечь его внимание к себе. Разве

что как пациентка псих-диспансера. После встречи с Древними я напоминала душевнобольную больше, чем обычного привлекательного морта.

— Почему мой дар исчез?

— Мне-то почем знать? Слишком мертвая, чтобы поднять книгу, помнишь?

Я хихикнула. За пару дней я успела соскучиться по ее язвительности и своеобразному юмору.

— Думаю, это нужно добавить в список того, о чем стоит поискать в старых запыленных книжечках, пока будешь изучать свои легенды, — Эвон направилась к выходу из комнаты. — А я пойду, развеюсь, воздухом подышу.

Не успела я кивнуть, как девушка уже растворилась за дверью.

А еще туда стоит прибавить причину бледно-серого света...

Во внезапно наступивший выходной я понятия не имела, куда себя девать. Родители уехали еще в день конфликта с Гюнтером, удостоверившись, что я в порядке и протяну три месяца без них. София с самого утра собралась заняться готовкой, а Натсуме помогал Хибики с какими-то ее проблемами, так что я вдруг осталась предоставлена самой себе в единственный свободный день недели.

Но мою тоску развеяла подросшая Эвон, выдвинув предложение провести день в библиотеке в поисках информации о странных багах в моем мозгу после погрома, устроенным Тесефи.

— Или ты думаешь, решение само найдется, пока ты будешь попивать кофе, смотря за парой детективов, раскрывающих раз за разом убийства?

— Тебе никогда не говорили, что ты совсем не умеешь расслабляться? — спросила я, натягивая белый свитер.

Остров славился своими холодами круглый год. Я уже давно успела позабыть, каково нежиться в купальнике на солнышке. Времени на подобную роскошь у меня не оставалось по возвращению в школу. Я любила прохладу, но начинала скучать по теплым денькам.

В выходной разрешалось носить обычную одежду на острове, и я оставила плащ в шкафу, выходя из дома. Что с ним, что без него — я все так же привлекала внимание окружающих.

Подарок бабушки так ко мне и не вернулся, и я солгала бы, сказав, что не рада этому. Где-то глубоко я злорадствовала, ведь избавилась от груза без чувства вины. А старый, привычный плащ все так же примерно служил мне, как и прежде, так что я не горевала об утрате. Пусть Гюнтер наслаждается обновкой.

Поймав на себе пару удивленных взглядов, я практически без проблем добралась до библиотеки при Академии. При входе меня встретил Франц, душа, охраняющая это место.

— Доброго утра, мисс Блумфилд.

— Утречка, Франц. Как там Лавиния?

— Сегодня она в хорошем расположении духа. Думаю, даже разрешит заглянуть в Архивы. Но советую захватить с собой двойной эспрессо, — он подмигнул мне.

Прежде, чем отправится к Лавинии, я захватила кофе в автомате.

— Здравствуй, Айви, — девушка улыбнулась мне, принимая стаканчик. Сделав глоток, она блаженно улыбнулась. — Как же мне не хватало этого. Спасибо, дорогая. Чем тебе помочь?

— Я бы хотела посмотреть всю имеющуюся информацию про Эновисон, — я натянула

на замерзающие пальцы рукава свитера.

— Иди в зал, я принесу книги.

Девушка тепло улыбнулась и ушла выполнять мой запрос. Я же направилась в читательский зал. Вокруг возвышались стеллажи, заваленные книгами на любой вкус. Здесь имелись различные первые издания классиков, книги, написанные самими мортами, самоучители, летописи, сборники легенд и сказаний, и многое другое.

Усевшись в темном уголке около окна между стеллажами, я огляделась. В библиотеке практически никого не было. Не заметив знакомых лиц, я заметно расслабилась.

— Да чего ты так нервничаешь? — Эвон опустилась рядом со мной на стул. — Ты не делаешь ничего запретного. Если спросят, это для доклада на занятия. Или чтобы лучше узнать саму себя. Тебе ли не знать?

Я поморщилась.

— Не люблю врать.

— А кто любит? Это необходимо, сладенькая.

Из ниоткуда рядом выросла Лавиния со стопкой книг и выгрузила их все на стол.

— Вот все, что позволит прочесть твой уровень допуска к информации. Их нужно вернуть до восьми, не забудь.

Дождавшись ответного кивка, девушка ушла. Я натянула рукава сильнее на руки и потянулась за первой книгой.

— Здесь совершенно ничего полезного, — я раздраженно отшвырнула книгу в сторону, развалившись на стуле.

Последние несколько часов, проведенных в библиотеке за изучением дара Эновисон, не принесли никакого результата. Все сведения были столь скупы и известны мне даже без книг. Я собирала знания о душах по крупичкам одиннадцать лет, наблюдая за их сущностью, привычками и поведением, и некоторые особенности даже не упоминались. Все, на что хватило летописцев, — пара страниц в каждой из книг.

— Разве дар Тесефи или Унфа важнее, чем мой собственный? О них тут целые поэмы накатали... — я выхватила, не глядя, книгу из стопки и открыла на случайной странице. — Ты только послушай, Эвон. «В зависимости от эмоций, испытываемых Ривэрто, дар Унфа может иметь различное влияние. Если Ривэрто находится в приподнятом настроении, умиротворен и расслаблен, Унфа без особых затруднений вкладывают им правильную мысль, выдавая за их собственную, или подменяют реальность, искажая восприятие. Если же Ривэрто возбужден, ослеплен сильными негативными эмоциями, как гнев, ревность, зависть, уныние, печаль, находится в депрессивном состоянии или имеет некие психические расстройства, убедить его становится труднее. Мозг сопротивляется чужеродной информации, неспособный справиться со своей собственной, и результат вмешательства может быть непредсказуем. Сильные положительные эмоции благоприятно влияют на восприятие внушения, но имеет некоторые побочные эффекты. На время Унфа вбирают в себя часть чужих чувств, что приводит к эмоциональному конфликту и отторжению, отражаясь на носителе. В зависимости от силы эмоций результат варьируется от потери сознания до нестабильности эмоционального фона Унфа, что влечет за собой принудительное вмешательство Тесефи, дабы те стерли переизбыток эмоций, возвращая баланс», — я захлопнула книгу и уставилась на Эвон, сидящую на столе. — Нет, серьезно? Они даже такое задокументировали. И ни слова о том, почему мой дар вдруг помахал мне

ручкой и отправился загорать на Мальдивы.

— Вообще-то, это важная информация, позволяющая совладать со своим даром.

Мои ладони вспотели, и я тут же забыла о холоде в библиотеке. К щекам прилила кровь, и они горели огнем стыда. Закусив губу, я перевела взгляд на говорившего и смущенно улыбнулась. В паре метров от меня стоял парень, рассматривая корешки книг на полках. Длинные черные волосы, собранные в хвост и переброшенные через плечо, приятно блестели в свете ламп. На кончике носа покоились очки в серебрянной оправе. Серый вязаный свитер чем-то напоминал мой белый, только сделан слегка небрежнее, но сидящий на нем идеально. Незнакомец умело совмещал в себе невероятную красоту и домашний уют.

— Извините. Я не думала, что здесь кто-то есть, — пробормотала себе под нос я, опуская голову, пытаюсь скрыть лицо за волосами.

Толку от этого было не много. Природный рыжий цвет выдавал меня с потрохами.

— Ты та, кого недавно допрашивал Сенат?

Я обреченно кивнула. Его низкий голос с легкой хрипотцой звучал как-то знакомо, бередя далекие воспоминания, за которые никак не удавалось ухватиться.

Парень пересек расстояние между нами и расположился на стуле напротив, упершись локтями в столешницу. Натянув рукава на ладони, как часто делала и я, он быстрым движением поправил очки и посмотрел на меня. В его глазах будто взорвалась маленькая звезда, что еще не погасла, и они светились некой несвойственной мортам теплотой, причины которой я не понимала. Вряд ли она была направлена на меня.

— Вам никогда не говорили, что у вас странные глаза? — почему-то сорвалось с губ.

Эвон расхохоталась.

— Да ты просто мастер флирта, сладкая...

— Глен. И на «ты». Мне всего двадцать семь, — парень улыбнулся.

Я заметно расслабилась. Смущение прошло, и я с интересом смотрела на нового знакомого.

— Да, несколько раз говорили, что для Тени мои глаза слишком теплые, но они такие от природы. Даже когда во мне кипит злость, взгляд предает своей добротой. Ничего не могу с этим поделать, — юноша пожал плечами.

Тень. Слово дрожью отозвалось в теле. Я отвела взгляд, пытаюсь скрыть мысли, что не укрылось от внимания собеседника.

— Не стоит делать такое лицо, — его голос приобрел ободряющий оттенок. — Я не собираюсь копаться в твоей голове, если ты этого боишься. Что-то подсказывает мне, что в последние дни подобного было в избытке.

Пусть Глен и пытался вселить в меня чувство безопасности, я не верила ему. Единожды присягнув на верность Сенату, дороги назад нет. Страшнее Древних были лишь Тени, стражники правосудия и исполнители приговоров. Жестокие, лишённые сочувствия и сожаления, машины для убийств, они отличались от других Тесефи. Они влезали под кожу, выворачивали наизнанку, причиняли невыносимую боль, даже не касаясь, рождая ее в голове смертника.

— Эй, солнечная девочка, я даже экзамен еще не сдал. Если ты в чем и виновна, мне путь в твою голову закрыт, — парень развел руками в примирительном жесте.

Искорки в его взгляде заставили меня улыбнуться. В растянутом свитере, с забавными очками на кончике носа и каким-то уютом, исходящем от него, не верилось в чудовище, живущее под маской. Едва уловимый аромат дождя заполнил пространство, растопив мое

сердце, и на этот вечер я позволила себе верить Глену, даже если это меня и погубит. Бесконечный побег утомил, и я устроила привал, подняв белый флаг.

— Что именно тебя интересует? Я много часов провел в библиотеке, и, предполагаю, мой уровень доступа немного выше твоего. Могу рассказать, что знаю.

— Понимаю тебя, он действительно очень горяч, и все такое, — прошептала на ухо Эвон. — Мне тоже хочется верить ему, но ты уверена, что это хорошая идея?

Я проигнорировала ее слова. Ничего на острове не могло считаться хорошей идеей, ведь я даже друзьям довериться не могла, натолкнувшись на непонимание. А крошечный шанс узнать что-то о себе, сидящий передо мной и добровольно предлагающий помощь, оказался слишком соблазнительным, чтобы не воспользоваться.

— После Суда мой дар пропал на некоторое время. Я не обратила внимания, так как потребности в нем ощущала, но не думаю, что это нечто хорошее. Может, у меня в голове что-то пошло не так. Какие-то важные микросхемы перегорели, или...

Глен прервал мой поток мыслей смехом. Звонкий, заразный хохот звенел в ушах, вибрациями отзываясь в клетках, и я застыла с приоткрытым ртом, таращась на собеседника.

— Ничего у тебя в голове не перегорело, как ты выразилась. У каждого дара есть, так званые, побочные эффекты. К примеру, про Унфа ты уже прочла в книге. Дэйреко очень чувствительны к головной боли. В такие дни им трудно отгородиться от человеческих мыслей, и они льются потоком, усиливая мигрень. Тесефи же отбирают на время дар. Чем дольше было вмешательство в сознание морта, тем сильнее будет ощущаться отсутствие дара. В твоей голове копошились часами, вот ты и утратила возможность видеть души на столь долгий срок.

— А какой же брак достался Эновисон?

— Это вовсе не брак. Каждый дар не может быть безупречным. И тебе повезло, наверное, больше остальных, ведь со своим побочным эффектом Эновисон живут с самого рождения. Хотя именно это и делает вас странными.

Я закатила глаза.

— Тебе обязательно говорить загадками?

— Мне казалось, ты и сама должна была бы это заметить. Даже я вижу отличия, а я знаком с тобой от силы полчаса, — парень усмехнулся.

Что такого было во мне, чего я недоставало остальным? Слова казались бессмысленным, глупой шарадой без решения, что я сдалась, даже не попытавшись найти ответ.

— Эмоции. Они такие же, как человеческие. В точности. Они ярче, живее. Вот почему вас так трудно спутать с простыми людьми, ведь Эновисон умеют чувствовать, как Ривэрто, умеют сочувствовать, переживать, привязываться, жалеть. Вы думаете, ставите под сомнения то, что все остальные принимают за чистую монету, сопереживаете, защищаете то, что вам дорого. Заложенное с рождения каждому марту чувство долга и преданности меркнет с годами в Эновисон, и вас труднее контролировать, ведь вы больше походите на людей, чем на мартов. И именно поэтому этот дар столь редкий.

Я заморожено ловила каждое слово, переполняясь воспоминаниями о мамином раздражении, когда я все никак не могла проявить себя, сделать то, чего она так ожидала. Со дня моего шестилетия она то и дело пыталась выдать из меня намеки на умение манипулировать человеческим сознанием, умоляла запустить свой дым в ее голову, изменяя реальность, а мне оставалось обреченно смотреть в пол, пряча стыдливый взгляд, и

сдерживать слезы беспомощности. Как она могла не заметить мою особенность, пытаюсь приписать мне иной дар? Что стало с моей семьей, что они стали такими чужими друг другу?

Перед глазами все поплыло, белая пелена из слез размыла черты Глена. Я закрыла руками лицо, пытаюсь спрятать внезапно нахлынувшие эмоции, что, словно волна, снесла с ног и утащила за собой в бескрайний океан чувств. Я разбивалась о скалы безразличия окружающих сотни раз, но едва ли придавала этому значения. И вот она, правда, красиво упакованная и перевязанная подарочным бантом, перед самым моим носом. То, что я пыталась понять многие годы, изматывая себя до изнеможения занятиями и тренировками в тщетной надежде заслужить признательность матери. А женщина просто не могла полюбить меня, не была способна принять кого-то, так кардинально отличающегося от ее привычного мира.

Неуместная усмешка искривила губы. Вот отчего меня так тянуло в Гринвилл, к людям. В сердце всегда оставалось место для ярких красок, громких фейерверков, взрывающихся в моей голове вспышками. Вдруг открылась причина удивления Логана, когда я умоляла его снять трясущегося от страха котенка с дерева, размолвок с Хизер, вертящихся вокруг моей тяги к чему-то новому. Все было так до тошноты просто. Души подарили мне частичку себя, приблизив к своей сущности. Не так уж Гюнтер и ошибался.

Растерев слезы по лицу, я вздохнула и подняла взгляд. Место напротив пустовало. Глен оставил меня наедине с реальностью, свалившейся на плечи, и ворохом воспоминаний, которые еще предстояло вновь упорядочить и разложить по полочкам.

— Почему мне хочется, чтобы этот мальчик никогда не превратился в дракона? — я едва разобрала шепот Эвон.

Понятия не имею, но мне хочется того же самого.

Наутро, помятая и сонная, я едва тащилась на занятия в Академию. По дороге меня перехватила София и о чем-то задорно трещала, но мыслями я была слишком далека от ее болтовни.

Вязкий туман размеренно окутывал нас, пряча от посторонних глаз. Едва удавалось разглядеть что-либо на расстоянии пяти метров, и в душе я радовалась ухудшению погоды. Темные и без того улицы стали еще тусклее. Блеклый серый мир въелся пеплом под ребра, и я никак не могла отодрать его, сколько бы ни стирала кожу до красноты. Изобилие черно-белых декораций нагоняло тоску. Маленькие домики, словно сошедшие со страниц журнала о европейской глубинке, что раньше так нравились мне, стали вдруг какими-то слишком вычурными для острова. Морти словно пытались подогнать все вокруг под мрачный готический стиль и сохранить аристократическую элегантность одновременно. Весь остров был усеян местами, что никак не сочетались одно с другим, и лишь теперь я обратила внимание на некую нелепость всего.

Древние чем-то напомнили мне сорок, что тащили к себе в гнездо любую безделушку, которая ярко блестела в свете солнечных лучей. Они соорудили свой мир на острове, где обитали, и заставили всех принять его и даже полюбить, но меня тянуло сбежать от тусклой вселенной в трех тонах. В яркий, шумный Гринвилл, насыщенный жизнью и чрезмерной суетой. Я тосковала за ртутным небом, что готово разразиться грозой, за запахом свежескошенной нефритовой травы, что щекочет ноздри, за фисташковым мороженым в магазинчике через два квартала от школы, за теплым, плавящимся под солнцем асфальтом,

за пропахшим потом и сигаретным дымом желтеньким школьным автобусом, за мятным пирогом миссис Хоггарт, за ярмаркой раз в полгода с дешевой бижутерией и женщинами в пестрых юбках, за крышей одной из высоток, куда мы с Лидией забрались однажды и торжественно объявили нашим местом. Все это составляло мою крошечную жизнь, что была роднее всего происходящего на острове.

— Айви, куда ты там уплыла? — София оживленно замахала рукой перед моим лицом. Казалось, ладонь оторвется от запястья от той скорости, с которой девушка мотыляла конечностью, и это заставило меня прыснуть. — Уран вызывает Меркурий, прием-прием.

— Меркурий вне зоны действия сети. Перезвоните, пожалуйста, после того, как он получит должную дозу кофеина.

Девушка схватила меня за руку. Ее взгляд внезапно обрел толику безумства и нескрываемой паники.

— Что с тобой происходит в последнее время? — улыбка слетела с лица подруги, и та была до неузнаваемости серьезна. — Что происходит в твоей голове, Айви? Ты ничем не делишься, закрылась от нас, и я боюсь, что случилось нечто страшное, а я пропустила это.

Я прикусила губу. Ничего такого, что я могла бы рассказать Софии, не случилось. Да и я начала отходить от присутствия Древних в моей голове. Жизнь налаживалась, и я планировала полностью погрузиться в учебу, не засоряя мысли глупостями.

— Все нормально, не переживай. Если что-то случится, я обязательно расскажу тебе.

— И Натсуме, — настойчиво прибавила девушка.

— Конечно, и Натсуме тоже, — покорно согласилась я.

Только вот я не планировала сдерживать обещание. В моей жизни существовали вещи, о которых друзьям знать не следовало. Важнее было защитить их, а не втянуть в водоворот моих проблем.

Лицо Софии смягчилось и вновь засветилось улыбкой.

— Тогда все хорошо. Идем, тебя еще нужно отпить кофе. А то глядишь, заснешь еще посреди урока.

Девушка унеслась куда-то вперед. На мгновение меня пригвоздило к месту чувство чужого присутствия. В панике я огляделась, но никого не рассмотрела в тумане, что стал еще гуще, хоть ложкой черпай.

— Ты тоже это чувствуешь? — растерянно спросила Эвон.

— Определенно. Кто-то следит, — едва различимым шепотом ответила я. — Стоит быть осторожнее с мыслями.

В паре метров от меня мелькнула тень, и тут же исчезла. Я было бросилась за ней, но вдруг чужая рука сомкнулась на моем запястье.

— Слушай, плохая ночь, все понимаю, — София недовольно оглядела меня. — Но спать на ходу — это уже перебор.

— Я кого-то видела, — от возбуждения слова скомкались в неразборчивый поток.

Девушка поморщилась, пытаясь разобрать, что я пробормотала. Но мгновение было утеряно. Незнакомец, кем бы он ни был, скрылся в тумане, оставив меня в неведении.

— А, ладно, забудь, — я махнула рукой. — Идем, Натсуме уже, наверное, ждет.

Подруга потащила меня за собой, держа за руку, а я прислушивалась к каждому шагу в надежде, что незнакомец вновь даст о себе знать. Но он исчез в тумане, как и ощущение чьего-то присутствия.

Дни обучения в Академии мирно перетекали один в другой, не пестря событиями. Я избавилась от панического чувства преследования, что не хотело отпускать, и с легкостью списала все на послов бабушки, призрачное напоминание, что, пережив Суд, я не избавилась от подозрений с ее стороны. Лизель видела во мне врага, способного к неподчинению и разрушению той идеально отлаженной системы, созданной Сенатом, стоящей во главе Мортема. И будто бы она искренне верила, что мне когда-либо вздумается организовать восстание, пойти против собственной природы.

Сама идея бунта была крайне нелепой. Пусть я и не могла согласиться со всеми решениями Древних, ставя под сомнение их методы, бунтарский дух во мне спал крепким беспробудным сном, и отказывался приходить на помощь даже в стычках с Гюнтером, что уж говорить о всей правительственной верхушке. Либо великая тайна семьи Блумфилд, напряженно повисшая в воздухе, действительно имела какое-то скрытое знание, способное подтолкнуть меня к верной тропинке, либо бабушка сошла с ума, поддавшись паранойе. Ни один из вариантов не походил на правду.

Выходные я просиживала в библиотеке, тщетно ожидая появления Глена в надежде расспросить как можно больше о своем даре, но юноша больше не показывался на глаза. Эвон шутила, что он не поддался на мои обольстительные чары, но и душа понимала, причина могла быть лишь одна. Он — Тень, пусть еще и не сдавшая экзамен, а с такими дела лучше не иметь. Хотелось верить, что парень избегал меня, пытаясь оградить от плачевных последствий, ведь на монстра, способного на безжалостное уничтожение, он не походил.

Все три года обучения в Академии Джулианы Томпсон были направлены на то, чтобы научить нас всему для последующей спокойной жизни среди людей. На изобретенных техниках манекенах мы тренировались правильно извлекать душу из человеческого тела, пробуя различные способы и выбирая тот, который ближе. Это заняло практически весь первый год, ведь у многих уходила масса времени прежде, чем удавалось сделать все без осечек. Параллельно Андре Макталь, молодой испанец, едва достигший столетнего возраста, обучал нас принципам внедрения в незнакомый город. Большинство учеников обладали даром Унфа, то бишь умением манипулировать человеческим сознанием, или Дэйреко, чтением человеческих мыслей, что упрощало задачу для них, ведь открывало доступ к воздействию на соседей и созданию благоприятной атмосферы для жизни, просто подстраиваясь под окружение или влияя на него. Таким же, как я или Гюнтер, было труднее. На одном из занятий Андре упомянул, что Тесефи и Эновисон предпочитают оставаться на острове или заключают браки с кем-то, кто способен влиться в человеческую среду.

Второе лето я провела, изучая сущность мортов. Пусть большинство из нас и не столкнется с надобностью убивать себе подобных, каждый, окончивший Академию, знал, каким образом уничтожить сородича. Человеческое оружие было бессильно против нас. Морти обладали быстрой регенерацией, что позволяло за считанные часы заживлять раны, нанесенные людьми. Единственным, что могло как-либо повлиять на тело морта, был янтарь. Крошечный желтый камень, описанный в легендах про банши, предвестницы смерти. Как иронично. Подобно пламени, янтарь обжигал морта, стоило ему коснуться шероховатой поверхности. Техники использовали это знание, создавая оружие, в которое вплавляли янтарный пепел, и обычный металл становился опасным.

Убивать же строго запрещалось без веской на то причины. Один из четырех нерушимых законов гласил: только распознав в сородиче отступника разрешалось вынести приговор и уничтожить. В противном случае это расценивалось как потакание собственным прихотям, и убийцу судил Сенат.

С самого детства всем внушались законы, которым мы обязаны были следовать, что бы ни случилось. Переполняясь смятением, я повторяла их про себя, словно хватаясь за спасительную соломинку, удерживающую меня от ошибки. Сенат всегда прав. Убийство мертвых запрещено. Наше существование должно оставаться в секрете. Отношения с людьми караются законом. Это давало мне уверенность в правильности собственных действий. Все остальное не имело значения.

Пришло время обратиться к истокам. Год, посвященный истории. Со временем все труднее становилось отличить правду от лжи, изучая летописи, и Сенат нарек самые старые записи легендами, в которых, быть может, и сохранялась толика истины, но ее было трудно отыскать под тоннами слов, написанных мертвым моритом. Втайне я питала большую надежду найти нечто, что предаст смысла моей особенности.

Разделение всего класса на занятия по управлению своим даром избавило меня от потребности сталкиваться с Гюнтером и Блаской чаще двух раз в неделю на общих лекциях. Да и парочка как-то подозрительно поутихла, погрузившись в изучение легенд о мортах и особенностях нашего рода. Бесспорно, меня это порадовало, но я не спешила ослаблять защиту.

Июнь передал бразды правления июлю, а остров все так же таился под куполом тумана, скрывающего небо, что временами опускался на город и топил прохожих, лишая зрения. На Мортем надвигалась гроза, духотой ощущаясь в воздухе, и меня преследовал запах горелой травы. Последнее лето перед выпуском набирало обороты, а вопросы все еще безмолвно роились в голове, оставаясь без ответов.

Пришло время наведаться к бабушке, чтобы побеседовать с Марой.

Ветер носился улочками города, тоскливо завывая, и нещадно хлестал по лицу. Я вся продрогла и куталась в свитер, который, казалось бы, совсем перестал согревать. Оледеневшие от холода ноги не слушались, замедляя шаг, и мысленно я проклинала свое желание пройтись, наслаждаясь потеплением. Внезапно стихия изменила планы, что предвещало бурю, которой никто не ожидал еще несколько дней.

— Шевелись, сладенькая. Всего полквартала.

Ответом на попытку Эвон приободрить меня стало злобное фырканье.

— Тебе легко говорить. Ты-то ничего не чувствуешь, — пробурчала я.

Эвон закатила глаза.

— Только вот зрелище ты представляешь уж больно жалкое.

— Ой, да иди ты, — сквозь стук зубов выругалась я.

Подавляющее большинство членов Сената предпочитало обитать в Здании Правосудия. Никто из мертвых не знал наверняка, насколько огромно было здание, но это было первое по величине строение на острове. Второе и третье место разделили между собой Академия и библиотека при ней. Но некоторые Древние жили обособленно, и бабушка была одной из таких. Она присмотрела себе небольшой домик на окраине города, и казалось, понадобилась целая вечность, чтобы до него добраться.

Найдя нужный дом, я на мгновение замерла в нерешительности, разглядывая его.

Занавески на огромных окнах были задернуты, а перед дверью валялись письма. Ветер гнул к земле умирающие цветы. Впервые я видела увядшие маргаритки на острове, где ничего не росло без солнечного света. Непригодная почва убивала все, что пыталось принести краски в черно-белое кино.

Поднявшись по ступеням, я постучала. Несколько мгновений тоскливое завывание было единственным звуком, но вскоре послышался шум за дверью, и та резко отворилась. На пороге стояла бабушка. От удивления мой рот слегка приоткрылся.

— Это что же с ней такое случилось? — недоуменно пробормотала Эвон.

Женщина, стоящая передо мной, мало походила на ту элегантную аристократку немецких кровей, коей я привыкла ее видеть. На бледном лице виднелись черные потеки от туши, будто Лизель плакала, а под глазами пролегли темные круги, свидетели мучившей ее бессонницы. Смоляные волосы растрепались и жирными прядями, выпавшими из небрежного пучка на голове, падали на лицо. Платье цвета выцветшей сливы болталось на исхудавшем теле. Ткань была перепачкана, и от нее несло спиртом. Я едва поборола рвотный рефлекс и желание заткнуть нос.

— Что ты здесь забыла? — бабушка едва держалась на ногах, опираясь на стену, и сверлила меня взглядом.

— Да, я... — слова вдруг куда-то разлетелись, оставив меня глупо таращиться и пожимать плечами. — Я просто хотела...

— Ну, заходи, раз хотела, — женщина посторонилась, позволяя мне пройти.

Как только дверь за моей спиной закрылась, я погрузилась в водоворот различных тошнотворных запахов. Весь дом пропитался стойким ароматом какого-то дешевого пойла, немытого тела, сигаретного дыма, подгорелой еды и чего-то мне неизвестного. Глядя на то, что представлял собой дом бабушки изнутри, я ощущала себя словно в наркоманском притоне, где некоторое время компания подростков под кайфом устраивала оргию. Увиденное никак не походило на обитель уважаемой Древней, наводящей страх на Мортем.

— Чего застыла на пороге. Проходи, коль пришла.

Я осторожно двинулась вдоль стен. Взгляд ловил совершенно несочетаемые детали. Новые обои в персиковых тонах были заляпаны чем-то липким, и мне не хотелось знать происхождение той субстанции. На люстре не хватало нескольких кристаллов, вместо них висели различные дешевенькие безделушки. Ковер утонул под грудой мусора, пустых бутылок и разорванных бумажек. Все зеркала изрисовала паутина трещин, превращающих отражение в смазанное пятно. В помещении царил полумрак, нагнетающий атмосферу, и я пыталась вообразить, что же такого могло произойти, что превратило Лизель Флеминг и ее окружение в жертв бесконтрольного разрушения.

Я проследовала на кухню за бабушкой. Она открыла дверцу шкафа и обратилась ко мне:

— Коньяк или виски?

— Я не пью.

Женщина пожала плечами и вынула бутылку. Заперев шкаф, она развалилась на стуле, делая глоток из горла. Я не могла перестать, выпучив глаза, таращиться на происходящее. Казалось, стоило мне моргнуть, и все разветется, будто сон, но вновь и вновь открывая глаза, я оказывалась все в той же задымленной кухне в компании незнакомки с лицом бабушки Лизель.

— Можно я сделаю себе чаю? — с опаской спросила я.

Та лишь развела руками, мол, делай, что пожелаешь. Переступая через разбросанные по

полу вещи, я добралась до плиты и зажгла конфорку. Пламя весело заплясало в полумраке.

— Тебе интересно, что случилось, не так ли?

Наполнив чайник водой, я уостила его на плиту и села на болеем-менее чистый табурет около стола. Женщина смотрела на меня измучено и отрешенно. Она выглядела очень утомленной и сломленной, будто все пять веков жизни вдруг разом свалились на ее плечи неподъемной тяжестью.

— Любопытно, что могло так на вас повлиять, — честно ответила я, пытаюсь придать голосу напускное безразличие.

— Детка, давай просто на «ты». Не чужие же люди друг другу, — бабушка протянула руку и потрепала меня по щеке.

Я силой воли удержала себя на месте, не поддаваясь желанию отодвинуться как можно дальше от существа, сидящего передо мной. Кожа на ее пальцах потрескалась, как у старухи, и вся красота разом увяла, как и маргаритки под окнами дома.

— У всех бывают плохие дни. Или даже недели. И у Древних тоже, — женщины пригубила из бутылки. — Я не исключение. Все мы переживаем собственные драмы, застревая в мгновении, когда чашка со звоном летит на пол и разлетается на осколки, которые уже не собрать в единое целое, и прокручиваем в голове слова, разрушившие нас изнутри.

В повисшей тишине свист закипевшего чайника звучал слишком громко. Я вздрогнула и рывком подлетела к плите, перекрывая газ. Отыскала среди груды немытой посуды приличную чашку и, сполоснув, кинула в нее чайные листья, заливая кипятком. Вновь усевшись на табурет, я обхватила чашку руками, согревая продрогшие пальцы.

— И в чем же заключается твоя драма?

Безумный смех заполнил пространство, выбивая из легких воздух.

— Ты моя драма. С самого твоего рождения и по сей день. Бесконечная вращающаяся карусель последствий моего решения защитить дочь в тот злополучный день, когда она дала жизнь дитю с огненными волосами. Ты ведь думаешь, что все мы такие святые и непорочные там, в Сенате, что наше мнение нерушимый закон. Чушь! — бутылка полетела в стену и разбилась, окатывая меня брызгами алкоголя и стекла. — У всего есть темная сторона. Признание тебя невиновной стоило мне потери любимого человека. Что же, поздравляю, ты оправдана, но ты хоть раз задумывалась о цене этой победы?

Я никогда не задумывалась над тем, что моя несхожесть с остальными хоть как-то отразится на бабушке. Она казалась мне такой далекой от всего мирского, словно потомок королевского рода, что всегда получал то, чего хотел. И слышать от нее подобные слова было больно и неловко. Впервые мне пришла в голову мысль о том, что и ей приходилось чем-то жертвовать в погоне за справедливостью.

— Было бы проще убить тебя еще при рождении, — едва слышно пробормотала женщина.

Слова лезвием резанули по сердцу, оставляя кровоточащую рану, приносящую боль. Я не была идеальным ребенком, но я старалась соответствовать всем требованиям семьи и общества мертвых, что стоило мне огромных усилий. Сталкиваясь с непониманием и нежеланием принимать меня такой, какой я была, я переступала через трудности и шла дальше, гордо держа голову. Но там, в кухне, среди мусора и дыма, я позволила себе сломаться.

— Думаешь, мне нравится все то, что происходит? Разве я просила такого отличия?

Чёртова генетика, будь она проклята. И судьба туда же. Они позабавились, им весело, а отдуваться приходится мне. Не только ты лишилась чего-то, я тоже многое потеряла.

— Потеряла она. Да ну. Ты даже жить еще не начала. Девочка, я могу здесь и сейчас оборвать твое жалкое существование, и, поверь мне, весь наш мир вздохнет с облегчением.

— Так давай же, — я развела руки в стороны, призывая ее к действиям. — Сделай это. Забери мою жизнь. Ты ждала приглашения? Вот оно, забирай. Подайись на здоровье.

Лизель лишь обреченно вздохнула, укладывая голову на стол.

— Глупая девчонка, если ты вдруг подумала, что я помогу тебе покончить с собой, то ошиблась. Если решила умереть, делай это как-нибудь без моей помощи. А нет, — женщина на мгновение затихла, — тогда живи с этим, и не лезь на рожон. Тебя всегда будут ненавидеть в моем мире, научись стойко переносить трудности.

Тело бабушки обмякло. Постепенно ее дыхание выровнялось. Я прислушивалась к ее монотонному сопению и думала о словах, сказанных пару мгновений назад. Они звучали так, словно предназначались ей самой, а не мне.

— Что же случилось с тобой, что так изуродовало твою душу? — прошептала я.

Оставлять Лизель в этой куче мусора было слишком неправильно. Пусть мы не питали друг ко другу теплых чувств, ее несуразный вид угнетал меня. Что-то во мне желало увидеть ее в прежнем величии.

— Ты что, собралась тут убратся? — возмущенно воскликнула Эвон.

Молча я поднялась с табурета и стала около умывальника, закатывая рукава свитера.

— Ты собралась убираться. В доме своего врага. Шикарно, что еще сказать, — подруга покрутила пальцем у виска. — Я в этом не участвую.

Девушка оставила меня наедине с грязным домом, посапывающей бабушкой и мыслями, разъедающими изнутри. Вздохнув, я принялась за уборку.

Стерев последние жирные пятна с обоев, я бросила грязную тряпку в очередной мусорный пакет и отнесла его к остальным, покоившимся около входной двери. Утомительная многочасовая уборка, наконец, пришла к своему логическому завершению, и моя совесть была чиста. Бабушка умиротворенно плыла на волнах сновидений, развалившись на кровати, бережно укрытая покрывалом, и я собиралась покинуть ее обитель.

Эвон так и не показала за несколько часов, проведенных мною в доме. Она наотрез отказалась составить мне компанию, заявив, что с такими альтруистическими намерениями я вскоре стану драить до блеска полы в доме Гюнтера своими волосами. Ее словам не удалось меня задеть, и я осталась при своем мнении, что нельзя оставлять бабушку в царстве хаоса и разрухи.

Подхватив первые два мешка, я приоткрыла дверь и направилась на улицу. Мортем нежился в ночной прохладе. Ветер слегка поутих, прислушиваясь к небу, готовому разразиться дождем. Запихнув мусор в контейнер, я вернулась в дом за новой порцией.

Забирая последний мешок, я остановилась, вытирая вспотевшие руки о джинсы. Дверь в дом бабушки Лизель я заперла, выходя из нее, и могла отправиться восвояси.

Внезапно мое внимание привлекла фигура, одиноко стоящая около фонаря через дорогу. Обхватив себя руками, я быстрым шагом пересекла улицу и остановилась около незнакомца. Приглядевшись, я узнала в мужчине Властимила.

Еще со дня Суда ко мне в голову забралась мысль, что между ним с Лизель было что-то, но я не предала этому значения, ведь не лезла в чужую жизнь со своими расспросами и

советами. Его появление около дома бабушки развеяло все сомнения. Именно о нем говорила мне женщина, заливаясь алкоголем.

— Не ожидала вас здесь увидеть, — дрожащим от холода голосом обратилась я к Древнему.

Мужчина перевел на меня пустой взгляд. На какое-то мгновение мне привиделось сожаление, что мелькнуло в глазах, но тут же исчезло.

— Знаете, — начала я, не надеясь, что мои слова обретут значимость для морта, — если вы тот, о ком говорила моя бабушка, то вам должно быть очень стыдно за то, в кого вы ее превратили. И пусть это не мое дело, я обязана сказать. Поверьте, я — последнее существо во всех вселенных, за которого бы бабушка добровольно вступилась. И если вы так сильно ненавидите меня, пусть. Я переживу. Но винить бедную женщину в том, что ее потомок оказался уродцем, как минимум глупо и низко.

Не дожидаясь ответа, я развернулась и направилась прочь, оставляя Властимила одного посреди пустынной улицы.

Холод постепенно усиливался, и я практически неслась в сторону своего дома. Небо разорвала молния. Пробиваясь сквозь туман, на асфальт упали первые дождевые капли, взрываясь брызгами. Не прошло и пары минут, как морось превратилась в ливень. Свитер насквозь промок, прилипая к телу, и стал тяжелым, замедляя меня.

— Теперь ты еще и промокнешь. Погубит тебя твоя доброта, Мать Тереза, — раздался неподалеку голос Эвон.

Времени искать подругу глазами в тумане не было, ведь счет шел на секунды. Ворвавшись в дом, я заперла дверь и прислонилась к ней спиной, переводя дыхание. Вода, впитавшаяся в свитер, лилась на пол.

Едва переставляя ноги, я поплелась в ванную. Не снимая одежды, забралась в душ и включила горячую воду. Стоило каплям коснуться оледеневшего тела, как кожа принялась гореть. Постепенно холод уходил, и я согревалась, впитывая в себя тепло.

Прикрыв глаза, я оперлась рукой о стену и положила на нее голову. Увидеть Мару так и не удалось, но я все же получила некоторые ответы, сама того не заметив.

Все мы платили чем-то за то, чего никогда не желали получить...

Дождь не утихал третий день к ряду. Столб воды, обрушившийся на остров, заливал улицы, нещадно стучал по крышам, прогоняя сон. Морти пряталась в маленьких домиках, ища защиты от стихии, и предпочитали не высовываться. Протяжные завывания ветра и ветки деревьев, бьющиеся об окна, напоминали кадры из фильма ужасов, где в конце выживают второстепенные невзрачные персонажи.

Занятия отменили на пару дней в силу стихии, бесконтрольно снующей по городу, и я, укутавшись в плед, сидела на кровати и смотрела пятый фильм подряд. Откуда-то взялась бесконечная сонливость и апатия. После визита к бабушке я несколько часов пролежала на кровати, завернувшись в покрывало, словно в кокон, и тяжело дышала, пытаюсь унять дрожь. Воспоминания о затхлом запахе, пропитавшем обитель Лизель, прочно засели в голове, вызывая рвотные позывы.

Это было страшно — видеть, как кто-то сильный ломается. Потухшая женщина, сидящая передо мной в грязной кухне, всего лишь призрак былого величия, принесла в мое сердце сочувствие, которое, казалось бы, никогда не вспыхнет по отношению к ней. Проще было видеть в бабушке чудовище, чем признать, что она, как и я, была всего лишь обычным мортом, способным испытывать боль. Образ зла в моей голове размылся, и с трудом удавалось разглядеть в нем женщину, пообещавшую без колебаний уничтожить меня.

Тихий голос актера в ноутбуке прервал настойчивый стук. Я поставила фильм на паузу и, выбравшись из пледа, направилась к двери, сонно потирая глаза. Дождь неистово дебоширил за окном, орошая мертвую траву, и едкий туман плавно стелился по земле, прибитый небесными слезами. Распахнув входную дверь, я на мгновение застыла, ошарашено таращась на гостя.

С длинных угольных волос Хибики рекой лилась вода, и девушка тряслась от холода, смотря куда-то себе под ноги. Я схватила гостью за руку и втянула в дом, захлопывая дверь за ее спиной.

— Ты с ума сошла? На дворе такое творится, а ты решила зайти почаевничать? — недовольно бурчала я себе под нос, проталкивая девушку через весь дом в сторону ванной.

Рядом с японкой семенил Бенджамин, полыхая золотым светом. Мужчина был крайне недоволен и раздосадован.

— Я говорил ей оставаться дома, но кому есть дело? — возмущался он, пока я стаскивала с Хибики мокрую одежду и запихивала под горячий душ. — Даже слушать меня не захотела. Тут же понеслась к тебе, как угорелая. И что с вами, Эновисон, не так? Где здравый смысл? Где беспокойство о себе? Не удивительно, что вас так мало.

— Заткнись, Бен, — рявкнула я.

Мужчина демонстративно фыркнул и покинул нас. Я поливала дрожащую девушку водой, помогая согреться, а мысленно уже кричала на Натсуме. Как он мог позволить сестре выйти за порог в такую грозу? Чем он так вообще занимался, что не заметил, как Хибики направилась принять освежающий душ и подружиться с простудой?

Выключив воду, я протянула девушке пушистое полотенце, в которое она тут же укуталась, и направилась подыскать ей что-нибудь из своих вещей.

— Бенни сказал, ты на него накричала, — Эвон расположилась на тумбочке около кровати и задорно болтала ногами, улыбаясь.

Я закатила глаза и распахнула дверцы шкафа. Среди хаоса мне удалось отыскать приличный халат и белье. Я сгребла одежду в охапку и пошла обратно к Хибики.

Девушка сидела в гостиной и таращилась в выключенный телевизор. Ее губы двигались, словно она что-то пыталась сказать, но японка не проронила ни слова. Она выглядела взволнованной и потерянной.

— Держи, — я уложила одежду на колени гостыи.

Она подняла на меня пустой, отрешенный взгляд. Я поежилась.

— Я нашла то, о чем ты говорила, — прошептала она.

Несколькими неделями ранее на занятиях я обмолвилась, что случилось нечто странное. Девушка принялась расспрашивать меня с небывалым энтузиазмом, что бы ей вовсе несвойственен, и я выложила все, как на духу. Про то, что мой дар исчез после Суда, а после, когда он вернулся, от Эвон исходил бледно-серый свет, который совсем не свойственен душам. Казалось, еще во время моего рассказа Хибики унесло волной забвения, и она, как обычно, погрузилась в мир душ, не дослушав до конца. И я порядком удивилась, что девушка запомнила, а, тем более, попыталась найти нечто, касающееся моей проблемы.

— Давай я заварю чай, и ты расскажешь мне, что нашла, хорошо?

Хибики кивнула, и я оставила ее переодеться.

Руки машинально справлялись с задачей, но мыслями я была далеко от уютной кухоньки и дождя за окном. Углубляясь в себя, я не заметила, как закипел чайник. И лишь чужая мягкая рука легким касанием к плечу вывела меня из задумчивости.

Когда кипяток был разлит по чашкам, а маленькие ложки с цоканьем размешивали сахар, Хибики как-то тепло улыбнулась мне, пряча взгляд, и потянулась к печенью, что я предусмотрительно высыпала на тарелку. Она откусила крошечный кусочек и неторопливо прожевала его. Я внимательно следила за действиями девушки, и думала, что она очень похожа на ребенка, кому проще выдумать себе друзей, чем подружиться с кем-то реальным. Запутавшаяся, запуганная, наивная и добрая — Хибики оставалась для меня чем-то неизведанным и непонятым, сколько бы я не пыталась разобраться.

— Я думала над твоими словами очень долго, — тоненький детский голосок девушки раздавался отовсюду, словно рождался в моей собственной голове. Каждый раз я вздрагивала, непривыкшая к этой особенности, но втайне восторгающаяся умением говорить пространством. — И это не давало мне покоя, поэтому я решила пойти в библиотеку и разузнать больше. Бенджи помогал мне в поисках, он очень упорно трудился ради тебя. Ты же знаешь, что нравишься ему, да?

Белесые глаза бросили на меня беглый взгляд, и я почувствовала, как щеки заливаются румянцем.

— Это из-за твоего дара, — продолжила Хибики. — У нас все иначе. Души привыкли, что те, к кому они привязаны, не видят их, но не те, кто связан с Эновисон. Тут рождаются узы, которые обязывают обе стороны поддерживать друг друга. Если ты теряешь свой дар, душа постепенно увядает и впадает в так называемую спячку, которая может длиться неделями, месяцами, а то и годами. Цвет свечения зависит от того, на каком этапе увядания находится душа. Если он исчезнет, душа засыпает. И после того, как дар вернется, она может еще какое-то время находиться в спячке. В редких случаях все приводит к тому, что душа исчезает. Навсегда.

Голос девушки не выражал ровно никаких эмоций. Она говорила слишком безразлично о вещах, которые меняли многое. По спине пробежал табун мурашек, и я почувствовала, как

на руках волоски стали дыбом. Не верни я свой дар, Эвон впала бы в спячку, и кто знает, проснулась ли в будущем. Я не могла ее потерять. Первую подругу, единственную, кто поддерживал меня с самого детства, кто верил в меня и всегда оставался на моей стороне. Такую жизнерадостную, неунывающую, саркастичную Эвон, что после смерти не утратила чувства юмора и бойкого характера.

— Значит, я могла умереть, — девушка показалась из-за угла и присела на краешек стула. — Во второй раз. Если бы Айви не вернула зрение, я бы исчезла, сама не понимая, что со мной происходит?

— Ты не исчезнешь, — голос дрогнул от волнения. — Я не позволю им вновь забраться в мою голову и лишит меня дара.

Губы подруги тронула грустная улыбка.

— Спасибо, конечно, но я бы хотела знать, что меня ждет там, за чертой.

Хибики сделала глоток чая и на мгновение закусила губу.

— Там были записи, сделанные со слов души, пребывавшей во сне двенадцать лет. Он говорил, что не помнил ничего. Словно вот он закрыл глаза, а когда открыл, прошло очень много времени. Тот, с кем он был связан, ожидал его возвращения все то время, а для самой души прошло не больше пары минут. Поэтому, — черные волосы упали на лицо, пугающее своей отрешенностью, — думаю, ты ничего не почувствуешь.

Эвон кивнула и молча направилась прочь. Я хотела пойти за ней, утешить, но что я могла сказать? Будто действительно могла помешать Тесефи забраться в мою голову и вывернуть все наизнанку. Война с заведомо принятым поражением за кулисами человеческого мира уже предрешила нам всем исход: подчинись или умри.

— Мне жаль, Айви, — Хибики коснулась моей руки. Ее кожа была мягкой и пахла черничным гелем для душа. Движение больше машинальное, чем истинный порыв чувств. — Никто и врагу не пожелал бы такой судьбы, как твоя.

Сомневаюсь. Гюнтер с удовольствием проклял бы меня вновь.

Я оставила Хибики у себя на ночь, не позволив возвращаться в такой дождь домой. Она настаивала, но я была непреклонна. И девушка сдалась, устроившись в гостиной за просмотром кулинарного шоу, жуя печенье. Как только я удостоверилась, что гостя не собиралась меня обманывать и сбегать, стоило мне отвернуться, я взяла телефон и направилась в комнату, на ходу набирая номер Натсуме.

После первого же гудка в трубке раздался взволнованный голос друга:

— Айви, Хибики пропала!

— С добрым утром, — я закатила глаза. — Притормози, приятель. Никуда она не пропала. Сидит у меня, смотрит «Адскую кухню» и уничтожает запасы печенья. Ты бы за сестренкой внимательнее следил.

Послышался облегченный вздох.

— И давно она у тебя?

— Несколько часов. Удивительно, что ты сам не разрывал мой телефон в поисках сестры.

— Не думал я, что она пойдет именно к тебе. Что она там вообще забыла?

Я зевнула. Сонливость никуда не исчезла, еще больше навалившись на плечи с неутешительными новостями.

— Хибики кое-что выяснила и захотела мне сообщить. Так что принеслась что есть

духу, промокнув насквозь. Не переживай, я ее отогрела, передела и чаем отпоила. Как только дождь закончится, отправлю ее обратно к тебе.

— Спасибо, Айви, — голос парня переполнился теплом.

Я положила трубку и рухнула на кровать. Водоворот событий, захвативший меня месяц назад, никак не хотел выплевывать на сушу, дав вдохнуть спасительного воздуха. Карусель все вертелась, доводя до сумасшествия, рождая во мне паранойю. Это обязано было кончиться, ведь я оправдана Сенатом, признана невинной. Похоже, пропуск в свободную мирную жизнь затерялся где-то в пути, обрекая меня сомневаться.

Прикрыв глаза, я позволила усталости взять верх. В темноте замелькали картинки, ярко вспыхивая фейерверками и погружая меня в сладкую дремоту. Обрывки воспоминаний о днях, когда мое детство не омрачал груз ответственности и потерь. Беззаботные моменты счастья, внезапно утерянного среди тусклых улиц и мертвого неба.

Мне снилось другое, голубое небо, кристально чистое и бескрайнее, куда ни глянь. Я смотрела в вышину и думала о мортах, что день ото дня слепо толкались в сером городе и не могли себе позволить просто отжаться такому трепетному осознанию величия небес, что нежно обволакивали Землю, укрывая от невзгод.

Папа однажды сказал мне: «Если станет слишком трудно, беги до тех пор, пока не окажешься в месте, где рыхлая пахучая земля граничит с небесным океаном. Только там ты сможешь найти покой, вдали от шумного города и суетливых людей». И он оказался прав. В который раз. Когда на плечи ложился непосильный груз, я забиралась на крышу одной из высоток в центре, ложилась на спину и смотрела вверх, на облака. Они неторопливо плыли, лениво о чем-то беседуя, а я, такая крошечная и невзрачная, подслушивала их разговоры, не разбирая ни слова.

Когда я проснулась, дождь стих. За окном постепенно поднимался туман, вязкий и непроглядный. Эвон сидела на подоконнике и смотрела куда-то вдаль. Ее тело источало едва различимый голубой свет.

— Ты все еще думаешь о словах Хибики? — я зевнула и потерла глаза, присаживаясь на кровати.

Девушка безразлично пожала плечами, но ее спина дрожала. Душа беззвучно плакала, пытаясь не беспокоить меня, переживая боль в одиночестве. Я поднялась с кровати и подошла к ней. Потянулась, чтобы прикоснуться, но одернула себя.

— Послушай, никто же не знает, как оно будет дальше. Меня оправдали, некому больше лезть в мою голову. А значит, и дар мой никуда не денется. И ты вместе с ним.

Я пыталась придать голосу уверенности, но он предательски дрожал. Как жаль, что я не могла обнять Эвон и передать ей частичку тепла, что она то и дело вселяла в меня.

— Вот именно, ты не знаешь. И никто не знает, — девушка развернулась и посмотрела на меня. — Никто не может гарантировать, что ты не вляпаешься в какую-нибудь дурацкую историю, и они не примутся вновь высасывать твой мозг. Что, если они зажуют и меня?

— Никто тебя не зажует, ты же безвкусная.

Мы переглянулись и не смогли удержать смех. Свет, исходящий от души, стал ярче, немного успокоив меня.

— Ты несносна, Айви. Может, исчезнуть — не такая уж и плохая идея?

Во мне закипала злость, бурлила и пенилась, как масло на сковородке.

— Забудь. Ничего не случится. Может, я не лучший хранитель душ в мире, но о тебе я позаботиться сумею. Никто тебя у меня не отберет.

По щеке Эвон скользнула одинокая слеза.

— Теперь твоя очередь меня спасать, да? — девушка благодарно посмотрела на меня.

В комнату несмело постучали. Дверь отворилась, и на пороге показалась Хибики.

— Звонили из Академии. Дождь прекратился, занятия возобновляются. Я домой переодеться. Встретимся около корпуса, — пробормотала японка и прежде, чем я успела ответить, умчалась, хлопнув дверьми.

— Как-то похолодало, — пробормотала я, натягивая капюшон на голову в надежде спрятаться от нещадных порывов ветра, швыряющего волосы на лицо. — Трудно поверить, что за пределами острова солнечное лето.

Эвон тащила за мной, шаркая ногами по брусчатой дороге, и молчала. Уныние, поселившееся в ней после новостей, принесенных Хибики, тяжелой тучей нависло над душой, отражаясь в цветовой гамме света, исходящего от девушки. Она едва мерцала серовато-голубым свечением а на попытки себя растормошить не реагировала.

Умереть единожды — ужасно. Я никогда не задумывалась, какую боль пришлось испытать Эвон перед тем, как мой отец извлек душу из ее истерзанного дорогой тела. Но девушка помнила хруст собственных костей и ужас, застывший в помутневшем взгляде. Эти воспоминания хранились в ней и не меркли с течением времени, принося все те же страдания, как и в день смерти. И возможность погибнуть во второй раз, исчезнув навсегда, пугала душу до дрожи в коленках.

Я не знала, чем помочь ей, как утешить. Все слова, сказанные о том, что я защищу ее, были пропитаны ложью, и мы обе это понимали. Я никак не могла уберечь свою голову от вмешательства Тесефи, и Эвон оставалось только смотреть, как меня выжигают изнутри, ожидая собственной кончины. Но мы обе нуждались в моем обещании. В иллюзии того, что у меня все еще был выбор.

Туман поднялся и куполом навис над островом, укрывая от солнечных лучей. Серое месиво искрилось, поглощая свет, и, казалось, вот-вот рухнет на землю, придавливая своим весом. Я тоскливо посмотрела вверх, вспоминая, как выглядит голубое небо, и вздохнула. Мне, как никогда, не хватало жизни вне черно-белого мира, а впереди было еще полтора месяца учебы.

Стоило мне оказаться на территории Академии, как в голову тут же ворвался едкий дым, сбивая с ног и несясь все глубже. Отголоском по телу прошла волна боли от удара коленями о землю, а глаза замело белой пеленой. Гюнтер носился, распахивая все двери, и смеялся, наслаждаясь моей беспомощностью. Его хохот отбивался от стенок черепной коробки и устремлялся все глубже, пеплом въедаясь под кожу.

— *Где же ты была, Айви? Я так скучал,* — пропел парень, подхватывая банку с воспоминанием о пшеничном поле. — *Твой плащ пахнет просто потрясающе, и я очень хотел расспросить тебя о том, почему ты выбрала именно его. Вижу, ты питаешь слабость к маленьким человеческим радостям.*

— Убери свои грязные руки от моих воспоминаний! — рявкнула я, бросаясь на него с кулаками.

Но парень растворился, заливаясь смехом. Я вертелась, спотыкаясь, выглядывая его среди высоких шкафов, наполненных моими мыслями, и ждала, когда же он появится. Дым становился все плотнее, щипая глаза, щекотал нос горечью. Легкие заполнились им, и я задышалась, лежа на полу среди комнат с воспоминаниями, беспомощно брыкаясь и хватаясь за горло.

— *Тише, крольчишка, тише,* — Гюнтер опустился на колени около меня, убирая прядь рыжих волос с лица. — *Тебе не выбраться из моих смертельных объятий. Сдайся, прими свое поражение, и я отпущу тебя.*

«Никогда!» — хотелось прокричать, но с губ сорвался только жалобный хрип,

— *Глупая, глупая Ривэрто. Думаешь победить меня своими жалкими талантами? Или правда решила, что твоя сила воли действительно удержит меня вне стен твоего крошечного наивного мозга?* — парень склонился надо мной и шептал на ухо. — *Хочешь, я растопчу тебя просто здесь, подчинив своей воле? Ты навсегда станешь моей...*

Я выгнулась, крича от боли, разрывающей мои легкие. Пальцы зарылись в рыхлую землю, что забилась под ногти, а перед глазами была пугающая пустота и темень. Гюнтер отобрал мое зрение, оставив барахтаться в придуманном им месте. Запихнул мое сознание в миражный мир, и я даже понятия не имела, что происходило с моим телом.

За что ты так меня ненавидишь? Ответь мне, ты, чудовище! Что я такого тебе сделала?

А в ответ только тишина. И завывающий где-то ветер. Легкие горели, наполняясь воздухом, и я хрипела, стонала в попытках подняться. Меня разрывало на части и склеивало вновь, пытаюсь найти нужную комбинацию, подобрать кусочки паззла в правильном порядке. Обессиленно я разбивалась о скалы, падая с обрыва, и разлеталась на мириады крошечных песчинок, утопая в океане. А после собиралась в единое целое, чтобы вновь попытаться взлететь.

— *Я пришью тебе крылья обратно и научу летать, маленькая Ривэрто,* — шептал Гюнтер. — *Я научу тебя парить и подчиняться мне.*

Едва уловимое касание его губ к моим, и я вновь полетела в пропасть, хватаясь за воздух и крича, переполненная страхом. Словно кружка, которая то и дело разбивалась и собиралась вновь в бесконечном потоке мгновений.

Ты безумен, Гюнтер, безумен...

Смех. Бесконечный смех в моей голове, сводящий с ума, разрывающий перепонки. Мой собственный смех.

— Мистер Шильдкнехт, мисс Эрцен, — сквозь безумие прорвался чужой голос, рисующий границу меж иллюзией и реальностью, приводящий в чувства. — Насилие над учениками запрещено уставом Академии. Или вы забыли, что все морты равны, и один из четырех законов гласит, что морт не имеет права убивать другого морта?

Пелена перед глазами рассеялась. Я лежала на мокрой после дождя траве около главного здания Академии, а Гюнтер сидел рядом, смотря на меня почерневшими глазами. Бласка замерла с маркером в руках в паре сантиметров от моего оголенного живота, нервно покусывая губу и смотря куда-то в сторону.

— Думаю, госпожа Джулиана Томпсон будет очень заинтересована в том, чтобы уделить вам обоим время и решить, какое наказание вы понесете за издевательство над одноклассниками, — над нами возвышалась фигура миссис Хоффман. — А теперь я попрошу вас оставить мисс Блумфилд в покое и навестить кабинет директора. Надеюсь, провожатые вам не потребуются.

Гюнтер поднялся на ноги и кивнул Бласке, чтобы та последовала за ним. Девушка подорвалась и быстрым шагом направилась в сторону главного корпуса, гордо вздернув подбородок. Я поспешила прикрыть живот, пряча от ветра.

— *Не думай, что это конец, крольчишка. Не всех принцесс спасают бесстрашные рыцари из глупых человеческих сказок. Некоторым уготована участь стать красавицей при чудовище.*

Я стыдливо отвернулась от Гюнтера, пряча глаза. Парень прошел мимо и скрылся за

спиной миссис Хоффман. Женщина присела рядом, всматриваясь в мое лицо, и я избегала встретиться с ней взглядом.

— Это ведь не впервые?

Я промолчала, сдерживая слезы. Не прошло и пары часов после моего обещания Эвон, как я тут же его нарушила.

Плащ пропитался влагой, и я дрожала от холода и стыда, боясь подняться на ноги. В моем мире не было героев. Не на кого было надеяться, кроме самой себя. И я позорно проигрывала битву за битвой.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Эбигейл Хоффман, удачно оказавшаяся рядом, была моим преподавателем, специализировавшимся на даре Эновисон. Как оказалось, Хибики увидела Гюнтера, тащившего меня куда-то, и побежала за помощью к старшим. Издевательства оборвали, не дав им затянуться, и я была благодарна японке, подоспевшей вовремя.

Миссис Хоффман отправила меня в медблок до тех пор, пока мой дар не восстановится после вмешательства Гюнтера. Она пыталась успокоить, внушить мысль, что моей вины не было в том, что делала та парочка, а я давила в себе рвущиеся наружу рыдания и крик. Как только дверь в медицинское крыло с хлопком закрылась, оставляя меня в одиночестве, я осела на пол, прижимая колени к груди и позволяя слезам залить щеки.

Я раскачивалась из стороны в сторону, словно маятник, и завывала, будто раненое животное. Под поломанными ногтями виднелись сгустки грязи, и я размазывала ее по щекам, пытаясь вытереть слезы, что катились без остановки. Слабая. *Слишком* слабая. Мне было мерзко при одной мысли о прикосновениях Гюнтера ко мне, о его взгляде, о хохоте, забравшемся куда-то вглубь и эхом отдающемся в голове. Я желала забраться в душ и отмыться от стыда и жалости к себе, соскребая их с кожи и с собственной души.

И я кричала, как безумная. Колотила стены медблока, разбивая костяшки в кровь, захлебываясь слезами. Багровыми пятнами распускались на небесно-голубых стенах капли, рисуя картину боли и отчаяния. Мне отчаянно нужна была помощь, нужен был кто-то, способный меня спасти от своего же сознания.

— Остановись! — раздался рядом умоляющий голос.

Но я не могла. Не могла утешить себя. Я глушила душевную боль физической, превращая руки в месиво. Они восстановятся со временем. Рубцы на сердце не затянутся никогда.

— Пожалуйста, остановись, Айви! Остановись!

Чужие ладони легли на мои руки, и я замерла в нерешительности, боясь причинить вред. Губы дрожали, сдерживая всхлипы, и я подняла взгляд на девушку рядом со мной.

— Пойдем, я помогу тебе. Все будет хорошо, — она повела меня за собой.

Нет, не будет. Никогда не будет. Он растоптал меня, словно я вовсе ничего не значу. Он снова забрался мне под кожу.

Я покорно шла за Марцеллой, бездумно переставляя ноги. Все вдруг исчезло, укрывая меня покрывалом апатии. Все растворилось в океане безразличия, и стало совершенно все равно, что станет со мной дальше. Я потеряла смысл всего, смысл себя самой. Пусть кто-то додумает его за меня, а я устала сражаться за то, чтобы просто существовать.

Марцелла усадила меня на кровать. Достала из тумбы неподалеку флакончик и вылила содержимое мне на руки. Раны запекло, и я недовольно зашипела.

— Все в порядке. Скоро все затянется, и боль пройдет.

Ее голос успокаивал, теплотой окутывая израненное сердце. Девушка массировала мои ладони, напевая что-то себе под нос, а я таращилась в пол, стыдясь поднять на нее глаза. Мокрая, заплаканная, перепачканная в грязи и собственной крови, изрисованная черным маркером и обессиленная, я слушала ее песню, и что-то во мне успокаивалось. Пульсирующая боль куда-то подевалась, оставляя после себя лишь едва различимые отголоски.

Песня заполняла каждый закуток души, наполняя ее светом. Девушка будто забралась ко мне в голову и дергала рубильники, заставляя лампочки проснуться и заработать, прогоняя тьму. Все возвращалось на круги своя, безумная карусель замедляла ход, позволив мне сойти на ровную поверхность, стараясь удержать в себе содержимое желудка и не рухнуть на пол.

— Почему ты выбрала работу здесь? — выдохнула я. — У тебя ведь была возможность отправиться в любой закуток мира, а ты осталась на острове.

Марцелла смущенно улыбнулась. Каштановые волосы, заплетенные в две косы, словно у школьницы, весело подпрыгнули, когда девушка пожалала плечами. В ее взгляде теплилась забота и доброта, редкость для моего мира.

— Я просто хотела помогать. Кто-то разрушает души, а кому-то приходится их лечить. Все обретает баланс, даже среди мортвов.

— Чем тогда я заслужила этот кошмар?

— Проблема не в тебе, а в тех, кто делает это с тобой. Солнце в волосах — не проклятье, а дар. Когда-нибудь ты сможешь это понять. Такие дети, как ты, особенные. Вы не опасность, а спасение для нашего народа.

Глупость!

Я не была особенной, не была избранной. Мы не в сказке, это не Диснеевский мультфильм, где стоит просто спеть пару песен, и все вокруг по волшебству разрешится. Мортем сошел со страниц книг Стивена Кинга, и индивидуальность топилась раньше, чем ребенок успевал произнести первое слово.

За спиной Марцеллы мелькнула фигура Эвон. Я облегченно вздохнула, осознавая, что дар вернулся. Я могла покинуть медблок и компанию кухни, чей взгляд пробирал до костей. Она будто хранила величайшую тайну и была уверена, что именно я являлась ключевой персоной происходящего.

— Спасибо за помощь, я пойду, — я поднялась на ноги и отряхнулась.

Лицо все еще было перепачкано в грязи, но стоило мне найти умывальник, как все станет поправимым. Да и промокший плащ не сильно беспокоил. Вдруг все померкло в сравнении с желанием убраться от Марцеллы и ее знаний.

— Береги себя, — промурлыкала девушка.

Я накинула капюшон на голову и наспех зачихала под него влажные волосы. Пальцы механически исполняли команды мозга, но меня самой во всем этом не было. Ни в медблоке, ни в собственном теле. Я все еще тихонько завывала от горечи и обиды в самом дальнем уголке души, раскачиваясь из стороны в сторону, будто маятник, и растирая слезы по щекам.

— Ты в порядке? — спросила Эвон, стоило нам покинуть медицинское крыло.

Я быстро шагала в сторону главного корпуса, кутаясь в плащ и молчала, с силой сжимая зубы от негодования. Внезапно меня захлестнул гнев, и кулакам не терпелось выкрасить

лицо Бласки или Гюнтера в лиловый цвет.

Как же мне надоело проигрывать, выставляя себя на посмеище, позволяя уродовать тело и душу. В распоряжении учеников была целая библиотека летописей, разве там не могло найтись нечто, способное уберечь от вмешательства Тесефи в мое сознание? Я вознамерилась найти песчинку посреди солнечного пляжа, и, что уж там, не планировала сдаваться.

Оторвав взгляд от промерзлой земли, я увидела, как постепенно приближались две фигуры. Одна из них с разгону налетела на меня, сбивая с ног, и утащила с собой на землю.

— Айви! — София практически рыдала, сжимая ткань моего плаща в ладонях. — Я слышала, что случилась. Что он сделал с тобой?

Я нерешительно обвила тело подруги руками и прижала к себе. Над нами клубился туман, скрывая от посторонних глаз. Я прикрыла глаза и вдохнула холодный воздух. Запах сырости и сухой травы забил нос. Волосы выбились из-под капюшона и разметались по земле, впитывая влагу.

Натсуме нерешительно стоял около нас, переминаясь с ноги на ногу. Его смущение застыло в воздухе, просачиваясь в меня. Парень будто на мгновение стал частью моего сознания, и вытянул всю ярость из сердца, скомкав ее, как испорченный лист, и швырнув в мусорное ведро.

— Мы можем не говорить об этом? — прошептала я.

Голос дрогнул. Я закусила губу, поднимая пустой невидящий взгляд в небо, до которого не могла дотянуться. София оживленно закивала, уткнувшись носом мне в грудь. Она хваталась за меня, словно я была ее спасением, и я не могла найти слов, ведь именно мне следовало искать утешения у друзей. Только душа истощилась, не в состоянии справиться с напором эмоций, и внезапно опустела. Внутри гулял ветер, забивался в трещинки, носился сквозь распахнутые окна и протяжно завывал.

— Их отстранили от занятий до конца месяца. Миссис Хоффман защищала тебя всеми силами. Да и Бласка успела впасть в немилость Джулианы Томпсон ранее, так что ты в безопасности. На какое-то время.

София оторвалась от меня и подвелась на ноги, подавая руку. Мой взгляд задержался на протянутой ладони, и я поймала себя на мысли, что не хотела подниматься. Среди мертвых растений я чувствовала себя как никогда на своем месте. Только переполненный надеждой взгляд подруги червячком точил меня изнутри, призывая оторваться от земли. И я последовала его совету.

— Хибики просила передать, что будет ждать тебя в классе.

Я отрешенно кивнула и, бросив друзьям грустную полуулыбку на прощание, направилась прочь. Эвон семенила следом, подозрительно притихнув, и втайне я радовалась, ведь не хотела говорить. Слова казались пустыми, безжизненными, глупыми. Что мы могли сказать друг другу? Что сожалеем? Что теперь все внутри ноет тупой болью? Что мы все еще есть друг у друга? Бессмысленное сотрясение воздуха, да и только. Проще было молчать, выстроив стену и запрятавшись глубже в себя.

А там, притаившись, уже выжидали собственные демоны, готовые разорвать, стоило лишь позволить угнетающим мыслям заполнить голову. Острые лезвия врезались в нежную незащитную плоть, терзая и причиняя невыносимые страдания.

Все мы варимся в бездонном котле саможалости.

Отголоски слов Гюнтера доселе звучали в голове. И, как бы не ненавидела его, парень

был прав. Умение ныть о собственных проблемах, ища сочувствия окружающих, прикрытое иллюзией того, что жизнь несправедлива и жестока, на деле было ничем иным, как всего лишь жалостью к самому себе и непоколебимой уверенностью в несправедливости выпавших на судьбу страданий. Иногда меня от самой себя тошнило, но искусство обмануть даже себя морты, как и люди, отточили до совершенства.

Около класса, прислонившись к стене, стояла Хибики и беседовала с Бенджамином. Он был чем-то крайне недоволен, из-за чего полыхал золотом. Девушка же, напротив, была слишком умиротворена и даже безразлична. Завидев меня, они умолкли, застыв в нерешительности. В глазах японки читался немой вопрос, и я поспешила на него ответить:

— Я в порядке и не хочу говорить о случившемся. Если тебя не затруднит, не вспоминай об этом.

Хибики кивнула и потупила взгляд. Она чувствовала себя виноватой, позволив Гюнтеру насмеяться надо мной и доводить до сумасшествия, но девушка ничего не могла противопоставить парочке, изводящей всю школу. Пусть Гюнтер и не умел контролировать одновременно несколько сознаний, сила Бласки никуда не девалась, и словенка без труда справилась бы с Хибики.

— Я вижу, тебе уже лучше, — за спиной девушки выросла фигура миссис Хоффман.

Женщина улыбнулась, и ее брови взметнулись вверх, словно ее что-то очень удивило. Эбигейл была интересной и добродушной, но, как оказалось, могла проявить жесткость и поставить на место нарушителей правил. Мне нравились занятия в ее классе, и иногда я радовалась, что обладателей моего дара не так уж и много среди мертвых, ведь женщина могла уделять все свое время лишь мне и Хибики, что так же души в ней не чаяла.

— Рада видеть тебя, Эвон. Ты выглядишь слегка измученной.

Подруга смущенно улыбнулась, но промолчала. Вспоминать о моем срыве в медблоке не хотелось ни одной из нас.

— Что же, раз всем уже лучше, я хочу вас обрадовать, — губ миссис Хоффман коснулась задорная улыбка. — Сегодня я приготовила для вас нечто особенное. Вам, как обладателям дара Эновисон, единственным из всех учеников предоставлена возможность посетить Хранилище Душ до окончания обучения в Академии. Так что, любимые мои девочки, приготовьтесь расширить свой мир еще на несколько сотен миллионов душ.

Свет ослепил меня. Он отражался от стен, пускаясь в пляс солнечными зайчиками по вымощенному камнем полу. Мириады падающих звезд, облачившись в человеческое обличие, предстали предо мною во плоти, и я застыла, пораженная открывшимся мне величием. Заворожено глядя на бессчетное количество душ различных возрастов, национальностей, полов и эпох, я невольно приоткрыла рот, боясь дышать. Казалось, вот-вот все растает, оставив после себя лишь воспоминание.

Хибики унеслась, стоило нам переступить порог Хранилища, оставив меня наедине с одолевающими сумбурными чувствами. Девушка оказалась в своем идеальном мире, реальности, что придумала себе годами ранее, и я видела ее искрящийся, опьяненный взгляд. Пусть на несколько часов, но ее сказка обрела счастливый виток событий, подарив желанные минуты неподдельной радости.

— Может, здесь ты обрешь ответы, которые так давно искала, — миссис Хоффман странно улыбнулась. В ее взгляде ощущалась боль и какая-то обреченность, что исчезла, стоило мне моргнуть, рассеялась, словно мираж в пустыне. — Оставлю вас наедине с

познанием нового мира.

И женщина, развернувшись на каблуках, зашагала прочь. Ее задорная, бодрая походка больше не казалась мне таковой, превратив Эбигейл из волшебной феи в обычного, измученного жизнью морта. Все на острове Мортем хранили тайны, и всего лишь не хотели признавать, что некоторые замечали больше окружающих.

Закусив губу, я неуверенно двинулась вглубь здания. Меня окружали спящие души, излучающие различные оттенки цветов, превращая воздух в фейерверк света. Вдруг я оказалась посреди школьного фестиваля, и вокруг кружились в танце друзья, сжимая в ладонях искры бенгальских огней, а мои ноги, сами отрываясь от земли, бежали навстречу сказочному сиянию.

— Почему все они спят? — робко спросила Эвон, следуя за мной. — Я не спала ни разу с того времени, как умерла. Что с ними не так?

У меня не было ответов. Впервые мне вручили доступ к тайне, которую разгадать самостоятельно я была не в силах, но делиться было не с кем. Кто, как ни я, должна была бы знать о душах все возможное, прожив с одной из них одиннадцать лет? А позволять другим узнать то, что творилось в моей голове, было не самой лучшей идеей. После стольких попыток Гюнтера выудить на свет мои секреты, я приняла решение, что их стоит хоронить как можно глубже, чтобы даже самой забыть к ним дорогу.

Лица незнакомых мне умерших людей умиротворил вечный покой. Почему-то мне всегда казалось, что Хранилище кипит жизнью. Я могла представить, как души из разных эпох спорят о различиях между ними, неспособные прийти к пониманию, как коридорами носятся дети и всюду раздается их задорных смех, как мертвые девушки влюбляются в мертвых парней и даже после смерти пытаются обрести свое счастье. И вдруг, словно кто-то пролил воду на тщательно прорисованную картину, и краски смазались, превращая шедевр в месиво пестрых цветов. Реальность оказалась далека от идеала.

Я медленно шла, рассматривая людей, ища знакомые лица. Но их не было. В Гринвилле мне везло тем, что я лишь раз оказалась рядом с умирающим человеком. За несколько минут до смерти человеческое тело посылает волны, уловимые сознанию морта, и тогда тот из нас, кто находится рядом, может почувствовать приближение скорой кончины. Меня же подобная участь обходила все годы жизни в Штатах, и я боялась однажды почувствовать эту волну, струящуюся от одного из друзей.

Крошечное пульсирующее ядро в груди Эвон светилось все ярче. Девушка в мгновение ока превратилась в запуганного ребенка, запутавшегося в происходящем и отчаянно нуждающемся в поддержке все понимающих взрослых. Я невольно отвернулась, пряча взгляд. Я была ее взрослой, тем, к кому душа могла обратиться в трудные мгновения, но сама потерялась, затопленная вопросами. О каких ответах говорила миссис Хоффман? Едва ли Хранилище станет местом, подарившим мне покой.

— Ты знала, что Древние прозвали людей Ривэрто не из-за наличия души?

Я вздрогнула от неожиданности и отпрянула в сторону. За спиной стояла бабушка, та, какой она была прежде. Под глазами все еще виднелись черные круги, свидетельствовавшие о недавнем кошмаре, что ей пришлось пережить, но прочие признаки угасания жизни в Лизель исчезли. Женщина ровно держала спину и, гордо вздернув подбородок, смотрела на меня пронизательным взглядом карих глаз, в которых искрилось тайное знание, которым бабушка собиралась поделиться со мной.

За ней тенью следовала Мара. Девочка одарила меня взглядом, переполненным

смятения и грусти. Весь груз, тяготивший бабушку еще пару дней назад, словно придавил своим весом маленькую душу, и та, сгорбившись, прижималась к своей покровительнице, ища защиты. Только вот некому было ей помочь, вырвать из замученного сердца боль и обиду, ей не принадлежавшие.

Я пожала плечами, прогоняя оцепенение, и принялась нервно теревить прядь волос. Где-то, в глубине моей души, подало голос облегчение, ведь чувство обреченности более не окутывало пеленой Лизель, но тихий шепот в голове напоминал о другой стороне медали. Она утратила свою беззащитность, и вряд ли простит кому-либо видевшему момент ее слабости мысль о том, что внутри женщина стала мягче.

— Мы заменили одно значение другим с течением времени. Обладателей души в далекие времена окрестили Китува. Когда-то это переводилось как «тот, в груди которого искрится жизнь». Ривэрто же имело другое значение.

Я молча слушала, наблюдая, как бабушка задумчиво смотрела на спящие души. Казалось, она вглядывалась в поиске чьего-то лица, которое то и дело ускользало от ее взгляда.

— «Падающая звезда». Вот как переводится Ривэрто. Ты никогда не замечала, что души так схожи с крошечными звездами, мерцающими в темноте и освещающими ночь? Так же, как и люди. Кометы, летящие в небесах, умирая, перерождаются в людях, даря им жизнь. Они кровью пульсируют в венах, сплетаются с нервами, взрываются фейерверками эмоций в голове. Люди несут в себе свет мертвых небесных тел, разгоняя тьму, живущую в нас, мортах. Они — часть расширяющейся Вселенной, мы — ее палачи. Мы сотни раз слышали о том, что должны держаться подальше от людей, но... — Лизель умолкла.

Я могла дотянуться до ее тела, протянув руку, но сознанием бабушка была далека от Хранилища. Воспоминания перенесли ее в прошлое, позволили прогуляться прожитыми столетиями ранее днями, и я боялась вмешаться в путешествие, происходящее в голове женщины, не надеясь на продолжение. Свет рухнувших на Землю многие годы назад комет бликами отражался в бабушкиных глазах, и впервые я увидела в них слезы.

— ... тьма не существует без света, как и наша жизнь теряет смысл без людей, — едва слышно прошептала Лизель.

В ней было что-то, чего я до конца не понимала. Женщина с безграничной властью и признанием, но с необъятной дырой в груди, которую некому было заполнить. Мортем отобрал нечто важное, некогда ей принадлежавшее, превратив в жестокую и холодную Древнюю. Когда-то в ней убили любовь, и распяли благодетель среди измученной болью души, выставив на посмешище. Очередная головоломка без решения, ведь кто-то нещадно вырвал незаменимые частички паззла из замысловатой конструкции.

— Мне жаль то, что у тебя отобрали, — я посмотрела на бабушку.

Искры в ее взгляде вспыхнули в последний раз и потухли. Женщина гордо вздернула подбородок и смахнула с лица непослушный локон.

— Нечего жалеть о том, что давно перестало иметь значение.

Обхватив ноги руками и прижав колени к груди, Эвон сидела около высохшего дуба, трещащего от каждого порыва ветра. Тонкие ветки, будто пальцы чудищ из детских кошмаров, тянулись в небо, прося утешения. За нашими спинами начинался лес, обросший мхом и паутиной. Туман опустился на остров, укутывая влажным одеялом мороси и восточного ветра. Вдалеке мелькали светящиеся очертания душ, пытаюсь прорваться сквозь

смог.

— Разве они мало потеряли? — прошептала Эвон.

Ее короткие волосы растрепались и торчали во все стороны, а сияние поглотила мгла. Девушка, как никогда, была так похожа на живую. В ней было столько невыплаканных слез, невысказанной боли, которую просто некуда было девать. Напускная бравада и сияющая улыбка оказались маской, прячущей шестнадцатилетнюю запуганную француженку. Смерть не принесла покой, а лишила всего.

— Я даже не знаю, завидую я им или жалею. У меня есть жизнь, есть ты, но я так многого лишилась. А у них есть вечный сон, идеальное место, где каждый счастлив по-своему. Как думаешь, что им снится?

Я всем сердцем желала, чтобы это прекратилось. Новости, приносящие только боль, разрушающие нас обеих изнутри. Столько всего было пережито, выстрадано, отвоевано, но трудности не хотели кончаться. С каждым разом становилось все сложнее отличать правду от лжи, хороших от плохих, друзей от врагов. Каждая маска хранила секрет, оголяющий истинные чувства, и приоткрытая завеса больно жалила увидевшего нечто, не предназначенное для его глаз.

Молчание заполняли звуки ночи. Отголоски чужих разговоров, шепот леса, завывание ветра и дробь дождя. Я лежала, укутавшись в плащ, и смотрела ввысь, представляя звезды. Руки сами потянулись к телефону. Свет экрана резанул по глазам, привыкшим к сумеркам, и я поморщилась, пролистывая список номеров в поисках необходимого.

Длинные, безликие гудки, доносящиеся из трубки, напомнили о времени одиночества и непонимания на острове в первые годы. Когда одноклассники бежали прочь, как от прокаженной, и взрослые шептались за спиной, осуждая, а я, маленькая и жизнерадостная, никак не могла взять в толк, отчего все вокруг так боятся меня.

— С добрым утром, о прекраснейшая дева.

В уголках глаз собрались слезы, и по телу прошла дрожь. Как мне не хватало этого задорного веселого голоса и теплоты в словах собеседника.

— И вам не хворать.

— Ты там что, реवेशь что ль, Айви?

И как Айзеку удавалось всегда угадывать мое настроение, даже находясь за тысячи километров от меня? Я растерла рукавом слезы по щекам и улыбнулась собственным мыслям. Прикрыв глаза, я слушала сонное дыхание друга, и это успокаивало. Дикое сердцебиение постепенно выравнивалось, и паника отступила. Торнадо вопросов, ворвавшихся в мою голову, в мгновение ока рассеялось, и на землю оседала пожелтевшая листва наступившей в душе осени, притрушенной градом и согретая солнечными лучами, прорвавшимися сквозь тьму.

— Мне так сильно вас не хватает... — пробормотала я, не надеясь, что собеседник услышит.

Деньги со счета стремительно утекали, отсчитывая драгоценные секунды разговора с другом, и я застыла в ожидании, когда звонок оборвется, вернув меня в реальность.

— Возвращайся скорее, — последовал едва различимый ответ.

Два выдоха, и телефон сообщил, что разговор прерван из-за нехватки средств. Рука обессиленно упала на землю, зарываясь пальцами во влажную землю. Слова, которые я желала услышать, прорвали плотину, которую я так тщательно выстраивала изо дня в день, находясь на острове, стараясь отгородиться от жизни в Гринвилле. Каждое по крупице

собранное воспоминание усилием воли заталкивалось куда-то за стену, на которую я пыталась даже не смотреть, не то, чтобы говорить о ней.

В один из последних июльских вечеров я поняла, что не одинока, и никогда таковой не буду. Пускай не на острове, не в мире себе подобных, но в ином, красочном и солнечном городе. Там мне всегда найдется место, сколько бы я ни натворила зла. В то мгновение я по-настоящему обрела место, куда мне действительно хотелось возвращаться вновь и вновь.

— ... а потом нам вынесли огромную пепперони, и я подумала, что это просто не может быть правдой, — София подкрепляла свою эмоциональную речь резкими взмахами рук, от чего Натсуме невольно вздрагивал. В его глазах читалась паника, ведь подруга уж больно разошлась, и могла ненароком зацепить парня, наградив парой-тройкой синяков. — Нет, ну подумайте, такое строгое отношение на протяжении всего семестра, и под конец в ней щедрость разыгралась. Ксения никогда не казалась мне добродушной и веселой женщиной, но вчера она определенно заработала несколько очков в моих глазах.

Сентябрь уже наступал на пятки лету, что остро ощущалось на острове. Влажность становилась все больше, а туман постепенно сгущался, превращаясь в вязкую мглу, насмешливо запутывая мортов в своем лабиринте. Последние дни перед распределением тянулись будто месяцы, и меня давила зависть. Все классы, кроме учеников миссис Хоффман, несколько раз успели посетить внешний мир, а мы с Хибики все корпели над учебниками до поседения. Казалось, Эбигейл хотела передать нам какое-то тайное знание, секрет, хранящийся в книгах, но исписанные моритом страницы мертво глядели на меня пустыми буквами и стойко молчали.

Рассказы Софии о Европе были переполнены подробностей и пестрых красок. Там, за туманной чертой острова, меня ждал необъятный мир, к которому не давали прикоснуться или хотя бы краем глаза взглянуть. Друзья шагали улицами древней Флоренции, изучая психологию людей, смотрели на них с высот Эйфелевой Башни, танцевали, разодетые в костюмы, на карнавалах в Бразилии, а мне дверь к красотам Земли была закрыта на тысячи замков.

— Только свезло же мне разделить один дар с Блаской. Она меня из себя выводит. Так и хочется приложить ей раз-другой, чтобы отстала, ибо скоро она с ума меня сведет, — протянула София, растягиваясь на кровати.

Едва ли не первый выходной за все лето, когда нашей троице удалось собраться вместе и поделиться впечатлениями о произошедшем за семестр. Я сидела на полу, укутавшись в плед, и думала, что через год мы уже не будем такими, как прежде. Предстоящий выпускной экзамен наложит свой отпечаток на каждого. Я видела, какими становились морты, стоило им получить распределение в ту или иную страну. В них появлялась некая жестокость, присущая и моей семье, которую я не понимала. Быть может, так влияла на них катастрофа, свидетелями которой они становились, а, может, это всего лишь было частью взросления, которой я желала избежать. Меня пугала сама мысль о черствости, ожидающей своего часа, чтобы завладеть моим сердцем, и поселившейся на задворках разума расчетливости и безоговорочной преданности своему народу.

Я видела мир иначе. Как я могла предать свою семью, сдать на растерзание Сенату кого-то, кого люблю? Как сумела бы без зазрений совести обречь друга на заключение или смерть? Это было выше моих сил, выше моего понимания. Крошечная частичка человеческой души, принесенная в дар всем Эновисон, всячески противилась и напоминала о теплоте окружающих, что я не заслужила. Я не имела права отплатить холодностью и безразличием.

— Хибики говорила, вы все время проводите в классе. Разве вам не интересно увидеть мир? — Натсуме нахмурился, и на его лбу пролегла морщинка.

Белые глаза парня в сумерках комнаты выглядели немного пугающе, но напоминали о его связи с сестрой, что незримой нитью тянулась сквозь километры. Обрывки мыслей, отголоски чувств просачивались через связь от девушки к юноше, и Натсуме делил с ней часть ее безумия, оберегая сестру. Они чувствовали друг друга, смотрели на мир двумя парами общих глаз. Сердца стучали в унисон, и боль делилась надвое. Крепко связанные, близнецы были обречены навечно хранить покой друг друга, по очереди вбирая тьму в себя.

— Первая же попытка взбунтоваться пресеклась, не успев толком начаться. Миссис Хоффман сказала, что нам важнее уяснить природу душ, разобраться в своем даре и научиться находить нужных людей в толпе. Мы с Хибики отчетливее ощущаем приближение гибели, и можем отличить по ощущениям разницу между естественной смертью и насильственной. Только вот как это проверить, не имея практики?

Эбигейл рассказала нам о системе поиска умерших. Учеными были созданы спутники, улавливающие волны, исходящие от людей, которые в скором времени должны были попрощаться с жизнью, и фиксировали их на карте. После в течении 24 часов морты собирали души на закрепленной за ними территории и доставляли в Хранилище. Изо дня в день бесконечная работа, требующая не только скорости, но и аккуратности. Неправильно извлеченные души рассыпались пылью и, смешиваясь с ветром, растворялись в воздухе. Миллиарды людей дышали осколками мертвых звезд, даже не подозревая об этом.

Ноги нещадно мерзли, и даже теплые носки с рождественским принтом не спасали от холода. Воспоминания о давно забытом солнечном лете напомнили о себе, и на душе сделалось тоскливо, что хоть волком вой. Я устала от серого мира, от слякоти, влаги и дурацкого тумана, забирающегося не только под одежду, но и под кожу, в самую глубь. Своей вязкой тьмой он крался к стеллажам, заполненным баночками с воспоминаниями, и пытался просочиться внутрь, заполнить каждый сантиметр моего сознания собой, утопить. Я стойко держала оборону и надеялась, что хватит сил противостоять своей природе и не поддаться мгле.

Эвон сидела рядом, ее голова покоилась на моем плече. Девушка шепотом напевала себе под нос какую-то французскую песенку, и я не могла разобрать слов. Ее руки светились блеклым голубым светом, и я знала, что душа преисполнена покоя. Все тревоги отпустили ее. Невольно я улыбнулась, радуясь переменам.

— Предлагаю выпить кофе, — София подорвалась с кровати и бодро зашагала прочь из комнаты.

Натсуме пожал плечами и засеменил за ней, оставляя меня наедине с Эвон. Девушка подняла голову и посмотрела на меня. Впервые я видела ее глаза так четко, что практически могла разглядеть их былой цвет, но он то и дело ускользал от меня. Мягкое голубое свечение обьяло подругу, прорываясь сквозь полумрак комнаты.

— Как думаешь, скоро наступит день, когда вы больше не сможете так просто сидеть вместе и болтать обо всем подряд, распивая кофе?

Я опустила взгляд. Эвон удалось озвучить мои собственные мысли, облачив в слова, и внутри все похолодело от осознания, что это могло стать последней возможностью насладиться компанией друзей в уютной обстановке. Отчего-то пришло чувство потери, словно я уже утратила с ними связь. Отчасти, так оно и было, ведь я нагроулила на наш корабль дружбы столько лжи и тайн, что он вот-вот готов был пойти ко дну, выпуская в небо пушечную дробь. Совесть уже вопила об ошибочности моих поступков, но я не могла вывалить на друзей все наболевшее. Выстрадавшая свобода, пусть и частичная,

издательства Гюнтера и его безумное помешательство, которому я никак не могла найти объяснения, глупые склоки с бабушкой, в которой я временами видела отголоски сломленной веками ранее девушки, — все это должно было остаться при мне, похоронено на кладбище ненужных воспоминаний. Так было проще, так было правильно.

— Мне жаль, но скоро ты потеряешь их. Не по своей вине, — Эвон сжала мою руку. — Мортем отберет их у тебя. Уже отбирает. Может, никто не хочет этого признавать, но в тебе тоже живет мертвая звезда, как и в людях, и скоро ее свет начнет слепить всех, кто близок тебе. Ты должна отпустить их сейчас, пока их уход не разорвал твое сердце на тысячи кусочков.

— Но они ведь приняли меня, — всхлипнула я, закусывая дрожащую губу. — Приняли тогда. Что изменилось?

— Ничего. Просто пришло время взрослеть и делать выбор. К сожалению, их выбор давно сделан, и он не в твою пользу. Мортем всегда побеждает. Твой дар уберег тебя от подобной участи, и будет беречь, если не сведет с ума, как Хибики. Их же ты уберечь не сможешь.

— Откуда ты знаешь, что случится? — голос дрожал от злости и обиды.

Эвон пожала плечами, и ее губ коснулась сожалеющая улыбка.

— Пусть я мертва, мои глаза все еще видят. Быть может, ты не замечаешь, что происходит, но мне все стало ясно в день Суда. После экзамена крупницы человеческих эмоций в них погибли, а твои зацветут. Вы просто не сможете видеть мир одинаково.

Послышались громкие шаги, и на пороге комнаты показалась запыхавшаяся София. Ее волосы растрепались, и пара прядей выпала из небрежного пучка на макушке. Щеки девушки горели румянцем. Из-за ее спины выглядывала девчушка лет десяти с длинными косичками. Зеленый свет, исходящий от нее, падал на лицо подруги. К глазам подступили слезы, и я едва сдерживалась, чтобы не зарыдать. Она спасла меня от одиночества, от участи изгоя, разделила мою странность. Почему я должна была ее потерять?

— Ты идешь? Кофе скоро остынет.

Я улыбнулась, и из уголка левого глаза по щеке поползла соленой дорожкой слеза. Растерев ее рукавом, я поднялась на ноги.

— Конечно. Положи мне побольше зефира в чашку.

Хибики уже сидела в классе, когда я пришла, и разговаривала с Беном. Мужчина невольно бросил взгляд на меня и кивнул. Губы дрогнули в улыбке, но я так и не сумела заставить себя искренне изобразить радость. Сказанное Эвон тяготило меня, не давая освободиться от навязчивой мысли о том, что я просто не замечала перемен в друзьях, что была видна всем вокруг. Даже совместная ночевка не смогла разогнать тучи сомнений, нависшие надо мной. Приближалась гроза, и я не была к ней готовой.

Я умостила за столом, прислонившись спиной к стене, и вытянула ноги вдоль лавочки. На ботинках блестели дождевые капли. Накинув капюшон на голову, я прикрыла глаза и откинулась назад, уминаясь как можно удобнее. Руки непроизвольно дрожали от холода, и я не могла их согреть, сколько бы ни пыталась. Взгляд Хибики в мою сторону был почти осязаем и почему-то вызывал раздражение. Я упорно старалась не думать ни о чем, сминая каждую новую мысль и выбрасывая прочь, опустошая голову.

Миссис Хоффман опаздывала. Часы надоедливо тикали, отмеряя секунды. Я отбивала пальцем ритм в такт стрелкам, плывя по течению безразличия. Где-то вдалеке слышался

задорный смех, ветер завывал за окнами, в соседнем кабинете оживленно спорили двое мертвых. С каждым новым мгновением все вокруг меня менялось, двигалось, набирало обороты, а я застыла вне времени, практически неподвижная и пустая.

Внезапно наступившую тишину разорвал стук каблучков по каменному полу. Эбигейл ворвалась в класс с горящими глазами и светящейся улыбкой. Следом за ней практически неслышно в помещение скользнули Тени. Облаченные в черные плащи, обшитые серебряными нитями, и скрывающие лица за масками, они держались по обе стороны от миссис Хоффман и, будто призраки, следовали за ней по пятам. Кровь в жилах начала леденеть, и я неотрывно следила за каждым движением незнакомцев, ожидая нападения. Мышцы напряглись, приготовившись бежать, и я судорожно пыталась отыскать верный путь к отступлению в случае рухнувшей на голову опасности.

Миссис Хоффман перевела взгляд с перепуганной Хибики на меня, и на мгновение замерла. Резко обернувшись, она стянула капюшоны с пары, находящейся ближе к ней.

— Вам обязательно до смерти всех запугивать? — женщина недовольно сложила руки на груди и уставилась на фигуры в масках. Ее плечи слегка подрагивали. Миниатюрная Эбигейл выглядела на фоне Теней хрупкой и незащищенной, но, по-видимому, имела большую власть. — Или это часть посвящения в отряд Теней? Олберт, разве я так тебя воспитывала? Готова поспорить, это была твоя идея.

Тень, стоящая позади, сняла с головы капюшон, и по ее плечам рассыпались волнистые черные волосы. Девушка сорвала маску с лица и лучезарно улыбнулась.

— Ну, мам, — протянула Олберт, — ты портишь все веселье. В чем толк быть Тенью, если меня никто не боится?

Миссис Хоффман вздохнула и потерла переносицу.

— Я воспитала монстра. То, что ты умеешь забираться мертвым в головы, не значит, что ты имеешь права бездумно разбрасываться даром и запугивать всех подряд. Вас должны уважать. Вы не наемники, а стражи закона. Чему вас только учат?

Остальные Тени последовали примеру девушки и сняли маски, давая разглядеть свои лица. Одно из них было мне знакомо. Глен кивнул мне, едва наклонив голову, и я ответила ему тем же. Двоих других я ранее не видела. Лицо одного из них вдоль правой щеки, задевая глаз, рассекал шрам. Это могло значить только одно — парень нарвался на кого-то с оружием против мертвых. Только янтарный пепел мог помешать заживлению раны без последствий. Второй парень был пониже, но шире в плечах. Он насмешливо смотрел на Хибики. Стекланный взгляд девушки был направлен куда-то не в наш мир, и я мечтала оказаться на ее месте, будучи запертой в собственном сознании.

— Девочки, — Эбигейл повернулась к нам, и ее губы вновь расплылись в улыбке, — я сегодня с хорошими новостями. Сенат одобрил одно небольшое путешествие за пределы острова. Я хочу показать вам кое-что особенное. Думаю, вы слышали о колонии тех, кто не сдал выпускной экзамен Академии. Никто, кроме Древних и учителей Академии, не знает где она находится, но раз в несколько лет одному из классов позволяют посетить ее. Так как вы весь семестр провели на острове, в этом году такая честь выпала классу Эновисон. Сенат выделил нам в сопровождение будущих Теней, которые еще не сдали экзамен, но зарекомендовали себя с лучшей стороны. Знакомьтесь. Моя дочь Олберт, Глен, Тэймар и Збигнев.

Широкоплечий, Тэймар, подмигнул мне. Я отвела взгляд и принялась рассматривать свои пальцы. Вопросы, которые я так хотела задать Глену, вылетели из головы, и среди всего

остался лишь один: «Почему ты избегал меня все это время?». Я боялась заглянуть в его некогда теплые карие глаза и увидеть там только покрывающегося инеем изнутри морта, которому больше не было никакого дела до бед окружающих. Быть может, я все еще надеялась, что ему никогда не стать таким, как остальные Тени.

— Поднимаемся, поднимаемся, впереди нелегкая дорога на другой конец мира. И пусть страна пока что останется для вас секретом, — миссис Хоффман подмигнула и выпорхнула из кабинета.

Я неторопливо поднялась с лавочки и направилась вслед за женщиной, искоса поглядывая на незнакомцев, которых снарядили нам в провожатых. Я ощущала явственную угрозу, исходящую от угрюмого Збигнева, и искренне надеялась, что мне никогда не придется остаться с ним наедине.

— Меня этот взгляд пугает до дрожи, — прошептала Эвон, обхватывая мою руку и прижимаясь ближе.

Вот бы все ограничилось только взглядом...

Эбигейл накинула плащ и обернулась, оглядев нас с Хибики. Японка все еще витала где-то далеко в мыслях, но постепенно в ее глазах начинали тлеть угольки осознания реальности. Пальцы ее правой руки забавно дергались, будто девушка играла на невидимом фортепиано.

— Не отставайте! — крикнула миссис Хоффман и сорвалась с места.

Я завязала волосы в тугий хвост на затылке и накинула капюшон на голову. Бросив беглый взгляд на Эвон, я улыбнулась едва заметно уголком губ.

— Догоняйте, крошки. Кто первый доберется до пункта назначения? — Тэймар хрустнул костяшками пальцев и последовал за женщиной.

Оттолкнувшись от земли, я побежала. Через несколько мгновений, показавшихся мне вечностью, туман рассеялся, и на лицо упали теплые солнечные лучи. Я, наконец, вырвалась из лап хищника и с головой окунулась в пестрящий красками мир.

Всплеск воды. Блики солнечных лучей. Теплая рыхлая земля. Шелест листьев. Визг шин, гудки автомобилей. Гомон проноссящихся мимо людей, обрывки слов и мыслей, сменяющие друг друга. Вихрь жизни, мгновенно захвативший меня, переполнил легкие воздухом, а сердце — чувствами. За моей спиной распахнулись крылья и понесли вперед, за горизонт, навстречу небу. Я гналась наперегонки с ветром и выигрывала, обманывая законы физики. Внутри все ликовало, горело и наполняло тело сладостной дрожью. Растворяясь в потоке жизни вокруг, сливаясь с мгновением в единое целое, я стала временем, бесконечным и непрерывным. Острова сменялись материком, Азия Европой, и мы постепенно приближались к месту назначения.

Мне хотелось замереть хотя бы на пару секунд, рассмотреть лицо прохожего, едва не налетевшего на фонарный столб, витрину одного из французских бутиков, щенят, гоняющих среди кукурузного поля, вдохнуть запах свежей выпечки или едва распустившихся бутонов. В спину мне дышал Збигнев, и я не решалась даже обернуться. Он чувствовал мой страх, сверля нахмуренным взглядом, и несясь вперед, рассекая воздух. Парень не пытался забраться в мою голову, лишь бежал следом, сметая следы моего пребывания в различных точках мира и заменяя собственными.

Хибики отставала. Я потеряла ее из виду, едва сорвалась с места еще на острове, и все никак не могла отыскать глазами. Я боялась, что девушка вновь затерялась в тоннеле, который соединял реальный мир с вымышленным, и что кому-то из наших проводников пришлось тащить ее за собой, окончательно запугивая японку. Ее стекленеющий взгляд при виде опасности не предвещал ничего хорошего. Как же хотелось верить, что однажды ей встретится хороший парень, способный навсегда вернуть Хибики в действительность, или уберечь от всех невзгод, охраняя ее покой.

Ступая на омытую океаном землю Исландии, я в очередной раз затаила дыхание, надеясь, что миссис Хоффман остановится. Женщина опережала меня совсем немного, и, стоило ей замедлить бег, переходя на человеческий шаг, как я тут же притормозила, едва не врезавшись в Тэймара.

— Полегче, детка, — парень удержал меня, помогая не упасть.

Кивнув в знак благодарности, я поспешила отойти как можно дальше. Пусть Збигнев пугал меня до дрожи в коленках, Тэймар казался слишком уж беспечным, чтобы на самом деле быть таковым. Он единственный держался свободно и раскрепощенно, желая взаимодействия с нами. Это вовсе не походило на поведение Теней, к которому я привыкла, и настораживало. Я не знала, чего можно ожидать, и от того сторонилась его.

Когда Хибики опустилась на камень рядом со мной, тяжело дыша, я вздохнула с облегчением. Ее не притащили за руку, а, значит, девушка все же сумела преодолеть ступор и добраться самостоятельно. Олберт бросила в ее сторону надменный взгляд и фыркнула.

Элитный отряд Теней, созданный Древними для защиты мертвых, внушал страх всем жителям острова, и это определенно нравилось им. Тесефи, вступившие в отряд, слыли безжалостными и самовлюбленными, считая себя лучше других и смотря свысока на всех вокруг, кроме Сената. Такие, как мы, вызывали лишь усмешку и недоумение, ведь дар Эновисон считался не только самым редким, но и порядком бесполезным даром, ведь мы не могли дать ничего полезного своему народу.

Когда последний из нашей маленькой компании замедлил шаг и примостился на траве, Эбигейл велела завязать нам с Хибики глаза.

— Дальше мы проведем вас сами. Достаточно того, что вы обе знаете, что колония находится в Исландии. Надеюсь, с этим не возникнет проблем. О вас позаботятся.

Ее ободряющая улыбка не смогла успокоить мое сердце, внезапно возжелавшее вырваться из грудной клетки. Глаз коснулась ткань, и мир утонул во тьме, а волосы неприятно сжало повязкой. Несколько волосков попали в узел и натянулись, причиняя боль. Я поморщилась, но промолчала. Всего пара мгновений, и я окажусь в месте, о котором мало кому известно, и вырванные волосы или необходимость соприкоснуться с кем-то из Теней стоили знания, что вот-вот должно было мне открыться.

Руки коснулись теплые пальцы, легонько сжимая мою ладонь. Глен ободряюще провел большим пальцем по моему запястью, успокаивая, и я отдалась ощущениям. Его прикосновения были полны нежности и заботы, будто парень боялся навредить мне, испугать. Я позволила проникнуть крошечным теплым лучикам в свое сердце, надежде, что он не обидит меня, что ему можно доверять, пусть он и пытался стать одним из тех, кого я считала врагами.

Подхватив меня на руки, Глен побежал. Я чувствовала, как напряглись его мышцы, чувствовала быстрое биение сердца и боялась дышать, только бы с ним ничего не произошло. Казалось, прошла вечность прежде, чем парень бережно опустил меня на землю и стянул повязку с лица. Свет ослепил меня. Я зажмурилась, позволяя глазам привыкнуть, и прислушалась.

Вокруг царило спокойствие. Птицы пели свои утренние песни. Ночь, царящая на острове, осветилась солнцем, чего я ранее никогда не встречала. Мир переливался красками и звуками, и, распахнув глаза, я заморожено замерла, рассматривая пейзаж, открывшийся пред взором. Мы стояли посреди зеленого луга. Я вдыхала запах влажной травы, мечтая запустить в нее руки. Неподалеку раскинулся небольшой поселок. Деревянные домики выглядывали из земли, словно были частью всего пейзажа со времен рождения Земли. К ним с разных сторон жались деревья, размахивая ветками и стучась в окна, призывая обитателей проснуться. А за поселком возвышались горы с заснеженными верхушками, утопающими в тумане. Солнце, пришитое к небосводу, бросало лучи на озеро, затерявшееся среди домов, и дикие лошади склонились к воде, утоляя жажду. Крошечная вселенная, в которой сплелись воедино цивилизация и природа.

— Нас не ждали так рано, и все еще спят, — миссис Хоффман скинула плащ с плеч и повесила на ветку одного из деревьев неподалеку. — Вы можете осмотреться, пока жители страны Оз не проснулись. А я должна наведаться в одно местечко.

Женщина одарила нас улыбкой и, прихватив с собой дочь, унеслась в неизвестном направлении.

— Смотрите, крошки, — насмешливо протянул Тэймар. — Быть может, через год это место станет вашим домом.

Прислонившись к одному из деревьев, я вгрызлась зубами в яблоко. Сок брызнул, заполняя рот, и я прикрыла глаза, наслаждаясь вкусом. Эвон забралась на ветку и сидела, покачиваясь из стороны в сторону. Душа насвистывала под нос задорную мелодию, и я качала головой ей в такт. Теплота и покой разлились по венам, словно расплавленные солнечные лучи. Сладкое яблоко и ветер в волосах сделали свое дело: я чувствовала себя как

дома.

Поселок медленно просыпался. Из домиков выползали морты, подставляя лица солнцу, и улыбаясь друг другу, желали хорошего дня. Женщины, наряженные в милые пастушьи платья, кружили с ведрами, набирая воду из колодцев и возвращаясь в домики. Было в этом нечто волшебное, о чем я читала в книгах. Словно страна хоббитов из историй Толкиена, Крыши, поросшие мхом, каменные заборчики и яблоневые деревья. Уютная страна для непринятых, где царили мир и добро, которых так не хватало на острове.

На улицы высыпали детишки, задорно смеясь. Один из мальчишек тащил за собой по земле палку. Другой сорвал с волос девочки ленточку и, показав язык, унесся с ней, оставляя малышку рыдать. Шум, веселье и жизнь, полные радости крохи, которые еще не знали ужасов острова, не были частью Мортема. Мне хотелось, чтобы им никогда не пришлось покидать солнечную страну с пряничными домиками и бескрайним небом над головой.

— Тебе здесь нравится? — рядом со мной опустился Глен.

Его собранные ранее в хвост волосы растрепал ветер, втянув в игру. Под глазами парня виднелись черные синяки, словно тот долгое время бодрствовал без отдыха, а былая теплота во взгляде постепенно тухла. Все меньше в нем угадывался морт, с которым я познакомилась в библиотеке. Будто бы парень остался тем же, но я видела изменения, чувствовала их, и, приведший меня на остров, был незнакомцем, которого еще предстояло узнать.

Я едва заметно кивнула, переводя взгляд на горы. Облака лениво плыли по небу, цепляясь за их верхушки, и будто оставляя снежную часть себя там, неся дальше лишь впитанное солнечное тепло.

— Ты изменился, — пробормотала я.

— Все меняются. Я не исключение, как и ты, — парень распластался на траве. Он выглядел измученным, потрепанным жизнью. — В тебе тоже нечто надломилось.

— Ты это определил, забравшись мне в голову? — насмешливо спросила я.

Я думала, парень усмехнется, но на его лице не проскочило ни тени улыбки. Глен нахмурился и перевел взгляд на небо. Я рассматривала его, не стесняясь, не боясь быть уличенной.

— Не нужно забираться в твою голову, чтобы понять, что ты изменилась. Это читается в твоих глазах. Ты слишком рада вырваться из рутины, сбежать из острова. Что-то тенью преследует тебя, и, готов поспорить, ты не захочешь возвращаться, пусть через несколько дней и отправишься домой. Ты даже дышишь здесь иначе. Там, на острове, ты хватала воздух, словно задыхаясь, словно боясь подцепить какой-то вирус, которым больны все мы. Осторожно, судорожно, рывками. Ты никогда не дышала глубоко, будто туман забьется в легкие и задушит изнутри. Здесь ты другая. Ты не боишься, не бежишь. Наслаждаешься каждым вдохом, каждым мгновением.

Я удивленно смотрела на парня, не веря его словам. Как можно дышать иначе? Я готова была отмахнуться от его слов, если бы не видела, что он действительно думал над каждым словом, что срывалось с его губ. Глен был уверен в том, о чем говорил, и мои сомнения улетучились, развеялись на ветру.

— Я не буду спрашивать, в чем дело. Не думаю, что ты расскажешь, — парень перевел взгляд на меня, и по спине побежали мурашки. Я не могла опустить глаза, перестать смотреть на него. Будто замороженная, я следила за каждым словом, за каждым движением. — Но, Айви... Не забывай, кто твой друг, а кто враг.

— Ребятки, поднимайте свои попки, — задорный голос Олберт разрушил все

волшебство. Я спрятала взгляд, выбросив разом все мысли. — Идем знакомиться с новыми друзьями. Нас пообещали накормить вкусным завтраком.

Я поднялась на ноги и зашагала в сторону домика, на который указала девушка. Эвон поспешила за мной. Отойдя на несколько метров, я услышала тихий шепот:

— Что ты сказал ей?

Не дожидаясь ответа, я ускорила шаг. В то мгновение я не хотела знать, что сказал Глен. Он застрял где-то между тем, кому я хотела доверять, и тем, кого стоило бояться, и сказанное могло окончательно внести ясность в происходящее, но я испугалась, что ответ мне не понравится, и сбежала. Так я не обязана была выбирать.

В небольшом домике меня ждал накрытый стол, стакан коровьего молока и дружественная компания. Мистер и миссис Морец оказались приятными собеседниками, а их сын Киген, которому едва исполнилось восемь, трещал без умолку о времени, когда его возьмут в Академию Джулианы Томпсон. Я хотела закричать, чтобы мальчик никогда не покидал родных краев, но тот был так воодушевлен, что я одернула себя, не позволив словам вырваться наружу. Я видела во взгляде его родителей ту же боль, что переживала сама, но они улыбались и делали вид, что счастливы за сына.

Тени остались за пределами домика, предпочитая не ввязываться в светские беседы, и оставив семейство Морец одаривать нас гостеприимством. Миссис Хоффман следила за каждым словом, сказанным за столом, словно коршун. Я чувствовала, что они все скрывали тайну, знать которую нам с Хибики было не положено. Даже находясь вдалеке от влияния Сената я ощущала его длинную руку, покоящуюся на шеях жителей деревни. Она ожидала мгновения, когда можно будет сдавить пальцы, убивая неугодных граждан. Провалив экзамен и будучи сосланным в Исландию, каждый в поселке оставался частью Мортема и должен был следовать четырем законам.

Я то и дело поглядывала на Хибики. Девушка потеряно ковырялась вилкой в тарелке, так и не притронувшись к еде, и бормотала что-то под нос. Бен гладил ее по голове, шепча на ухо ободряющие слова, разобрать которые я не могла, но на японку это не действовало. Стеклянным взглядом она сверлила столешницу, и я видела, как дрожали ее руки. Что-то определенно было не так. И Тени не имели никакого отношения к происходящему.

— Айви, — окликнула меня Эбигейл, привлекая внимание. Я оторвалась от оценивания состояния Хибики и перевела взгляд на женщину. — Может, ты хочешь что-нибудь спросить?

Я перехватила взгляд миссис Морец, в котором проскользнула паника, умело скрытая уже через мгновение. О чем я могла спросить, что не вызвало бы никаких подозрений? Где начинались рамки, за которые жители колонии не имели права выходить? Как много скрывал Сенат и для чего на самом деле к нам приставили Теней?

Я прожевала картофелину и запила ее молоком.

— Вам нравится здесь? Ну, то есть, почему колонию не сделали в каком-то городе? Почему именно луг и горы?

Мистер Морец тепло улыбнулся.

— Я люблю это место. Конечно, вряд ли кто из муртов мечтает оказаться здесь, но мы счастливы. Здесь наш дом, наше место. Я рошу сына и, надеюсь, когда-нибудь он станет полноценным членом нашего общества. У меня есть работа, жена, дом. Чего еще можно желать?

Я чувствовала, что мужчина говорил искренне. Каждое его слово было пропитано любовью к этому месту и желанием уберечь себя и свою семью от любой беды. Пусть он не смог стать тем, кем был рожден, он стал счастлив в месте, далеком от мрака и тьмы.

Звон лопнувшего стакана напугал меня. Я резко обернулась. Хибики подорвалась с места и сжимала в руке осколки. Ее потерянный взгляд в панике блуждал, не найдя, за что бы зацепиться.

— Неправильно! Это все неправильно, — кричала она. — Неправильно!

— Милая, что с тобой? — миссис Хоффман отложила столовые приборы и попыталась приблизиться к девушке.

Хибики взревела и кинулась в угол, будто бы стараясь вжаться в стену. Ее глаза закатились, словно при приступе. По руке стекала кровь и капала на пол, но девушка не замечала этого.

— Все не должно быть так. Куда они делись? Что *вы* с ними сделали?!

Стоило миссис Хоффман сделать шаг в сторону, как Хибики сорвалась с места и вылетела прочь из домика. Дверь ударилась о стену, издав глухой звук, и супруги Морец дернулись от неожиданности. Они со страхом переглядывались, боясь сказать хоть слово, сделать что-то лишнее.

— Прошу прощения. Я должна найти свою ученицу прежде, чем с ней что-то случится, — губы Эбигейл дернулись в нервной усмешке. — Спасибо за вкусный завтрак. Айви, — женщина многозначительно посмотрела на меня.

Конечно, я не имела права оставаться в доме без ее присутствия. Секреты тянулись плохо пахнущим шлейфом за Сенатом, оседая в местах, куда он дотянулся своей властной рукой. Во мне все больше росли сомнения в безоговорочной преданности Древним. Слишком много тайн и нестыковок, запуганных мортов и пропущенных через мясорубку сознаний, чтобы продолжать слепо следовать правилам.

— Спасибо вам, — я кивнула хозяевам и вслед за миссис Хоффман покинула дом.

Хибики мы нашли на окраине поселка. Девушка сидела на корточках и вырывала травинки из земли по одной, складывая их в кучку. Рана на ее ладони постепенно затягивалась. Японка раскачивалась из стороны в сторону и приговаривала, что все неправильно, все не так.

— Что случилось? — я присела рядом с ней и дотронулась ее руки.

Девушка взяла мои руки в свои и сложила лодочкой, подняла вырванные травинки и переложила в мои ладони, не отводя взгляда от земли. После вновь принялась ковыряться пальцами в земле, выскивая что-то.

— Хибики, что не так? Что неправильно?

Но девушка упорно игнорировала мои слова, погруженная в свои мысли. Она выкапывала ямку руками. Грязь забилась под ногти, но та все продолжала рыть, собирая землю неподалеку от углубления.

— Здесь нет душ, — ответил за японку Бенджамин. Мужчина сидел рядом, поглаживая девушку по спине. Его вовсе не беспокоило происходящее. — Здесь слишком много мортов, но нет ни одной души. Хибики просто испугалась. Она не понимает, куда они делись, ведь все души должны быть рядом с теми, к кому привязаны.

— К тем, кто не сдал экзамен, души не привязаны.

Слова миссис Хоффман оглушили меня. Я подняла на нее непонимающий взгляд в надежде, что услышанное было шуткой. Но женщина не улыбалась. Из сигареты, зажатой

между ее пальцев, струился дым. Над нами постепенно темнело небо, закрытое нависшими грозowymi тучами, готовыми разразиться дождем.

— Как это?.. — я запнулась, неспособная закончить фразу.

— Если морт не сдает экзамен, он лишается души. Все просто. Зачем душа тому, кто не умеет ее извлекать?

Прежде, чем мы успели еще хоть что-то узнать, нам на глаза нацепили повязки и утащили из поселка. Збигнев перекинул Хибики через плечо и убежал первым. Девушка все еще находилась в прострации, чему я глубоко в душе была рада, ведь она испугалась бы, будь в сознании. Как только мои глаза заволокло тьмой, Глен подхватил меня на руки и понесся прочь, уводя как можно дальше от секретов.

Я не слышала ни рева машин, ни голосов, ничего. Лишь всплески воды. Миссис Хоффман решила не рисковать и выбрала безопасный путь океаном, где не с чем было сталкиваться. Я прижималась ближе к Глену, ища защиты, не желая понимать, что он так же, как и все остальные, представлял опасность, храня тайны. Это было выше моих сил.

Когда мы добрались до острова, Глен опустил меня на мокрый песок. Я тут же сорвала повязку с глаз и бросила ее в океан. Злость и растерянность сплелись воедино, приводя меня в замешательство. Я было раскрыла рот, чтобы спросить парня о происходящем, но одернула себя. Он не расскажет. Даже если захочет, а о таком повороте событий не могло быть и речи, все равно не предаст свой народ, не предаст Сенат. Не ради любопытной запутавшейся девчонки.

— Я могу остаться здесь ненадолго? — спросила я миссис Хоффман прежде, чем она скрылась в лесу.

Женщина устало посмотрела на меня. Я видела борьбу внутри нее, многолетнюю и нескончаемую борьбу, в которой все никак не мог определиться победитель. Борьбу, которая измотала ее настолько, что Эбигейл больше не различала правильность сторон.

— К полуночи ты должна вернуться домой. Я прослежу за этим. А так же за тем, покидала ли ты остров, — вздохнула женщина.

Я не успела ее поблагодарить. Миссис Хоффман скрылась из виду слишком быстро. Я осталась на пляже наедине с Гленом, который, казалось, чего-то ждал. Гневной тирады, истерики, слез. Молча он следил за тем, как я металась из стороны в сторону, оставляя следы на песке, которые тут же смывала вода.

— Я не собираюсь закатывать истерику, если ты поэтому остался, — бросила я, замирая на месте.

Я потерялась и не могла найтись, а он все ждал. Слов, действий, чего угодно, чего я не могла ему дать. Смотрел и ждал.

— Уходи! — крикнула я. — Оставь меня! Зачем ты вообще беспокоишься?

Парень не отвел взгляда. Его волосы вновь стянуло в хвост, придавая резкости его чертам. Мне хотелось зачерпнуть песка и бросить в его идеальное бледное лицо, срывая с него маску спокойствия и уверенности.

— Да что с тобой не так? Убирайся!

Я всхлипнула, убирая волосы с лица, но ветер бросил их обратно, играясь. Над островом сгустился туман, и я мечтала исчезнуть в нем, спрятаться, затеряться. Стать невидимой, неважной. Только бы все вокруг перестало иметь значение. Только бы я перестала иметь значение.

Слезы полились без предупреждения. Просто брызнули из глаз, и я рухнула на колени, измазывая штаны грязью. Плевать! Слишком много всего, чего я не могла понять, не могла принять. Крылья маленькой бабочки трепетавшей внутри надежды оторвали, играясь, и она не могла взлететь, рассыпаясь прахом. Глупо, наивно. Я хотела зарыться в песок, похоронить себя у берега океана и не дышать.

Обхватив себя руками, я пыталась согреть остатки души. Только вот ничего уже не грело. Солнце погасло, забрав с собой тепло, и мне негде было искать утешения.

Мужские руки подняли меня на ноги и оттащили подальше от воды. Я уткнулась носом в широкую грудь, ища защиты, и взвыла раненым зверьком, забитым и загнанным. Глен обнимал меня, прижимал к себе, и целовал мои волосы, а я хваталась за его плащ, сжимала его в ладонях, крича.

Туман спрятал нас от всего мира, от Мортема. Устилая землю, он вырвал из сердца мою печаль, оставив засыпать в руках того, кому я все еще не могла доверять. Лес тихо перешептывался треском веток о двоих, что искали спасения друг в друге, каждый по-своему, но безумно и отчаянно желая быть понятыми.

Последняя неделя на острове далась мне тяжело. Я практически ни с кем не разговаривала, на занятиях постоянно уплывала в свои мысли, теряя нить рассказа преподавателей. Я была переполнена мыслями и невысказанной болью. Я скорбела о мортах, потерявших все, даже свободу, но все еще запуганных, о их истерзанных сердцах и незаживающих ранах. Но мне было не так плохо, как Хибики.

Девушка не смогла вернуться в реальность. Ее остекленевший взгляд и пустое выражение лица никуда не девались. Она сидела, не двигаясь, не ела, казалось, даже не дышала. Отец забрал ее домой, в Японию, чтобы помочь восстановиться, и никто не посмел ему перечить.

Я смотрела на Хибики, и мне становилось страшно. Насколько же сильно увиденное потрясло ее и без того нестабильный разум? Я пыталась расспросить Натсуме, но парень стойко молчал. Я видела, что он понемногу вытягивал из сестры боль и страх, переживая их на себе, но сколько там было тех эмоций, что ему еще предстояло забрать?

Я боялась стать такой же, как и она. Утонуть в своем безумии. Некому было спасти меня. Я осталась один на один в борьбе за собственное сознание, и понятия не имела, кто проигрывал.

В день перераспределения на экзамен трудно было выползти из постели. Необходимость встретиться с друзьями тяготила меня, но я понимала, что должна. София и Натсуме начали отдаляться, но я не хотела вот так разом их отталкивать. Я обманывала себя, говоря, что не нуждалась в друзьях, но сама себе не верила.

В класс я вошла едва не самой последней перед самым началом. София обняла меня, шепча на ухо, что рада меня видеть, и я выдавила из себя улыбку, в которой подруга нуждалась. Натсуме лишь кивнул. Его голова была полна чувств сестры, и я удивлялась, как парню удавалось оставаться вменяемым.

Когда в кабинет вошла Джулиана Томпсон, повисла тишина. Ученики переглядывались, пытаясь определить, с кем и куда придется отправиться через год. Я безразлично таращилась на столешницу, рассматривая узор дерева.

Мисс Томпсон принялась зачитывать списки. Всех поделили на три группы. Одна должна была отправиться в место военного конфликта, вторая — в место эпидемии, третья

— в место природной катастрофы. Однажды я задумалась, по какому принципу распределяли учеников в различные точки мира. Я даже не могла с точностью сказать, какое событие казалось мне страшнее остальных.

— ... Алистор Кэрк, София Хоменко, Эмиль Мирзаян, Гюнтер Шильдкнехт, Айви Блумфилд... — читала мисс Томпсон.

София обеспокоенно посмотрела на меня, но слова директора не произвели никакого эффекта. Быть может, все произошедшее за семестр настолько измотало меня, что, оказавшись в одном списке с Гюнтером, я просто смирилась. Еще неделю назад я бы испугалась, но страх потерять Эвон был куда сильнее вражды с немцем. Я хотела всеми силами удержать душу, не дать ей исчезнуть, ведь я была всем, что у нее осталось.

Стоило огласить списки, как комната заполнилась шумом. Одни радовались, другие переживали. Я же восприняла все как должное, как очередное испытание, которое предстоит преодолеть. Все, что нужно, ради себя, ради Эвон. Ради нас двоих, отныне и навеки. Она единственная, кто будет со мной всю жизнь, не смотря ни на что, и именно это я должна сберечь.

Выходя из класса вместе с друзьями, я натолкнулась на Гюнтера. Он и Бласка что-то обговаривали. Заприметив меня, парень расплылся в насмешливой улыбке.

— Увидимся через год, крольчишка. Не растеряй всю свою прыть, я буду ждать встречи.

Одарив немца равнодушным взглядом, я направилась прочь.

Дым, ворвавшийся в голову, не стал неожиданностью. Я была к нему готова, я ждала его. Вязкая мгла, сквозь которую я не могла прорваться в поисках себя. За семестр парень научился лучше контролировать свою способность.

— *Ты принадлежишь мне, Ривэрто. Моя любимая игрушка. А я терпеть не могу делиться, помни это.*

— Что он сказал тебе? — спросила София, стоило дыму рассеяться.

Я не ответила. Это больше не имело значения. В голове крутилось только одно: я еду домой.

Я, наконец, еду домой.

Часть Вторая. Морт

197* год

Ноги нещадно ныли. Кости, не успевшие срастись до конца, напоминали о том, что могли сделать с ней преследователи. В веренице тоннелей они постепенно приближались, практически дыша ей в спину, и девушка, захлебываясь слезами, мысленно молила о чуде. Обволакивающая тьма не служила пристанищем, не спасала, лишь создавала иллюзию защиты. Именно здесь беглянка была уязвимой, во тьме, пристанище Теней.

Внезапно ее пальцев коснулась чужая рука, до боли знакомая и родная. Кровь забурлила, вспенилась, и где-то внутри открылся крошечный краник, пускающий по телу запас сил, хранившихся до скверных времен. Страх, сковавший легкие, отпустил, и девушка вдохнула полной грудью, несясь прочь из лабиринта.

Лунный свет, пробившийся сквозь тьму, стал спасением. Пара, держась рука об руку, выскочила наружу, под шум океана. Мокрый песок лип к плащу, наполняя его влагой. От стен тоннеля все еще отражался эхом стук шагов Теней, настигающих свою добычу.

— Ты должна бежать, — юноша коснулся лица спутницы, убирая за ухо растрепавшиеся волосы.

Едва высохшие слезы снова подступили к глазам.

— Я тебя не оставлю, Джеймс, слышишь? — яростно шептала девушка. — Я сражалась не ради того, чтобы потерять тебя.

Его взгляд, такой теплый и слишком спокойный, разрывал ее изнутри. Как он мог так безразлично разбрасываться собственной жизнью? Как мог даже подумать о том, что она оставит его на растерзание, спасая собственную шкуру? Она стойко стерпела побои, допросы, смерть семьи, только бы он был в порядке, только бы его не коснулась жестокая рука Сената, убивающая все, к чему прикасалась.

— Хиллеви, послушай, — парень нежно обхватил ее лицо ладонями. — Ты должна выжить. Не ради меня, не ради себя самой. Это всего лишь начало, и тебе отведена в нем важная роль, но не главная. Найди ее, — Джеймс наклонился к самому ее уху, ласково нашептывая каждое слово. — Найди дочь Солнца. И расскажи ей все, с самого начала. Расскажи ей правду. Она поймет. Прошу тебя, стань началом конца, разорви этот круг.

— Пожертвовав тобой? — девушка вырвалась из его объятий. — Пожертвовав нами? Зачем мне жизнь, если тебя в ней больше не будет?

На смену слезам пришла злость и негодование. Он просил о невозможном. Хиллеви не хотела слушать, хотела заткнуть уши, только бы не знать, о чем еще хотел попросить ее человек, которого она до безумия любила. Это все казалось слишком неправильным. Начиная революцию, она никогда не думала, что потеряет его. Если бы она только знала, никогда не позволила бы совершить предательство, отступить от закона. Если бы она только знала...

— Хиллеви, пожалуйста. Ты единственная, кому я могу доверять. У нас слишком мало времени. Беги сейчас, пока еще есть шанс уберечь одного из нас. Не разрушай это. Если умрем мы оба, все будет напрасно.

Девушка подлетела к Джеймсу и яростно впилась в его губы, пытаясь заглушить боль, заглушить слова, прозвучавшие в свете луны. Сердце разрывалось внутри и приносило невыносимые мучения. Она забыла о сломанной ноге, о побоях и шрамах, что еще не успели

затянуться. Она готова была пережить это вновь, только бы остаться с ним, до самого конца.

— Но, умерев с тобой, я буду счастлива, — прошептала Хиллеви, утыкаясь лбом в мужское плечо.

— Дело не в нашем счастье, а в мире, который так и не наступит, если мы оба погибнем.

Его рука коснулась ее волос, и девушка заметила, что плащ пропитала кровь, медленно стекающая откуда-то со спины. Лицо Джеймса, такое умиротворенное и, казалось бы, безмятежное, кричало о том, что парень смирился с собственной участью. За долгие дни до того мгновения он уже знал, чем все закончится, и был готов пожертвовать всем.

Непрошеные слезы хлынули по щекам, смешиваясь с кровью. Хиллеви боялась поднять взгляд и посмотреть в глаза того, ради которого предала свой народ. Боялась не увидеть там надежды.

— Я люблю тебя, вишенка...

Милое прозвище, данное ей где-то в прошлой, спокойной жизни выбило из легких весь воздух. Ноги подкосились, и лишь мужские руки, прижимающие ее к слабющему телу, удержали от падения. Джеймс коснулся губами уголка ее губ прощальным поцелуем и, развернув к океану лицом, подтолкнул в его сторону.

— Найди дочь Огня. Научи ее всему. Сделай то, ради чего мы сражались. Стань для нее верным другом, и отвоюйте бок о бок нашу свободу.

Девушка знала, бежать нужно было немедленно. Стоило только обернуться, она уже не смогла бы оставить парня одного расплачиваться за все грехи, давящие на их плечи. Глотая слезы, девушка побежала, оставляя после себя дорожку из брызг на воде.

Животный крик загнанного зверя, разорвавший тишину, расколол сердце Хиллеви надвое. Последний звук, вырвавшийся из тела Джеймса, донесшийся до ее ушей. Девушка затыкала уши ладонями, пытаясь заглушить отголоски, но не могла избавиться от них, ведь крик эхом звучал в ее голове.

Не успела я переступить порог дома, как отец сгреб меня в объятия и прижал к себе, согревая своим теплом. Его выцветший коричневый свитер колол щеку ворсинками, а очки немного сползли с переносицы и едва не падали. Я обхватила его руками и вдохнула запах китайской еды и старых книг. Прикрыв глаза, я позволила себе мгновение безмятежного покоя и уюта, что так редко затрагивали мое сердце в последние недели.

— Как долго ты уже не покидал свой кабинет? — спросила я, отстраняясь.

Терпеть запах лапши, пропитавшей его свитер, я была просто не в силах. Это стало неотъемлемым атрибутом процесса написания новых книг, к которому все успели привыкнуть. Так же, как и очки, в которых мужчина не нуждался, но клятвенно уверял, что так он не может проникнуться атмосферой писательства, не чувствует единства с текстом, роящимся в его голове. Он напоминал безумного гения, обложившись старыми книгами и уплетая такую же за обе щеки, пока сюжет сам складывался в его голове и после обретал форму в словах. И пусть отец выглядел несколько нелепо, конечный результат поражал из раза в раз. Ему никогда не приходилось прибегать к использованию дара, чтобы его книги напечатали, ведь издатели приходили в неопиcуемый восторг, прочитав хотя бы пару глав. Что ни говори, а я гордилась папой.

— Мне кажется, прошло где-то дня два. Нет, три, — мужчина вернул очки на переносицу и смущенно взлохматил волосы. — Ладно, я не помню. Но точно не более пяти дней.

— Двенадцать, — в дверях показалась мама, добродушно улыбаясь и вытирая руки о фартук. — Ты сидишь там уже двенадцать дней, дорогой.

У ее глаз собрались лучики крошечных морщинок, и мама забавно шурилась, смотря на мужа. Ее взгляд был полон теплоты и обожания. Какими бы странностями не обладал мой отец, мама любила его. Многими годами ранее она отдала ему свое сердце, вручила в его руки свою судьбу и каждый день доказывала свою любовь. С ним она всегда была другой. Радостной, смущенной, словно все еще влюбленной девчонкой, которая никак не могла поверить, что обрела свое счастье.

— Разве так долго? Я был уверен, что принялся за работу во вторник, — отец потянулся.

— В пятницу. Почти две недели назад.

Очки, так и норовившие сползти, все же рухнули на пол. На мгновение воцарилась тишина. Сквозь окна пробивался солнечный свет, лучиками блуждая по комнатам. До меня доносился лай собак и топот детских ног по дорожке. Мир вновь взорвался мириадами эмоций и чувств. Жизнь схватила кисти и, макая их в пестрые цвета, принялась вырисовывать на полотне моей судьбы счастье. Уютный миг среди суеты, проблем и страхов, переполнивших наши сердца.

Я сбросила плащ, тяжестью давящий на плечи, и бросилась обнимать мать, не сдерживая слез. Пусть она не могла полюбить меня по-настоящему, пусть не доверяла, мне было все равно.

— Я так скучала, — захлебываясь словами, прошептала я.

И вдруг случилось чудо. Ее теплые руки, какими я помнила их еще с детства, сперва робко коснулись моих плеч, не решаясь на большее. Но, осмелев, женщина прижала меня к себе. Она гладила меня по спине, успокаивая, и я потерялась, замерла, боясь пошевелиться,

боясь вдохнуть воздух, только бы эфемерное волшебство не растворилось.

— Я рада, что ты вернулась, дорогая.

То лето изменило всех нас. Я возвратилась домой иным человеком, и мама приняла новую меня с большей теплотой, чем дарила ранее. Не знаю, что именно она увидела в моем взгляде тогда, стоя в прихожей, но это подарило мне на время ту маму, которую я всегда хотела. В ней проснулась любовь, и женщина готова была отдавать ее мне, готова была простить.

А во мне, наконец, запылала ярким пламенем надежда.

Бывают дни, когда все, словно впервые. Просыпаясь от будильника в комнате с персиковыми обоями и солнцем, слепящим глаза, я не могла вспомнить даже собственного имени. Сидя с потерянным видом, я таращилась в стену, собирая паззл мыслей воедино, пытаюсь восстановить целостную картинку. Воспоминания возвращались постепенно, и, стоило только бросить беглый взгляд на часы, как все встало на свои места.

Первый день последнего школьного года нагло ворвался, захватывая меня в свой водоворот, и я отставала от привычного ритма минут на пятнадцать, что порядком ударяло по графику. В панике я подорвалась с кровати и принялась носиться по комнате, запихивая в рюкзак все необходимое. Снизу доносился запах жареной яичницы, которой я вряд ли могла уделить время.

Теплые деньки Гринвилла радовали, но с непривычки я едва не натянула на себя свитер. Опомившись, я затолкала одну из полюбившихся вещей подальше в шкаф и сменила рубашкой и джинсовым комбинезоном. Волосы все никак не хотели собираться в хвост, падая непослушными прядями на лицо, и я оставила попытки привести в порядок прическу, позволив ей жить собственной жизнью.

— Чего ты так переживаешь, сладенькая? Ты ведь выпускница, — Эвон лениво прислонилась к стене и наблюдала за моими метаниями по комнате.

— Опаздывать все равно признак дурного тона, — отмахнулась я.

Подруга закатила глаза и скрылась за дверью, оставляя меня в одиночестве.

Внизу меня уже ждала мама. Женщина сидела за кухонным столом и пила кофе, смотря какое-то видео на ноутбуке. Я схватила тарелку с яичницей и принялась наспех запихивать еду в рот, практически не прожевывая.

— Да моя дочь — истинная леди, как я посмотрю, — протянула мама, не отрываясь от видео.

Я фыркнула, запивая очередную порцию водой.

— Я всегда знала, что твоя мама не лишена чувства юмора, — Эвон подмигнула мне.

Стоило нам вернуться в Штаты, как в ней проснулся былой сарказм и неунывающий дух. Душа без конца подкалывала меня по поводу Глена, говоря, что тот определенно влюбился в мою милую мордашку и потерял голову от запаха земли и травы, которыми пахли мои волосы. Я старалась игнорировать подругу, но девушка была достаточно настойчива в своих попытках обратить мое внимание на красоту парня.

Когда завтрак остался позади, я чмокнула маму в щеку и, подхватив рюкзак с пола в прихожей, пулей выскочила из дома, на ходу проверяя время. До прибытия автобуса оставалось несколько минут. Мысли о том, что я опоздаю, все никак не хотели покидать мою голову, и лишь опустившись на слегка потрепанное сидение школьного автобуса, я позволила себе успокоиться.

Не сразу я узнала Лидию, которая сидела в самом конце салона, прислонившись головой к окну, и слушала музыку с закрытыми глазами. Девушка остригла свои длинные пшеничные волосы, превратив их в стильное каре, что сделало подругу на несколько лет старше, и выкрасила их в пепельный блонд. Я как-то вдруг почувствовала себя слишком нелепо, вырядившись как младшеклассница, в сравнении с ней, которая выглядела как очень симпатичная выпускница.

Стоило автобусу сделать очередную остановку, как я перебралась на сидение рядом с подругой. Нерешительно коснулась ее плеча, ожидая всплеска недовольства. Лидия распахнула глаза. Солнце расплескало свои лучи, и они падали на лицо девушки, подчеркивая скулы и загорелую шею.

Не успела я смутиться, как Лидия бросилась обнимать меня.

— Тебе никогда не расплатиться со мной фисташковым мороженым за внезапное исчезновение и три месяца молчания, но я все равно до безумия рада видеть тебя, — прошептала подруга.

Ее лицо светилось радостью и облегчением. Она сжимала мои руки в своих и смотрела так, словно я была ее спасительной соломинкой во всем мире. Воспоминание о словах бабушки больно кольнуло внутри. Она обещала забрать у меня Лидию, обещала позаботиться, чтобы этот год стал последним в нашей дружбе, но я все еще надеялась найти способ обойти поставленное Лизель условие.

— Я готова покупать тебе мороженое до конца наших дней, если только ты простишь меня за внезапный отъезд.

— Я подумаю, — протянула девушка.

Она на мгновение прикрыла глаза, а когда распахнула, в них плескались задорные искорки.

— Я подумала. Ты прощена.

Мне так не хватало беспечной и местами наивной Лидии на острове. Ее простота и огромное сердце, в которое девушка с легкостью впускала людей, стали для меня крошечной тихой гаванью, где я могла укрыться от всех проблем и поверить в свою нормальность. Ее имбирное печенье круглый год дарило ощущение праздника, а шутки поднимали настроение даже в самой, казалось бы, безнадежной ситуации.

— Но Ния не будет столь благосклонна. Ты ведь ее знаешь. У этой девчонки вместо сердца шестеренки, которые крутят маленькие рабы.

— Думаю, я сумею заслужить и ее прощение. Это ведь Ния, она не такая уж и черствая.

— Ага, она еще хуже, — закончила за меня Эвон.

Я усмехнулась. В какой-то мере, девушка была права. Нрав Нии несколько отличался от Лидии. Это я успела понять еще в младших классах, когда та могла запросто расквасить нос одной из нас, если вдруг я или Лидия вздумаем влюбиться в Исайю. После этого я раз и навсегда усвоила урок, что Нию лучше не злить.

Подъезжая к школе, я ощущала какое-то сладостное волнение. Словно все действительно было впервые. Только вот с одним отличием. Этот год должен был стать последним прежде, чем я окунусь с головой в будни жизни муртов, предав своих школьных друзей.

Толпа гомонящих учеников захватила меня, на мгновение оторвав от Лидии, и понесла с собою вглубь школьных коридоров, капризно привлекая все мое внимание к смеху, крепким

объятьям и радостным возгласам. Я следовала за течением эмоций, вглядываясь в чужие счастливые и безмятежные лица, чьи улыбки яркими лучами разгоняли сгустившуюся внутри меня мглу. Сияющие взгляды напоминали, что страшная реальность осталась позади, отпустила меня на время, позволив насладиться иллюзией покоя и безопасности. Мрак ушел, дым рассеялся, выплюнув меня под солнечные лучи, и свет, исходящий от мертвых обломков далекой планеты, рухнувшей на землю, сплетаясь с людскими телами, ослеплял меня.

В голове панически пульсировала мысль, что я недостойна этого покоя. Что-то во мне не верило в искренность чувств, выплеснувшихся на меня. После того, как я на еще один шаг приблизилась к своей судьбе, жизнь, пестрящая красками, стала казаться фальшивкой, ярким фантом, подсунутым под самый нос Древними, чтобы указать, насколько же я отличалась от них всех. Мне все еще чудились Тени, способные выскользнуть из каждого угла, и все мышцы были напряжены, готовые в любое мгновение рвануть с места.

— Айви, их здесь нет, — Эвон выросла передо мной, заставляя рывком остановиться, едва не налетев на одного из учеников.

— Я не готова отпустить свой страх, — прошептала я, боясь быть услышанной.

— Эй, что с тобой? Ты словно призрака увидела, — Лидия легонько толкнула меня. — Смотри, там Ния. Догоняй.

Подруга быстрым шагом направилась вперед, проталкиваясь сквозь толпу. Я проводила ее взглядом, оставаясь на месте.

— Никто не выскочит на тебя из-за угла. Они все остались там, на острове. Им тебя не достать здесь, — Эвон обеспокоено положила руки на мои плечи, смотря в глаза.

Она верила, что все осталось позади. Быть может, частично так оно и было. Но я боялась забыться, боялась позволить себе быть счастливой в кругу людей, которыми дорожила. Пусть Мортем остался утопать в тумане посреди Тихого океана, он все еще заставлял меня дрожать, контролируя каждую мысль. Можно сбежать с острова, но невозможно выбросить его из сердца, где он прочно укоренился.

— Не соизволит ли миледи помочь ей найти дорогу? — раздался шепот около самого уха.

Знакомый голос разогнал пелену перед глазами и залил светом мое сердце, заставляя отголоски зашипеть и попрятаться по углам, ища тень, в которой можно укрыться. Я развернулась и встретилась взглядом с серыми глазами. Белоснежная улыбка, растянувшаяся на губах Айзека, окончательно затолкнула паранойю и страх обратно в дальний ящик и присыпала его пылью, не давая выбраться.

— Ты повзрослела за лето, — парень взлохматил мои волосы.

— Эй, я все утро укладывала волосы, а ты все испортил, — я картинно надула щеки, изображая недовольство.

— Судя по тому, как ты распереживалась, птичье гнездо на голове стоило тебе огромных усилий. Не волнуйся, птички все еще смогут отложить яйца среди твоих волос, я всего лишь придал их жилищу немного шарма.

— Ты ужасен, — я слегка ударила кулачком в его плечо.

— Но ты ведь все равно любишь меня, — парень подмигнул и развел руки в сторону, приглашая меня в свои объятья.

Я закатила глаза и поддалась искушению почувствовать себя дома, ощутив тепло мужского тела. Иногда грань между дружбой и чем-то иным стиралась, но мы оба знали, что чувствуем друг ко другу. Это было большим, чем дружба, но вовсе не в романтическом

смысле. Айзек заменил мне брата, которого у меня никогда не было и которого так часто не хватало.

— Полегче, иначе я подумаю, что ты собралась сломать мне хребет.

Я ослабила объятия и, позволив себе задержаться чужих в руках мгновением дольше, отстранилась.

— Твое лето было слишком тяжелым, как я погляжу. Ты там хоть с людьми общалась? — парень насмешливо рассматривал меня. — Что это было? Необитаемый остров? Колония? Одиночный карцер?

Я вздрогнула. Воспоминания о Древних, выворачивающих мое сознание наизнанку, ослепило, перенося меня в Здание Правосудия. Я стояла там, беспомощная и напуганная, желая проснуться в Гринвилле и забыть все, словно полуночный кошмар. Но даже оказавшись там, вдыхая пряный запах духов и ощущая жар человеческих тел, я не могла согреть душу, которую давно просквозило туманным ветром.

Я дернула плечами, словно пытаюсь стряхнуть с себя тягостные воспоминания, возвращаясь в настоящее. Айзек все так же стоял передо мной, улыбаясь, но в глазах поселилось беспокойство. От его взгляда не укрылся тот факт, что где-то внутри меня, казалось бы, стальной стержень надломился. Мир остался прежним, а вот я превратилась в вазу, которую кто-то случайно разбил и не сумел склеить обратно, собрав все кусочки в неправильном порядке.

— Если ты все время будешь теряться, я заберу свои слова о фисташковом мороженом обратно, и тогда тебя уж точно не спасут никакие силы мира от моего праведного гнева, — Лидия схватила меня за руку и потянула на себя.

Я обернулась и посмотрела на подругу. Меж ее бровей пролегла крошечная морщинка. Мне никогда не нравилось, когда девушка сердилась. Внезапно она становилась слишком угрюмой, пусть и пыталась этого не показывать, сохраняя былой напускной энтузиазм и бросая шутливые фразы. Не сразу я научилась отличать правду от лжи, но с годами разница в эмоциях, отражающихся на лице Лидии, стала для меня слишком явной. Пусть она не любила показывать свою слабость, улыбаясь при любых обстоятельствах, груз тоски томился в ней, готовый вот-вот расплескаться, вырваться наружу.

Из-за спины Лидии показалась Ния. Длинная челка прикрывала пол лица, а выбритый затылок буквально кричал о том, что с этой девушкой стоит быть как можно осторожнее. Еще с детских лет девушка, названная в честь штата Пенсильвания, готова была вмазать каждому, кто посмеет посмеяться над ее именем. Сперва никто не принимал ее всерьез, но после пары синяков под глазами и разбитых до крови губ мальчишки заткнулись и перестали подшучивать над подругой. Бойкий нрав и умение постоять за себя со временем превратили Нию в сильную личность, знающую себе цену. Девушка не разменивалась дешевыми знакомствами, приторными комплиментами и никогда не притворялась. Прямая и честная, она без стеснения смотрела в лицо завистникам, умело затыкая рты и заслуживая уважения.

— Я даже не удивлена, — протянула Ния, складывая руки на груди. — Арджент, кто же еще?

— И тебе приветики, Аккерман. Как жизнь? — парень щелкнул девушку по носу.

Волна агрессии, исходящая от подруги, едва не заставила меня отпрянуть. Что-то в ней было пугающим. Взгляд кричал о том, что Айзек непременно пожалеет о содеянном, но, казалось, самого парня это вовсе не заботило. Он беспечно раскачивался из стороны в сторону, закинув руки за спину, и улыбался.

Постепенно ученики разбредались по классам. Не дожидаясь развязки, я попрощалась с друзьями и направилась на урок, попутно раздумывая, что не одна я изменилась за лето. В Ние так же произошли изменения, наступила точка невозврата, когда уже не получится вернуться к прежней жизни и привычкам. Я заметила, как девушка перестала изредка горбиться, ровно держа спину и гордо вздернув подбородок, как ее привычные платья сменились темными джинсами, а туфли — ботинками. Куда-то подевалась бывшая элегантность девочки, выросшей в аристократической семье, и на смену ей явилась эта новая Ния, которую мне предстояло узнать. Раньше она совмещала в себе все, но вдруг внутренний мир слишком отразился на внешности.

Погружаясь в свои мысли все глубже, я внезапно натолкнулась на кого-то. Послышался испуганный всхлип, и передо мной мелькнула копна русых волос, стремительно приближаясь к полу. Я подхватила девушку, которую сбила, и помогла ей удержаться на ногах.

— Прости, — я виновато улыбнулась.

Незнакомка потупила взгляд, и я заметила, как ее щеки налились румянцем. Она подняла сумку, которая все же выпала из ее рук, и, переминаясь с ноги на ногу, отряхнула платье.

— Вы не могли бы мне помочь? — едва слышно пробормотала девушка, пряча лицо за волосами. — Я только переехала, не успела выучить карту школы. Мне нужен класс мисс Браун.

— Креативное письмо?

Девушка только кивнула, еще больше смущаясь. Она упорно прятала от меня взгляд, то ли боясь посмотреть в глаза, то ли от неловкости ситуации, и я никак не могла рассмотреть ее.

— Ты из выпускного класса?

И вновь ответом мне послужил кивок.

— Видимо, тебе повезло, мне на тот же урок. Я — Айви. А тебя как зовут?

Девушка подняла голову и впервые посмотрела на меня. Ее голубые глаза, словно два крошечных океана, в которых бурлила жизнь, жадно впились в мое лицо, рассматривая. Такой контраст после попыток всячески спрятаться, удивил меня.

— Оливия, — пробормотала девушка, вновь пряча взгляд.

На мгновение мне показалось, что ее поведение смутило ее еще больше. Я решила, что лучше ее более ни о чем не расспрашивать и отвести в класс, не то девушка замкнется в себе, и мне придется пробиваться сквозь стену, чтобы достучаться до нее. Чем-то Оливия напомнила мне Хибики, что так же впадала в крайности, противореча сама себе.

Почему-то, глядя на эту странную новенькую, мне захотелось стать ей другом. Пусть меня и нельзя было назвать самой лучшей компанией для таких, как она, ведь однажды, быть может, я отберу ее жизнь.

Жизнь плавно перетекла в привычное русло. Я ходила на занятия, пыталась подружиться со стеснительной Оливией, что все так же пряталась за завесой волос и иногда шелестела едва различимым шепотом в ответ на мои вопросы. Разузнав расписание подруг, я торжественно вручила им опеку над новенькой на те предметы, которые совпадали у них и на которых я не имела возможности присутствовать. Лидия мгновенно загорелась идеей сделать Оливию четвертой в нашем разношерстном трио, да и Ния поддержала мою

позицию, что девушку нельзя оставлять на произвол судьбы, ибо с таким характером трудно по жизни придется.

Иногда я проводила время с Айзеком, что неустанно пытался выведать секрет моего летнего отсутствия, но я стойко держала удар, улыбаясь и переводя тему. Изредка отголоски захлестывали, на время выбрасывая меня в прошлое, и не всегда друзьям удавалось с первого раза вернуть меня в реальность. Я замечала их обеспокоенные переглядывания между собой в попытках понять, что происходило внутри меня, и могла представить, какие умозаключения барахтались на поверхности, желая быть замеченными, но все так же наигранно растягивала губы в улыбке и отмахивалась.

Мама внезапно оттаяла. Утром меня неизменно ждали горячие завтраки и теплый взгляд, приправленный пожеланием хорошего дня. Женщина вдруг решила сводить меня по магазинам, а после повела в кино. Мы становились все ближе, и я успела забыть, какой была мама до событий прошедшего лета. Холодность, отстраненность в ней куда-то запрятались, и я пыталась понять, исчезли они, уступая место любви, или притаились, выжидая подвоха. И все же радость сумела затмить любые подозрения, какие бы не гнездились в моем сердце.

Отец с головой погрузился в написание очередного бестселлера, запершись в своей комнате и поглощая тоннами китайскую еду. Пару раз я пыталась выведать, над каким сюжетом он работает, но мужчина держал все в секрете, уверяя, что хочет сделать сюрприз на мое восемнадцатилетие. Что ни говори, а держать интригу он умел, как в книгах, так и в жизни.

События, произошедшие на острове, постепенно меркли в моих воспоминаниях, заменяясь новыми, красочными. Сентябрь пролетел практически незаметно. Страх быть пойманной притаился, и его тут же сменил ворох позитивных эмоций. Радость, восхищение, интерес, нетерпение, любовь, уют, — все они окружили меня, сгребли в объятия и позволили забыться, потерять бдительность. Я совершила самую огромную ошибку, которую только могла себе позволить, — решила, что Мортем отпустил меня. Наивный, детский поступок. Словно Древние не научили меня быть осторожной даже в самых беспечных и, казалось бы, умиротворенных ситуациях? Мне казалось, я усвоила урок. Как выяснилось, в который раз я заблуждалась, и теплота окружающих, растопившая мое сердце, вот-вот собиралась вытолкнуть почву из-под моих ног. Я уже стояла на краю бездны и счастливо ей улыбалась, готовая сделать шаг и полететь ей навстречу.

Сентябрь передал бразды правления октябрю, на прощание помахав мне дождем. Я готовилась к своему дню рождения, который вот-вот должен был наступить. Если бы я только знала, что последует за ним, я сорвалась с места в тот же миг, и бежала бы до тех пор, пока мир не прекратил бы существование, пока бы я сама не исчезла, а время не перестало иметь всякое значение.

После моего дня рождения случились три вещи, вновь подвесив меня вверх ногами и хорошенько встряхнув, выбивая из легких весь воздух.

У меня появился сталкер. Я познакомилась с Диланом Арджентом. И ...

На моих глазах Тени вырвали сердце Нии из ее груди...

Середина октября ознаменовалась фестивалем «FallforGreenville». Я с нетерпением ожидала его, желая насладиться неповторимой атмосферой, что из года в год захватывала меня. В город отовсюду съезжались представители различных музыкальных направлений, желая поделиться с окружающими крошечным чудом, касаясь внутренних струн и сочиняя мелодию жизни, каждого неуловимого мгновения.

С самого утра мы договорились встретиться вчетвером с подругами около школы, чтобы оттуда вместе направиться на фестиваль и, заодно, показать Оливии город, познакомить с местом, в котором ей предстоит обитать еще долгое время и идти в ногу с его традициями. День выдался на удивление прохладным, и я отдала предпочтение уютному свитеру и джинсам, хоть Лидия и настаивала, чтобы мы все нарядились в платья.

— Где, как не на фестивале, можно обратить на себя внимания противоположного пола и познакомиться с парой-тройкой симпатичных особ? — таковы были доводы девушки.

Ей все никак не удавалось отойти от болезненного разрыва, и подруга пыталась залатать дыру в груди всеми возможными способами, пусть и не самыми правильными. Ния успела бросить попытки образумить девушку, а вот я все никак не сдавалась, надеясь на благоразумие Лидии. Она определенно была достойна большего, чем прокуренные трейлеры уличных музыкантов и дешевое пиво в пластиковых стаканчиках.

Еще издалека я заметила троицу, недовольно поглядывающую в мою сторону. Взглянув на часы, я удостоверилась, что не опоздала, но, как оказалась, все равно пришла последней.

— Будь ты при полном параде, я бы списала все на твое желание уложить перед собой всех парней на фестивале штабелями. Но ты выглядишь хуже моей бабушки, а она у меня уже несколько лет ни под каким предлогом не вылезает из любимой пижамы, — Лидия смерила меня разочарованным взглядом.

Я лишь пожала плечами. Я никогда не стремилась привлекать взгляды или обзавестись фан-клубом. Жизнь научила меня веселиться, довольствуясь тем малым, что я имела, и спутник по жизни никак не списывался в планы на ближайшие лет двадцать.

— Лидия, ты не о том думаешь, — Ния оттолкнулась от фонарного столба, об который опиралась спиной, и подошла ближе. — Главная цель — показать город Оливии, припоминаешь, да?

Подруга тяжело вздохнула, смотря на нас жалостливым взглядом. Ее щечки забавно надулись, а губы задрожали, словно та готова была заплакать. В глубине души я знала, что Лидия всего лишь манипулирует нами, пытаясь получить желаемое, но глядя в ее блестящие глаза, готовые налиться слезами, я не могла удержаться.

— Ладно. Я обещаю, что присмотрюсь к парням вокруг, и не попытаюсь улизнуть, если кто-то решит познакомиться, — я закатила глаза и распустила волосы, стянутые в тугий хвост на затылке, признавая собственное поражение.

Рыжие пряди рассыпались по плечам, и на лице Лидии засияла довольная улыбка.

— Ты просто никогда не понимала, от чего отказываешься. Но ничего, я познакомлю тебя с кем-то, кто определенно придется тебе по вкусу.

— Да, да, мой «принц» уже ожидает меня у стойла, попивая водичку, — язвительно бросила я.

Лидия предпочла проигнорировать мои слова, подхватив Оливию под руку и потащив

прочь от школы на звуки музыки, доносящейся откуда-то с улиц.

— Твоя семья приедет на праздник? — спросила я у Нии.

Девушка непривычно быстро шагала, и мне едва ли удавалось за ней поспевать. Волосы цвета красного дерева слегка взлохматил ветер, придавая чертам ее лица некой взбалмошности. Подруга шла с полуприкрытыми глазами, и из-под ресниц пробивались радостные искорки во взгляде. От него мне было спокойно. По возвращению из Норвегии девушка вела себя слегка скованно и отстраненно. В ней чувствовалась потерянности и постоянное желание сбежать от нас с Лидией, пытающихся вернуть подругу в привычную жизнь. Со временем айсберг внутри нее растопило солнце Южной Каролины, и Ния стала прежней.

— У родителей какая-то сделка в Китае, их не будет до конца ноября. А Исайя должен приехать на фестиваль.

В ее голосе проскочили тоскливые нотки, но я не придавала им значения. Конечно, Ния скучала по привычной жизни, когда дома вся семья была в сборе на каждые выходные, а после школы мы с Лидией не раз заглядывали, чтобы поиграть и скрасить одиночество девушки. Время стремительно утекало, отбирая детские невинные шалости, и мы уже стояли напротив огромных врат во взрослую жизнь, готовые попрощаться со всем, что знали и к чему привыкли.

Ния никогда не признавалась, что чувствовала себя одинокой, но я замечала тоску в ее взгляде, стоило нам распрощаться после школы. Мимолетная эмоция, переполнившая карие глаза, в мгновение ока растворялась, заменяясь задорной улыбкой, но даже самые искусные актеры не могли притворяться все время. Временами маска давала трещины, и сквозь них проглядывалась одинокая девушка. У нее были мы, но это не спасало ее от какой-то внутренней пустоты, которую я была не в силах забрать.

— Девочки, чего вы, словно черепахи, плететесь там? — окликнула нас Лидия.

Она и Оливия уже стояли около лавки с французской выпечкой, прижимая к груди бумажные пакеты с круассанами, и махали нам. Я взглянула на Нию. Губы дернулись, растягиваясь в улыбку. Карие глаза внезапно превратились в текучее золото, блестящее в солнечных лучах, и я невольно замерла, заморожено смотря на девушку. Она легким движением смахнула челку с лица и побежала навстречу подругам. На мгновение она остановилась и обернулась.

— Догоняешь?

Лицо Нии сияло радостью, и на ее щеках расцвел румянец. Я хотела запомнить ее такой навсегда. Смеющейся, излучающей свет. Я хотела, чтобы ее рухнувшая звезда никогда не погасла.

Мы бродили в толпе людей многие часы, скупая различные вкусности и наслаждаясь музыкой. Вокруг сновали сотни знакомых лиц, желающих нам приятного времяпровождения и дарящих искренние эмоции. Я потерялась в веренице эмоций, сменяющих друг друга с безумной скоростью, и позволила себе забыться. Казалось, Эвон понимала, что мне удалось урвать пару часов свободы и подобия человеческой жизни, и утонула в толпе, скрывшись из виду. Как никогда я чувствовала себя обычной. Самой простой школьницей — выпускницей, готовящейся распрощаться с детством.

Постепенно на город опустились сумерки. Вчетвером мы осели на одной из скамеек в парке и уплетали за обе щеки яблоки в карамели. Я наблюдала за тем, как Оливия искренне

смеялась, не скрываясь за завесой волос, как она, пусть и практически неслышно, но все же участвовала в беседе, широко улыбаясь. Девушка с наслаждением уплетала сладости и даже не собиралась уходить, утомленная компанией вокруг и шумом, доносящимся со всех сторон.

— Эй, кого я вижу? — из толпы проходящих мимо парней вынырнул Айзек.

Его глаза подозрительно блестели, и я была готова поставить на то, что друг успел выпить, что порядком не одобряла. Юноша лыбился на все 32 зуба и буквально тарачился на Оливию, которая тут же заперлась в собственной ракушке и посерьезнела. Волосы, еще мгновение назад заправленные за уши, упали на лицо, прикрывая румянец.

— Вот, я же говорила. Мой принц на празднике. И он явно пил из какого-то стойла, — хохотнула я, поднимаясь со скамейки и направляясь к другу. — Признавайся, кто подкинул волшебного зелья?

Айзек отвел взгляд в сторону, притворно смущаясь, и сделал вид, что понятия не имел, о чем я говорила. Я прищурилась и стукнула его кулаком по плечу.

— Ай, парни ведь тоже люди, — друг отшатнулся от меня и выставил руки вперед, защищаясь.

— Ты неисправимый идиот, — закатила глаза Ния.

— Не правда. Я неотразим.

— Ага, в своих мечтах, — поддакнула подруге Лидия.

Девушки переглянулись, давая пять друг дружке.

Взгляд Айзека вновь вернулся к Оливии. Она молча сидела в углу и наблюдала за происходящим. В пару шагов парень преодолел расстояние между ними и опустился на корточки перед девушкой.

— Хаюшки, маслинка. Как поживаешь? Хочешь чего-нибудь?

— Припусти коней, рыцарь, ты бедную принцессу до смерти напугаешь, — Ния оттолкнула парня, и тот, не удержавшись на ногах, уселся задницей на землю.

Я подавила смешок, решив оставить эту забавную четверку разбираться самих, и направилась в сторону бочонков с напитками. Люди вокруг толкались в такт музыке, некоторые уже едва держались на ногах, хотя до ночи было далеко. Вскрики, глупый смех и гитарные соло, разрывающие перепонки, заглушали внутри меня голос, твердивший, что что-то не так. Я чувствовала на себе взгляд, что неустанно следовал за мной, куда бы я ни пошла. То и дело оглядываясь, я не могла разглядеть сквозь толпу кого-либо, смотрящего на меня, но, стоило только отвернуться, как тут же по спине бежали мурашки, и становилось жутко неудобно.

Обернувшись в очередной раз, я налетела на кого-то. Послышался всплеск, и содержимое стакана в руках незнакомца выплеснулось на мои волосы. Я попыталась увернуться, и наступила на ногу тому, с кем столкнулась. Подняв голову, я встретила взглядом с парнем. Его глаза, цвет которых не удавалось рассмотреть из-за капюшона, роняющего тень на лицо, недовольно смотрели на меня, а губы сложились в тонкую линию, что свидетельствовало о том, что незнакомец был крайне раздражен. Его рука сжимала полупустой стакан с незнакомой мне жидкостью, вторая половина которой стремительно впитывалась в мои волосы, делая их липкими и сладкими на запах.

— Простите, я наступила вам на ногу? — переспросила я, закусывая губу от неловкости.

Брови парня взметнулись вверх, словно он был удивлен моим вопросом.

— Нет, что ты. Здесь стояла моя подруга Гертруда, но, возмущенная твоим невежеством, она предпочла раствориться, оставив меня разгребать последствия, — голос

незнакомца был пропитан едким сарказмом.

— Я же не нарочно.

— Правда? А я уж подумал, что таков был план.

Внезапно кто-то толкнул меня в спину, и я вновь полетела в объятия парня перед собой. Остававшаяся в стакане жидкость обеспечила мне сладкий душ.

— Смотрю, тебя так и придавливает твоей любовью ко мне. В самом буквальном из смыслов, — раздалось у самого уха.

— Я снова на вас налетела?

Мой голос невольно звучал так, словно я то и дело задавала глупые вопросы.

— Да неужели? Нет, конечно. Здесь ведь еще кто-то обливает тебя сидром.

С трудом я вернула себе равновесие. В полутьме мне никак не удавалось разглядеть незнакомца, да и половина его лица была сокрыта под капюшоном, но я чувствовала раздражение, что сочилось из всех щелей, и было направлено на меня.

— Я пойду, — пробормотала я.

Пользуясь возможностью, я нырнула в толпу, пытаюсь скрыться от незнакомца. Последними до моего слуха долетели его слова:

— Надеюсь, твоим волосам как раз прописали сидровый душ. Рад был помочь в безуспешной борьбе с земным притяжением.

Сладкий запах яблочного сидра забил нос, и я не могла дышать. Волосы липли к лицу, попутно собирая на себя всю возможную грязь, которую только удавалось отыскать по пути. Вернувшись к друзьям без заветного лимонада, я застала подруг уже втроем. Айзек успел скрыться где-то в толпе.

— Ты искупалась? — Лидия недоверчиво покосилась на меня.

— Неудачно столкнулась с кем-то в толпе. Это сидр, не обращай внимания.

— А я смогу напиться, пожевав твои волосы? — засмеялась подруга.

Ее хохот внезапно подхватила Оливия, и вскоре уже все вчетвером мы смеялись, смахивая слезы с глаз. Неловкость, которую принес Айзек, исчезла, и нас вновь накрыла некая атмосфера единства и покоя.

— Там скоро будут фейерверки запускать, — Ния поднялась с лавочки. — Пойдем ближе, чтобы было лучше видно.

Мы двинулись за девушкой, расталкивая людей. Пришла моя очередь держать Оливию за руку, придавая уверенности. Она семенила следом за мной, всматриваясь в звездное небо. Невольно я остановилась и подняла голову, наслаждаясь видом.

— Спасибо тебе, — едва слышно пробормотала девушка.

Я перевела взгляд на нее. Оливия все так же смотрела на звезды, но ее щеки не розовели. Она была спокойна и умиротворена. Словно там она отыскиала то, за чем никак не могла угнаться.

— За что?

— Ты не оставила меня проживать последний год старшей школы на задней парте без друзей. Ты решила сделать для меня что-то, о чем я не просила. И я благодарна тебе. Не каждый поступил бы так же.

Я обняла Оливию, пытаюсь вложить в свои прикосновения то, что не могла выразить словами. Сожаление, ведь я не могла быть ее подругой вечно. Боль от осознания того, кем я являлась, и что была не самым лучшим персонажем ее истории. Надежду, что девушка

отыщет свой путь и того, кто сможет ее по этому пути провести. И радость... Радость от того, что смогла подарить ей нечто, что некогда подарили мне София и Натсуме.

— Да отбросьте вы свои телячьи нежности, тошно смотреть, — Ния разорвала наши объятия и потащила в самую толпу. — Там самое веселье начинается.

Я не успела оглянуться, как уже стояла в первом ряду и смотрела, как поджигают фитили. Один за другим в небо взлетали фейерверки, взрываясь мириадами искорок, и с каждым новым во мне так же разрывались красками эмоции. Дыхание перехватило от сладостной дрожи внутри. В руках откуда не возьмись, оказался бенгальский огонь. Звезда, упавшая с неба, которую умостили на фитиль, и позволили догореть быстро, но до безумия красиво.

Я пустилась в танец, сжимая бенгальский огонек в руке. Люди вокруг двигались в своем собственном ритме, не слушая музыку, барабанящую из колонок. Каждое тело было ведомо танцем, идущем из сердца, ни капель не схожим с другими.

Мой танец звался свободой.

— Мисс Эллингтон, задержитесь, пожалуйста. Все остальные могут быть свободны, — мисс Браун улыбнулась и принялась стирать с доски тему эссе, заданного на дом.

Я подхватила рюкзак с пола и мельком взглянула на Оливию, собирающую вещи с парты. Челка неизменно скрывала половину ее лица, и мне не удавалось разглядеть эмоции, отразившиеся в ее глазах. Познакомившись с девушкой, я не сразу разглядела в ней эту флегматичность и некую отстраненность. Ее щеки часто заливал румянец, и она была порядком немногословна, но с течением времени я начала замечать то, с каким безразличием и холодностью Оливия относилась к тому, что ее окружало. Стеснение, словно броня, отгородила сердце девушки от мира, позволив ему обледенеть, и пробить эту защиту в попытках вытащить наружу истинные эмоции, удавалось лишь изредка. Она заперлась в своем коконе, образе тихой, незаметной мышки, который был ей удобен, будто истертый старый свитер, оберегающий от всех невзгод.

— Я подожду около класса, — бросила я.

Оливия кивнула и направилась к учительнице. Я стремительно покинула класс и замерла за дверью, прислушиваясь.

— Оливия, я прочитала твоё сочинение, и немного обеспокоена твоим состоянием. Могу я спросить тебя кое о чем?

Я не слышала ответа подруги, но догадывалась, что та лишь нерешительно кивнула, избавляясь от надобности лишний раз говорить.

— У тебя в семье какие-то проблемы? Быть может, ты подвергалась насилию, или твои родители как-то плохо на тебя влияют?

И в ответ вновь тишина. Меня переполняло желание заглянуть в класс, убедиться, что девушка отрицательно помотала головой. Я боялась допустить даже мысль о том, что над Оливией кто-либо издевался или избивал.

— Ты уверена, что ничего подобного не происходило в твоей жизни?

Тишина. Вязкая, словно приторная тянучка, которые часто продавались у касс в супермаркетах. Я практически чувствовала ее мерзкую сладость на кончике языка, которую так и хотелось сплюнуть или запить водой.

— Твое последнее эссе показалось мне слишком... — на мгновение мисс Браун запнулась, подбирая правильное слово, — ... мрачным. Ты прекрасно умеешь подбирать слова. Твои образы яркие и тщательно продуманные, но то, что ты отражаешь на бумаге, наталкивает на мысль, что в твоей жизни что-то не так. Я хочу порекомендовать тебе беседу со школьным психологом.

— Я в порядке, — донесся до моего слуха едва слышный шепот Оливии. — Мне не нужна помощь, спасибо.

— Если все же захочешь поговорить, можешь обратиться ко мне в любое время. Обещаю, этот разговор останется между нами.

— Спасибо, но со мной правда все хорошо, — прошелестела девушка.

Не прошло и десяти секунд, как подруга покинула кабинет, прижимая книгу к груди. При взгляде на имя Стивена Кинга на обложке внутри что-то зашкреблось, заставляя меня невольно поморщиться. Что такого прочла мисс Браун в сочинении Оливии, что могло вызвать подобные подозрения?

— Все в порядке? — спросила я, стоило нам отойти на несколько шагов от класса.

Девушка заправила прядь волос за ухо и подняла на меня взгляд. Голубой океан покрылся ледяной корочкой, и стал схож с безжизненными кристаллами. Меня обдало холодом, и невольно я поежилась, пытаюсь прогнать неприятные ощущения.

— Не переживай, все хорошо, — губы девушки дернулись в смущенной полуулыбке.

Я не могла оторвать взгляда от ледяного взгляда, казалось бы, глядящего мне в самую душу. В ней было нечто пугающее. Жестокость, таящаяся на затворках, сокрытая под маской смущенной тихони с задней парты. Внезапно Оливия перестала казаться мне запуганным зверьком. Я мельком заглянула за грань, и увиденное скрутилось где-то в животе страхом и принялось точить изнутри. На мгновение образ сросся с другим, далеким, похороненным в воспоминаниях.

— Приветтики, маслинка, — рядом с нами из ниоткуда вырос Айзек, сияя, как рождественская елка. — Куда направляешься?

Оливия тут же покрылась румянцем и спряталась за волосами, прижимаясь ко мне ближе, и я едва не отпрянула от нее, поддаваясь инстинктам. Мне никак не удавалось понять, что именно послужило причиной того, что мои нервы внезапно натянулись, как струна, а чувства обострились, предчувствуя опасность. Мозг вопил, что это всего лишь Оливия, которая определенно не была создана жестокой. Но голубые глаза сменились карими, и я не могла отогнать наваждение.

— Думаю, мне пора, — я выдавила улыбку.

Прежде, чем кто-либо из них сказал хоть слово, я быстрым шагом направилась прочь, повторяя про себя, словно безумную мантру, что все это всего лишь плод моего воображения и влияния Древних на мозг, заставляющий видеть угрозу во всем. Завернув за угол, я буквально ввалилась в женскую комнату и сползла по стене, прикрывая рот трясущейся ладонью. Сердце колотилось, как загнанная в банку бабочка, пытающаяся найти выход, и к горлу подступал панический крик. Меня накрывало очередным воспоминанием, отголоском прошлого.

— Ты не сможешь все время прятаться!

Я сильнее вжалась в стену, стараясь слиться с нею, стать невидимой. Легкие горели от нехватки воздуха, но я боялась вдохнуть, выдав свое местоположение. Слишком тяжелые для женских шаги постепенно двигались в мою сторону, и бежать было некуда.

— Айви, Айви. Куда ты подевалась? Хватит прятаться, выходи. Я обещаю не делать тебе больно, если ты сама прекратишь эту игру сейчас.

Я верила ее добрым глазам, ее улыбке. Поверила в слова о том, что мы могли бы быть друзьями. Ошибка, слишком большая ошибка. Все оказалось ложью, глупой игрой. Тупая ноющая боль в сердце была сильнее физической в сотни раз, и я была готова пережить все побои снова, только бы воспоминания о предательстве утихли, растворились, словно их никогда и не было.

Чужие пальцы сомкнулись на моем запястье и рывком вытянули из укрытия. Некогда приветливая улыбка превратилась в оскал, слишком чужой на таком красивом лице. Карие глаза больше не смотрели на меня с теплотой, в них поселился лед, насмешка. Разве можно так искусно притворяться? Я зажмурилась в надежде, что кошмар развеется, и я проснусь в своей постели.

— Солнечная принцесса боится? Разве тебя не спасет твой огромный светлый мир? Ты ведь такая особенная, да? Такая непохожая на нас.

Первый удар пришелся по легким. Я резко выдохнула, закашливаясь, и сложилась пополам, прикрывая грудную клетку. Следующий последовал без предупреждения, болью отозвавшись в коленной чашечке. Ноги подкосились, и я рухнула на пол.

Зачем ты делаешь это? За что?

Удары сыпались один за другим, отдаваясь болью в теле, и я свернулась калачиком, пытаясь укрыться от них, спастись. Бесполезно.

— Глупая, глупая Айви. Неужели ты думала, что в этом мире у тебя правда могут быть друзья? Ты чужая, мусор, грязь. А от мусора, обычно, избавляются, — слова били сильнее кулаков, резали мое сердце, оставляя глубокие шрамы.

— Хватит!

Жесткий юношеский голос остановил замахнувшуюся руку для нового удара.

— Думаю, она усвоила урок. Идем, Бласка. На сегодня достаточно игр.

Девушка покорно отошла от меня, гордо вздернув подбородок, и двинулась прочь. Я смотрела вслед ее удаляющейся спине, пока глаза не застелила пелена слез. Я верила ей, верила каждому слову. А она стала всего лишь инструментом в руках Гюнтера, чтобы вновь унижить меня, растоптать.

— Запомни, здесь у тебя нет и не будет друзей. Я позабочусь об этом.

— Айви! — сквозь толщу воспоминаний прорвался крик. *— Айви!*

Я распахнула глаза, полные слез. Эвон сидела напротив меня и успокаивающе гладила по волосам.

— Она... Тот взгляд... — всхлипывая пробормотала я, утыкаясь носом в колени. *— Она напомнила мне Бласку. То, как она посмотрела на меня, было...*

— Оливия человек, ей незачем причинять тебе боль. Ты нашла ей друзей, сама стала ее оберегать от всего. Она любит тебя, — душа коснулась моей руки. — Она просто запуталась, сама в себе. И ты тут не при чем. Попробуй узнать, что сделало ее такой, что за тьма коснулась ее души.

Я глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. После путешествия Древних в мою голову там все еще царил кавардак, который я безуспешно пыталась разобрать. Ставя одно воспоминание на полочку, я едва успевала ловить другое, стремительно летящее в центр хаоса, и сомневалась, что когда-либо мне удастся полностью восстановиться.

— Пойдем, — Эвон поднялась на ноги. *— Урок вот-вот начнется. Просто поговори с ней, как только появится такая возможность. Уверена, ее жизнь неслабо надломила, раз твоя тихоня прячет внутри мрак.*

Со временем паника отступила. После уроков я перехватила Оливию и извинилась за столь быстрый побег. Девушка лишь кивнула, не говоря ни слова. Я с опаской заглянула в ее глаза, но меня встретил привычный океан, излучающий волны теплоты и понимания. Не хотелось признавать, но с моих плеч, словно груз свалился, и вдруг стало слишком стыдно за все мысли, которые я допустила в свою голову.

Дождавшись Лидию, мы втроем двинулись в сторону школьного автобуса, готового развести нас по домам. Подруга тут же отвела Оливию в сторону, взяв с меня обещание не подслушивать. Я послушно отсела от них, давая возможность посекретничать, ведь темой разговора, в чем я не сомневалась, должен был стать мой день рождения.

Заняв место около окна, я прислонилась к стеклу головой и прикрыла глаза. Беспочвенные эмоциональные всплески были для меня редкостью. Станные перепады

настроения, напоминающие биполярное расстройство, так свойственные некоторым Эновисон, всегда пугали меня, и я не хотела становиться такой, как Хибики, жертвой безумия.

— Не занято?

Я подняла взгляд. Рядом со мной стоял парень моего возраста, но я видела его впервые. Каштановые волосы растрепались, а от виска стекала капелька пота, словно парень гнался за автобусом, боясь опоздать.

— Нет, присаживайся.

Парень приземлился на сидение рядом. Он как-то нервно копошился, выискивая что-то в рюкзаке, и то и дело проверял телефон. Его нервозность утомляла меня. Я отвернулась к окну и уставилась на мелькающие мимо здания.

— Меня, кстати, Куртом зовут. А ты Айви, да?

— Угу.

Повисло неловкое молчание. Я пыталась не обращать внимания на его несколько странное поведение. Парень не мог усидеть на месте. Казалось, ему было крайне некомфортно находиться рядом со мной, но, несмотря на то, что автобус был полупустым, он все равно оставался на месте. Юноша то и дело поглядывал на меня, будто ожидая каких-то действий, и суетился.

— Ты ходишь на испанский с Айзеком, я прав?

Очередной глупый вопрос и попытка завести разговор, который, я видела, был парню крайне неприятен. Это меня насторожило, и я отвлеклась от созерцания красот за окном и переключила свое внимание на собеседника.

Курт смотрел на меня с опаской и толикой отвращения, но улыбался. Пару раз уголок губ нервно дернулся, что не укрылось от моего внимания. Парень никак не мог перестать теревить брелок в руках и поправлять волосы, хотя те уже давно приняли нормальный вид и не торчали во все стороны. Я понятия не имела, как забираться в человеческую голову, отыскивая ответы на вопросы, но даже мне было очевидным то, что парню вовсе не хотелось со мной разговаривать, и даже находиться в одной плоскости, но он упорно пытался сделать вид, что все в порядке.

— Тебя что-то беспокоит? Ты кажешься слегка взволнованным, — я попыталась намекнуть Курту, что его поведение выглядит как минимум странно.

А я привыкла, что странное приравнивается к угрозе, а потому насторожилась. Мой вопрос не остался незамеченным, и улыбка тут же потухла на его лице.

— Прости, мне немного нехорошо. Я... — парень подорвался с места.

Автобус резко затормозил, отчего Курта бросило вперед. Юноша стукнулся о спинку сидения лбом и практически распластался в проходе. Я было собралась ему помочь, как тот внезапно подскочил на ноги.

— Приятно было поговорить, — Курт натянуто улыбнулся. — Моя остановка, я пойду.

И он буквально вылетел из автобуса.

Я недоуменно бросила взгляд на Эвон, стоящую рядом, но душа лишь пожала плечами. Мы обе были крайне озадачены поведением юноши. А я чувствовала, что что-то не так. Парень выглядел слишком подозрительно, и его постоянные взгляды на телефон не предвещали ничего хорошего.

— Эй, Айви, у тебя появился поклонник? — хихикнула Лидия.

Я не обратила внимания на ехидство подруги. Я понятия не имела, как реагировать на

происходящее, но понимала, что стоило готовиться к худшему, даже если все возьмет безобидный поворот.

— Я дома, — громко сказала я, захлопывая дверь за собой.

Из гостиной доносился голос отца, и по отсутствию ответов, я сделала вывод, что он говорил по телефону. Стянув ботинки с ног, я направилась на кухню и достала из холодильника ведерко мороженого, что припасла на случай не самых удачных дней. Половина с шоколадным вкусом, принадлежавшая, по обычаю, отцу, отсутствовала. Я зачерпнула ложкой из своей кофейной части и отправила мороженое в рот.

— Тыковка?

— Я на кухне, пап, — пробормотала я с набитым ртом.

Отец показался на пороге и, в два шага преодолев расстояние между нами, уместился на стуле. Он выглядел несколько уставшим и немного разочарованным, что меня удивило.

— Все в порядке?

Мужчина вздохнул, а после отобрал у меня ложку и зачерпнул из ведерка угощение.

— Ну, как сказать, — ответил он, потирая переносицу. — Кажется, мой редактор попал в больницу, из-за чего выход книги откладывается на неопределенный срок. Поэтому я немного раздосадован и понятия не имею, что делать.

— Уверена, мама уже предложила тебе воспользоваться своим даром, — я лукаво улыбнулась, накручивая локон на палец.

Отец бросил на меня выразительный взгляд, что говорил больше любых слов. Конечно, мама никогда не мучилась угрызениями совести, заставляя людей делать то, чего сама хотела, но вот папа пытался всего достичь самостоятельно. Он заслужил уважение упорным трудом и талантом, и подобные предложения, поступающие из уст женщины, лишь расстраивали его. Это означало лишь то, что она его совсем не знала.

— Может, есть вероятность найти другого редактора? Заплатишь ему немного больше денег, но книга выйдет вовремя. Или политика издательства против? — предложила я, хотя совершенно не разбиралась в подобных нюансах.

Мужчина закатил глаза.

— Могу я хотя бы с тобой не обсуждать эту тему? Мне хватает Хелен и Хизер, которые считают своим святым долгом дать мне несколько советов.

Я кивнула и схватила телефон.

— Пицца?

— Пицца, — с улыбкой ответил отец, доедая мороженое. — И чтобы побольше специй.

Я подняла вверх большой палец и набрала номер доставки. Пока я делала заказ, отец успел еще с кем-то обсудить вопросы, касающиеся выхода книги. Положив трубку, я прошла в гостиную.

— «Звездные Войны» или «Назад в Будущее»? — крикнула я, привлекая внимание отца.

Мужчина заглянул в комнату, прикрывая гарнитуру рукой, и посмотрел на меня.

— Мы столько раз их пересматривали. У меня сейчас немного другое настроение.

— Вас понял, — я подмигнула папе. — «Король Лев».

— Идеально, — прошептал он мне в ответ и улыбнулся, скрываясь за стеной.

Все же, я знала отца, как никто другой.

Телефон завибрировал, уведомив о новом сообщении. Бросив на учителя беглый взгляд и удостоверившись, что мистер О'Нил был полностью поглощен докладом Элизабет о «Больших Надеждах» Диккенса, я разблокировала экран смартфона и забралась на Фейсбук.

«Месяц молчания. Ты в порядке?»

Внутри что-то невольно кольнуло, и глаза защипало, будто кто-то сгоряча бросил в лицо пригоршню песка. Заскреблись, всполошились выцветшие воспоминания, пытаюсь выбраться из сундуков и расправить крылья. Я хрустнула пальцами и уставилась в экран, пытаюсь отыскать слова, что разбежались, словно перепуганные мыши по углам, удирая от задиристого несмышленного котенка. Фантом прикоснулся своими призрачными губами к моим волосам, вдыхая запах сырой земли, тумана и пены над океаном. Волны, бьющиеся о песочный берег, сбили меня с ног, и я судорожно вдохнула, пытаюсь отогнать наваждение.

К счастью, никто не обратил внимания на секундную слабость, которой я позволила сорвать со своих губ улыбку и, смяв ее, словно исписанный черновой лист, швырнуть в мусорное ведро. Ученики были поглощены сами собой, перебрасываясь редкими фразами и хихикая. Легкие вновь наполнились кислородом до краев, и перед глазами помутнело, заплескали черные пятна.

История на острове должна была закончиться, а наши дороги разойтись. Он видел мгновение моей слабости, моего срыва. Прижимал меня к своему телу и прикрывал плащом, обшитым серебряными нитями, от всего жестокого мира. В нем я нашла утешения, когда бежать было некуда и не к кому. И мне стало страшно, ведь Глен мог воспользоваться знанием, что я сама предоставила ему, вручила в ладони и попросила беречь от Теней и Древних, совершенно забыв, что он уже был частью системы, которая никого не прощала.

Я уткнулась взглядом в экран телефона, гипнотизируя сообщение. Было ли это беспокойством? Было ли это попыткой помочь мне?

Зачем ты беспокоишься обо мне, Глен? Кем ты хочешь стать для меня?

— Ответь, — прошептала Эвон.

Не успела я обернуться, как девушка тут же исчезла. Она стала моей совестью, призывающей к действиям. Приняла на себя роль якоря, за который я всегда могла ухватиться и трезво оценить ситуацию.

«Все хорошо. Я привыкла жить двумя жизнями. Та закончилась на острове, эта продолжилась тут».

Где-то в глубине души я понимала, что лгала. Пыталась обмануть не сколько юношу, сколько себя саму. Очередное притворство, которому я хотела найти объяснение, но оно где-то затерялось. Я накрутила прядь огненных волос на палец и опустила взгляд на тетрадь, исписанную крупным почерком. Ухватиться бы хоть за слово, за любой завиток, чтобы вновь не провалиться в воспоминания, не позволить прошлому настигнуть меня.

Телефон вновь завибрировал. Я помедлила с полминуты прежде, чем открыть сообщение. Что ждало меня за дверью под названием «Выпускной Экзамен»? Кто был моим другом в этом жестоком мире, а кто давно записался в число врагов и лишь поджидал удобного случая, чтобы вонзить нож в спину?

За окном медленно покачивалась ива, разомкнув объятия из ветвей, приглашая меня спрятаться среди ее листвы. Я смотрела, как беспечно и лениво плыли по небу барашки

облаков, изредка закрывая солнце, собирая свет, чтобы отнести его в другие страны, подарить крошечную частицу тепла. Мирное голубое небо звало меня на крышу, где я часто укрывалась от проблем, обещая поведать парочку интересных историй. Осень неумолимо отбирала последние жаркие дни, собирала их в подол своего платья и, размахивая огромной кистью, присматривалась, выбирая оттенок, чтобы окрасить все вокруг.

Внутри все успокоилось. Крошечные демоны спрятали свои головы, убаюканные красотой, и я открыла сообщение.

«Собираюсь в Штаты через несколько месяцев. Можем увидеться, если хочешь».

Хотела ли я видеть Глена? Я и сама не могла отыскать в себе ответ на этот вопрос. Все было слишком сложно, смешалось в одну густую кляксу посреди яркой картины, и никак не удавалось разобрать рисунок. Гнойный нарост из старых ран и воспоминаний, который я не хотела беречь до лета, заныл, напоминая о себе. Я предпочитала прятаться от проблем, откладывая их в самый далекий ящик в надежде, что все как-нибудь само разрешится, забудется, сгладится. Но в жизни так не бывало. Чувства накапливались, словно снежный ком, который, казалось бы, сперва контролируешь, а после он уже катится сам по себе со склона, придавив тебя своим весом. И тут уже ничего не поделаешь.

«Не хочу загадывать».

Вот так просто. Никаких обещаний или отказов. Очередной побег от ответственности, от потребности выбирать, принимать решения. Я бы с удовольствием переложила весь свой груз на кого-нибудь другого, готового нести это ярмо за меня, да только где возьмется эта добрая душа, с готовностью принимающая подобные терзания добровольно? Забыть, закопать где-то в себе, притвориться, что я обычный человек, — вот тактика, которая спасала уже много лет от помешательства, которое в последние годы устало терпеливо поджидать под дверью и готовилось уже выбить ее с ноги.

Урок закончился. Ответа от Глена так и не последовало. Я была практически уверена, что парень все и так понял. Зачем оправдываться перед тем, кто с легкостью умел манипулировать мортами? Он мог забраться в мою голову, перерыть все до самых глубин и узнать правду, даже не напрягаясь. Он видел меня насквозь и без своих гениальных талантов. А я продолжала беспечно обманываться, что парень не представлял для меня опасности.

Подхватив рюкзак, я направилась прочь из класса. Стало вдруг как-то тесно в школьных стенах, и невыносимо душно. Расталкивая учеников, я выбралась на свежий воздух и вдохнула полной грудью. Уверенным шагом я направилась прочь. Ноги несли меня сами. Я отключила голову, ведь так было проще. Не думать, не вспоминать. Закрывая глаза, я все так же видела перед собой мокрый песок, свой пропитанный влагой плащ и чужие руки, прижимающие меня к себе, успокаивая.

В спину мне листьями шелестел ветер. Он следовал по пятам, будто оберегая от чего-то. Я ловила на себе скользящие взгляды прохожих, рассекая толпу, и чуть ли не неслась прочь от школы. Лишь оказавшись на излюбленной крыше в компании неба, я позволила себе остановиться. Сбросив рюкзак с плеча, я подошла к краю и глянула вниз.

Там, практически под моими ногами, шумел город. И он оглушал меня. Невольная дрожь в пальцах и выжженная сотнями Тесефи рана в груди усиливали боль и накатывающие волны паники. А что будет, если я прыгну? Сорвусь вниз раненой птицей и распластаюсь на асфальте. Нас ведь может убить лишь янтарь. Крошечный желтый камешек, всего лишь безделушка.

Непрощенные слезы застилали глаза белой пеленой, мешая видеть, и я тщетно пыталась

смахнуть их рукавом. На смену эфемерному спокойствию пришла тоска, пробравшаяся в самое сердце, и больно полоснула по нему, заставляя едва зажившие раны открыться. Я все никак не могла отогнать глупые воспоминания, навеянные сообщениями Глена. О том, как я ютилась в его объятьях, и каким же это казалось чертовски правильным. Будто вселенная вдруг перестала посылать на мою участь несчастья и слегка подмигнула, подсовывая под самый нос кого-то столь заботливого. Быть может, он мог бы стать для меня кем-то особенным. Там, в другом мире, где я родилась темной, как сама ночь, и пошла по иному пути.

Я пыталась найти в себе чувства. Собирала песчинки в надежде обнаружить пустыню и спасительный океан. Старалась разглядеть в теплоте карих глаз то, что было мне так необходимо. Зачем я обманывала себя, ища в себе любовь? Девушки обычно пытаются убить в себе любовь, понимая, что она ни к чему не приведет. Я же пыталась ее родить в себе, убедить сердце, что ему нужно сбиваться с ритма, а щеки заставить алеть. Я хотела, наконец, прекратить этот бешеный бег, замедлить карусель, что никак не останавливалась, а лишь набирала скорость, и меня вот-вот должно было стошнить от переизбытка адреналина. Глен мог бы стать моим спасением.

Только сердце предательски не отзывалось на уговоры и молчало.

Собрав себя воедино, я обнаружила, что на Гринвилл опустились сумерки. Я забылась в своем собственном кошмаре, свернувшись калачиком на крыше, и потеряла счет времени. Разобрав все по полочкам и наклепив на лицо привычную маску, обмотав предварительно хорошеньким слоем скотча, я направилась домой. Эвон бодро выхаживала рядом, мурлыча под нос песенку. Казалось, мой личный апокалипсис никак не затронул ее чувства, и девушка всего лишь покорно ждала, когда меня отпустит.

Все это начинало походить на какой-то цирк. Иногда, со всеми перепадами настроения, безумными мыслями и нахлынувшими из ниоткуда воспоминаниями, я напоминала самой себе девушку во время ПМС. Те же причуды, те же заботы. Только вот я не бросалась на всех подряд, а сама рыла себе могилу в собственной голове. После таких вот своеобразных припадков даже стыдно становилось за собственное поведение, и я втайне надеялась, что никто из знакомых не становился этому свидетелем.

Внезапно я почувствовала на себе чей-то взгляд. Ощущения были теми же, что и на фестивале. Кто-то упорно прожигал мне макушку, таращась в мою сторону. Внутри все натянулось, будто струна, и я осторожно обернулась, пытаясь разглядеть в толпе человека, смотрящего на меня. В том, что это был человек, я удостоверилась еще в день феста. Будь то морт, он не скрывался бы среди толпы.

Сколько бы я ни старалась высмотреть таинственную фигуру, все никак не удавалось. Либо я слишком невнимательно скользила взглядом по окрестностям, либо незнакомец умело скрывался. А этот взгляд так и въедался в череп, и мне становилось не по себе. Почему я? Что такого я из себя представляла?

— Пойдем, Айви. Я устала, — капризничала Эвон.

Оглянувшись в последний раз, я с облегчением отметила, что гнетущее чувство того, что за мной наблюдали, отступило. Я заметно расслабилась, позволив себе вздох. Стоило ли рассказывать кому-то о немом наблюдателе? Я никак не могла понять, имело ли это значение, или в ход вступило всего лишь мое разыгравшееся чересчур воображение.

Я двинулась дальше по улице, изредка смущенно и насторожено оборачиваясь, но

преследователь, кем бы он ни был, растворился в толпе. Я пообещала себе тщательнее обращать внимания на любые странности, происходящие вокруг, и попытаться разобраться во всем, пока не стало слишком поздно.

Прежде, чем направиться домой, я решила заглянуть в «Мун Теил». Тело молило о дозе кофеина, и я поддалась искушению насладиться двойным латте с сиропом со вкусом шоколадной печеньки. Звончек на двери привычно поприветствовал меня. На душе стало как-то непривычно радостно и легко.

— Здравствуйте, — девушка, стоящая около кассы, одарила меня улыбкой.

Я кивнула ей.

— Мне, пожалуйста, как обычно.

Я успела облюбовать эту кофейню как только та открылась, и Ронни с Дрэйком, работающие с самого начала, знали меня в лицо. Иногда мне даже не приходилось ничего говорить — заведя меня на пороге, Ронни тут же принималась готовить порцию излюбленного латте, расспрашивая о моем дне.

Через несколько минут стаканчик с кофе вручили мне в руки, и я уже собралась уходить, как, обернувшись, наткнулась взглядом на парня, только зашедшего в помещение. Что-то в нем было мне знакомым. Не стесняясь, я принялась рассматривать его. Высокий, слегка сутулый, худощавый парень с волосами золотистого цвета, которые в свете солнечных лучей напоминали блеск янтаря. Взгляд тут же зацепился за длинные пальцы, сжимающие в руках телефон и проворно что-то набирающие на экране. Длинный свитер серо-голубого цвета с воротником сидел на нем немного свободно, а потертые джинсы подчеркивали удобу ног. Парень поднял голову, и в меня вонзился взгляд двух разных глаз — зеленого и карего.

На мгновение я обомлела. Не часто встретишь человека с гетерохромией, и я, будто замороженная, наблюдала за его движениями. Незнакомец пересек расстояние между нами и остановился в полуметре от меня.

— Где бы мы еще встретились? — я уловила знакомые саркастичные нотки в голосе. — Мисс «Я что, наступила вам на ногу?», приятно видеть вас при свете дня.

На меня словно ушат воды вылили, а после еще и ведерком льда присыпали, чтобы уж наверняка отрезвить. Я открыла рот, но, не найдясь, что ответить, тут же прикрыла его, не сводя взгляда с незнакомца.

— Я так неотразим, что ты даже дар речи потеряла? — яд так и сочился из него. — Ничего, я подожду, пока твои голосовые связки восстановят функцию «Увеличить громкость».

Обойдя меня, юноша подошел к Ронни и сделал заказ. Я чувствовала себя нелепо и стыдливо покрывалась румянцем. Как назло, ответить ничего этому язве не удавалось, а злость на него застилала глаза. Парень открыто насмехался, а мне оставалось только хлопать ресничками и изображать недалекую девицу.

Развернувшись и посмотрев ему в лицо, я яростно выплюнула:

— Да чтоб ты подавился своим кофе!

И, не дожидаясь реакции, вылетела из кофейни, стукнув на прощанье дверью.

— Сюрприз! — раздался визг Лидии над самым моим ухом за секунду до того, как серпантин выстрелил мне в лицо.

Я ошарашено застыла с приоткрытым ртом на пороге дома Нии, глупо моргая. Воздушные шары, наполненные гелием, покрывали потолок, и от них вниз тянулись золотистые ленточки. Огромный плакат с поздравлением к моему дню рождения уместился на стене посреди гостиной. Повсюду, куда только хватало моего зрения, все было украшено в честь праздника, и на столе возвышался действительно гигантский торт. В голове мелькнула мысль, что такие обычно заказывали на свадьбы, но никак не на дни рождения.

Передо мной стояли друзья и ослепительно улыбались. Айзек нахлобучил на голову ковбойскую шляпу, а Оливия, о чудо! убрала волосы в конский хвост на затылке. Ния подскочила ко мне и сгребла в объятия, выбивая весь воздух из легких. Я неловко обвила руки вокруг ее талии, не зная, что сказать. Слишком велик был контраст с сухим поздравлением родителей, ведь для нас возраст не имел значения.

— Тебе уже восемнадцать, крошка, — Лидия чмокнула меня в щеку. — Пора выползть из маленького Гринвилла и отправляться в огромный мир.

Оливия сменила Лидию и нерешительно обняла меня, едва смущаясь. Я видела в ее взгляде понимание чего-то неизбежного, перемен, которые настигнут нас, как бы ни хотелось от них ускользнуть. В ее глазах часто проскальзывал отпечаток некой мудрости, наложенной временем, но я боялась спрашивать, спугнув ее своим любопытством.

— Ладно, маслинка, дай уже мне поздравить нашу солнечную принцессу с ее восемнадцатилетием, — Айзек мягко отодвинул Оливию от меня.

Девушка мгновенно спрятала взгляд и отошла, повинувшись. Внимание парня смущало подругу, и превращало редкие встречи всей компании в неловкий фарс, где я и Лидия все пытались разрядить атмосферу, а Ния то и дело злобно поглядывала на Айзека в надежде, что тот прекратит окружать Лив заботой.

— С днем рождения, — прошептал юноша, прижимая меня к себе.

Я погрузилась в его объятия, согретая теплом, и никак не могла перестать улыбаться. На глаза навернулись слезы. Друзья, сами того не понимая, подарили мне один обычный день, в котором я так нуждалась в последнее время. Воспоминания о лете и чувства, нахлынувшие после сообщения Глена, в которых я тонула, безуспешно пытаюсь выбраться на сушу, обрести опору, терзали меня не один день, кошмарами приходя посреди ночи. Я не могла отвертеться, выбросить их, словно ненужный мусор, и приходилось жить с осознанием неизбежного конца привычной жизни, который уже наступал на пятки, желая сбить меня с ног.

— Эй, чего разрюмсалась? — Ния взлохматила мои волосы, стоило Айзеку выпустить меня из объятий.

Я потеряла покрасневшие глаза и улыбнулась. В них было столько добра и любви ко мне, что все четверо решили позабыть о разногласиях между собой и сделать меня чуточку счастливее, а это о многом говорило. Казалось, стоило лишь моргнуть, и все растает, словно мираж в пустыне, и я вновь рухну в бездну, теряя равновесие. Но они все так же стояли передо мной, забавные и радостные, чего я вовсе не заслуживала.

— Она девочка, ей можно, — вступился за меня Айзек.

— Взрослая девочка, между прочим, так что должна уметь держать свои эмоции при себе, — отчеканила Ния.

— Не нужно ругаться, — едва слышно прошелестела Оливия, встречая между Айзеком и Нией, которые уже испепеляли друг друга взглядом, хотя в глазах парня было больше насмешки, нежели злости.

Он тут же положил руки на плечи Лив и прижал спиной к своей груди, заставляя девушку залиться румянцем.

— Отпусти ее, разве не видишь, что она сейчас сознание потеряет от смущения?

Я рассмеялась, утирая слезы, скопившиеся в уголках глаз. Все внимание тут же переключилось на меня.

— Вы неисправимы.

Лидия схватила меня за руку и потащила в комнату. Подходя ближе, я смогла рассмотреть, что на столе так же взгромодились несколько коробок пиццы и жареной картошки. Под ноги мне бросился Майло, щенок лабрадор, которого Ния привезла с собой из Норвегии, и принялся весело вилять хвостом, призывая меня поиграть с ним. Я наклонилась и погладила песика, на что он приветливо облизал мои пальцы и пару раз твякнул.

— Он тоже тебя поздравляет, — Ния протянула мне стакан с газировкой.

Щенок плюхнулся на пол, подставляя мне животик, и я запустила пальцы в шерсть. Майло весело вилял хвостом, и невольно я радовалась вместе с ним.

— Давай, остынет же, — с полным ртом позвал меня Айзек, держа в обеих руках по куску пиццы и откусывая от каждого по очереди.

Почесав у щенка за ушком на прощание, я присоединилась к друзьям. Они уже вовсю уничтожали еду, параллельно обсуждая фильм, который собирались включить на плазме в гостиной. Ния настаивала на боевике или экшне, споря с Айзеком, который отстаивал комедии с Джимом Керри или Пиратов Карибского Моря. Лидия попыталась предложить посмотреть что-то с намеком на фантастику или постапокалипсис, но предложение тут же отменили.

— А я хочу посмотреть «Пилу», — раздался непривычно громкий голос Оливии.

Все вдруг замолчали и уставились на девушку, которая с невинным выражением лица пила через трубочку сок.

— А в тихом омуте чертей-то не счесть, — первым отошел от шока Айзек и заулыбался, как Чеширский Кот. — Почему бы и нет? Девчат, вы как, не из пугливых?

Парень посмотрел Нию с Лидией, но те не возражали против предложения Лив. После все четверо уставились на меня.

— А я что? Мне все равно. Включайте, что душе вашей угодно, — я подняла руки в примирительном жесте.

Каким бы ни был фильм ужасов, моя жизнь была страшнее. Поэтому меня никак не пугали призраки или демоны, которыми пестрили кинематографические картины. Я научилась спать без сновидений при такой-то реальности, и парочка выдуманных историй не могла на меня повлиять.

Ния тут же схватила планшет и принялась искать на нем фильм. Оливия удовлетворенно улыбнулась, продолжая глядеть куда-то в пол и пить. Лидия вдруг оказалась рядом со мной на диване, отвечая на чье-то сообщение в сети.

— Парень? — спросила я.

Девушка тут же спрятала телефон и как-то загадочно отвела взгляд.

— Ничего такого, не обращай внимания, — ответила она.

Я пожалала плечами и откинулась на спинку дивана. Ния зашторила окна, и комната погрузилась в легкий полумрак. В кресле уже уютилась Оливия, а рядом на полу сел Айзек, облокачиваясь на ноги девушки. Она даже не шелохнулась, замерев, словно боясь спугнуть парня, причинить ему неудобства.

Ния упала в другое кресло и включила фильм на планшете, который параллельно транслировался на экран плазмы. От музыки, разорвавшей тишину, по моей спине побежали мурашки. Внутри меня плескалось сладостное предвкушение. Что-то подсказывало, что одним фильмом все не ограничится.

Стоило четвертой части «Пилы» пустить титры на экран, как Лидия подскочила со своего места и унеслась куда-то. Айзек поднялся и потянулся, зевая. За окном сгустился вечер, и на моем телефоне светились несколько пропущенных звонков от мамы. Я набрала ее номер телефона и приложила трубку к уху, вслушиваясь в протяжные, обезличенные гудки.

— Ты все еще там? — раздался женский голос по ту сторону.

— Да, мам, не волнуйся. Я, наверное, останусь на ночь, ты не против?

Повисло неловкое молчание. Женщина сомневалась. Она не одобряла мою близкую дружбу с людьми, считая, что я не была в состоянии разделить две жизни или отдать предпочтение Мортему, но видела, что я изо всех сил старалась вести себя правильно. В ней боролись желание поощрить мои попытки вести себя, как морт, и страх, что я сломаюсь, оказавшись в окружении людей.

— Ладно, — выдохнула, наконец, мама, и я расслабилась. — Но не забывай, что тебе в понедельник в школу, несмотря на день рождения, поэтому ты должна быть завтра не позже полудня дома.

— Спасибо, — пробормотала я и закончила разговор.

Лидия как раз вернулась в комнату и уютилась рядом. Ее взгляд блестел от радости, вызванной чем-то мне не понятным, но я решила не спрашивать. Знала, что не смогу добиться от нее ни слова, если девушка не желала делиться. Она, как никто, умела хранить секреты даже от самых близких людей.

Марафон фильмов продолжался до ночи. Когда мы закончили, шел первый час. Оливия мирно дремала в кресле, забавно посапывая. Голова Лидии покоилась на моем плече, и девушка изредка доставала телефон, чтобы ответить на сообщения от неизвестного отправителя, который заставлял улыбку цвести на ее губах.

— Поднимаемся, пора по койкам, — Ния подорвалась первая и включила свет.

Я зажмурилась и болезненно скривилась. Глаза успели отвыкнуть, и свет причинял боль.

— Уже ночь? — сонно пробормотала Оливия.

— Да, солнышко, — Лидия подошла к подруге и помогла подняться. — Идем, ты сегодня спишь со мной.

Постепенно все разбредались по комнатам, а я все продолжала сидеть на диване в гостиной и смотреть в потухший экран телевизора, не желая отпускать уже давно ушедший день. Что-то внутри мне подсказывало, что это едва ли не последний момент, когда я была безгранично счастлива, и счастье это не было затуманено проблемами и трудностями.

— Почему ты не идешь? — Айзек заглянул в комнату.

Я обернулась и посмотрела на него. Взлохмаченный, сонный, но от чего-то радостный,

словно ребенок, он смотрел на меня с беспокойством.

— Не хочу, чтобы этот день закончился. Не хочу вешать на него ярлык со словом «Прошлое».

Парень пересек комнату, попутно выключая свет, и, бережно обхватывая пальцами мое запястье, потянул в сторону выхода на задний двор. В лицо мне ударил ветер, а легкие наполнились ночным воздухом. Пройдя пару метров, друг отпустил мою руку. Он присел, запуская пальцы в промерзлую траву. Я молча смотрела на него и боялась сказать хоть слово, разрушить тишину.

Айзек просидел так несколько минут, а после разлегся на земле, приглашая меня лечь рядом. Я послушно последовала его просьбе и легла, устремляя взгляд в небо. Над нами едва заметно мерцали звезды, посылая сигналы из космоса, которые людям было невдомек разгадать. Мы ведь были столь малы на фоне гигантской вселенной, которая с каждым днем все расширялась.

— Этот день никогда не станет прошлым, — голос Айзека был непривычно серьезен. — Даже по прошествии миллиона лет он останется здесь, застывший в вечности. А мы с тобой так и будем лежать под звездами и говорить, и тебе все так же будет восемнадцать. *Всегда.*

Его слова звучали как обещание. Иногда меня пугала его проникательность и умение сказать что-то слишком важное в нужный момент.

— Я хочу тебя кое с кем познакомить. Пообещай, что не откажешься.

— Нет, конечно, буду только рада, — я улыбнулась.

Его пальцы коснулись моих и легонько сжали, придавая уверенности. Свет звезд в небе стал ярче. Этот день остановился в вечности, где мне без конца исполнялось восемнадцать.

Меня разбудил голос Эвон, напевающий какую-то мелодию. Я приоткрыла глаза и оглядела комнату. Девушка сидела на подоконнике, свесив одну ногу, и смотрела куда-то вдаль. Я выбралась из-под одеяла, стараясь не потревожить посапывающую рядом Нию. Босые ноги мерзли, касаясь холодного пола, и на цыпочках пересекла комнату, устраиваясь рядом с душой на подоконнике.

Солнце постепенно приподнималось над горизонтом, прогоняя тени с заднего двора дома Аккерман. Ветки старой ивы лениво покачивались на ветру, приветствуя очередной ноябрьский день. Через приоткрытое окно доносился шум автомобилей и запах выхлопных газов, спутников городской суеты. Даже в воскресное утро Гринвилл спешил куда-то.

— Каково это, быть восемнадцатилетней? — спросила Эвон, резко прервав песню.

Я перевела взгляд с Майло, бегущего в слегка пожелтевшей траве с высунутым языком, на подругу. Ей, навечно шестнадцатилетней, хотелось узнать, изменилось ли во мне что-то. Но внутри все молчало. Жизнь не вывернула руль в сторону, превратив происходящее в захватывающее приключение, не вырвала меня из лап Мортема, протягивая желанный подарок — свободу. Все осталось таким, как и прежде.

— Ничего не изменилось, если ты об этом. Я все та же я, неуклюжее, нелепое создание, которое застряло меж двух миров. Это ты хотела услышать? — с улыбкой спросила я.

Насмехаясь над самой собой, было проще переносить реальность. Казалось, стоит просто улыбнуться, как груз сам свалится с плеч, и станет легче дышать. Только вот цепи все так же окутывали сердце, а на легкие давило что-то. Иногда врать самой себе становилось невыносимо больно.

— Я хотела бы узнать, каково это... — прошептала душа, спрыгивая с подоконника. —

Я ведь так и не увидела жизни. Мечтала о романтическом поцелуе с Жаном посреди Центрального Парка в Нью-Йорке, а получила поцелуй с иномаркой. Неплохо она так по мне прокатилась, скажу я тебе. Иногда я все еще слышу хруст собственных костей. Знаешь, будто кто-то просто ветку сломал. Такой привычный звук, и такой страшный. Слыша его, я каждый раз вздрагиваю в ожидании боли. Но она не приходит. Только пустота, пугающая безмолвная пустота. Как думаешь, когда-нибудь, я смогу свыкнуться с тем, что случилось?

По телу побежал холодок. словно чьи-то ледяные пальцы коснулись затылка, пуская мурашек в бег по коже. Перед глазами, словно на повторе, то и дело всплывал образ Эвон, распластавшейся на дороге, ее пустых глаз и изуродованного тела, истекающего кровью.

— Самое смешное, что все в этом доме окажутся на моем месте. Или, что еще хуже, на месте тех, кто остался в стенах Хранилища. Они думают, что у них масса времени, как и я когда-то думала, но времени нет. Это понятие вообще порядком абстрактно. Вот ты дышишь, а в следующую секунду уже кто-то из мертвых вытаскивает твою душу наружу, унося подальше от мертвого тела.

— Но они живы, разве не так? Сейчас они живы, и только это имеет значение.

— Не обманывайся, — взгляд Эвон резал не хуже ножа. Жестокий, безразличный, пустой. — Они уже наполовину мертвы, и всего лишь двигаются из отправной точки в конечную. Все, что ты можешь сделать, так это наблюдать их путь длиной в несколько галактических мгновений.

Со стороны кровати послышался шорох, и из-под пледов показалась голова Нии. Девушка сонно потерла глаза.

— Что ты там делаешь так рано?

— Не спится. Не обращай внимания, — я послала подруге теплую улыбку, пытаюсь успокоить.

Эвон бросила завистливый взгляд на Нию. Пусть душа не признавалась, я видела в ней злость, направленную на моих друзей. Она ненавидела их за то, что те были живы, а она умерла молодой. Глупая ошибка стоила ей всего, и девушка втайне завидовала людям по ту сторону. Она видела мое желание уберечь друзей от неизбежного, и завидовала, ведь ей не посчастливилось встретиться с кем-то, как я.

— Иногда ты бываешь такой мерзкой, — едва слышно бросила я, обращаясь к душе.

— Все они умрут. Когда-нибудь. Пусть даже через десятки лет, — прорычала Эвон, сверля взглядом Нию. — И у тебя останусь только я.

— Заткнись, Эвон, — прошептала я. — Просто заткнись.

На пороге нашего дома меня уже ждала мама. Она обняла меня и пропустила внутрь. Я тут же уловила постороннее движение в гостиной. Хизер поднялась с дивана и неохотно подошла. Ее взгляд, колющий, как и прежде, избегал меня, словно сестра намерено не хотела признавать факт моего присутствия в комнате.

— С днем рождения, — сухо пробормотала девушка и протянула мне сверток. — Это от нас с Логаном и от Лизель.

Упоминание о бабушке тут же насторожило. Ее подарки никогда не сулили ничего хорошего, сколько я себя помнила, и, по обычаю, к чему-то обязывали. Я выдавила улыбку и приняла сверток из рук Хизер. Сестра тут же поспешила вернуться на диван, а ее место занял Логан. Мужчина сгреб меня в объятия и, лучезарно улыбаясь, пожелал стать самой лучшей на экзамене летом.

Логан Купер полюбился мне с первых дней нашего знакомства. Простой парень, без высокопоставленных родственников в Сенате, он умел вести себя непринужденно и без проблем влился в круг семейства Блумфилд, расположив к себе каждого. Я мало помнила о том времени, когда они с Хизер еще не были женаты, а после новоявленное семейство Купер переехало в Неваду, но еще с детства он ассоциировался у меня с сияющей улыбкой, словно у Логана каждый день наступало Рождество.

Мама предложила всем выпить чаю, и, пользуясь моментом, пока все понемногу перемещались на кухню, я ускользнула в комнату, чтобы переодеться и перевести дух. Порывшись в шкафу, я выудила растянутый слегка выцветший свитер и натянула его на себя.

— И что же могла передать тебе бабуля? — Эвон расположилась на кровати.

Я демонстративно отвернулась. После сказанного в доме Нии мне не хотелось говорить с подругой. Пусть ее слова и были правдой, но душа пропитала их завистью и ревностью. Внутри стало гадко от самой мысли о том, что девушка могла быть такой.

— Ты теперь со мной и говорить не будешь?

— Не хочу.

Эвон сложила руки на груди.

— Да ладно. Ты такая неженка? На правду обиделась?

— Не на правду, — отрезала я. — И я не обижалась. Мне просто неприятно видеть тебя такой.

— Уж прости, маленькая ранимая принцесса, такова реальность. Я говорю все так, как есть. Почему-то, из уст других тебя это не так задевает.

Я резко развернулась и уставилась на подругу. Девушка вопросительно смотрела на меня, слегка приподняв левую бровь. Свет, исходящий от нее, потемнел до цвета синей пыли, а пульсирующий огонек на месте сердца горел ярче. Слишком много эмоций, переполнивших душу, рвались наружу, но Эвон сдерживала их изо всех сил, пытаясь не выплеснуть на меня.

— Я злюсь, потому что ты ненавидишь их. Их всех, — я взмахнула руками от негодования. — Просто за то, что они живые. Ты делаешь вид, что все в порядке, но это не так, и я вижу, как ты смотришь на моих друзей с завистью и нескрываемой злобой. Ты хочешь, чтобы они оказались на твоём месте, почувствовали твою боль, узнали, что такое — быть мертвым. И это раздражает меня. Никто не виноват в том, что ты умерла. Ни ты, ни я, ни они. Никто над этим не властен, ты это понимаешь, Эвон? Никто! Морти всего лишь забирают душу из уже мертвого тела, а кому умирать — решать не нам. На кого же ты злишься? На судьбу, которая была прописана тебе уже в тот момент, когда ты появилась на свет, или даже еще раньше?

— Да, я ненавижу их! — взорвалась девушка. — Ненавижу за то, что они так беспечны. Почему никто из них не видит того, что происходит? Почему Оливия упорно не замечает, что нравится Айзеку? Почему Лидия никак не сходит на свидание с тем парнем из интернета? Почему Ния упускает шанс уехать учиться в Европу, когда у нее есть возможность, и остается здесь, потакавая желаниям ее родителей? Почему они отпускают поводья, позволяя лошадям скакать туда, куда им вздумается? Я ненавижу их за бездействие и бездумное отношение к тому, что им дано. У них есть возможность, у меня ее не было.

— Что у вас здесь происходит? — в комнате, откуда ни возьмись, появился Сид.

— Ничего. Просто я слишком устала от человечности, — отмахнулась Эвон и в мгновение ока исчезла за стеной.

Я рухнула на кровать. В груди клокотала ярость, застилающая взгляд. Мне надоело быть Эновисон, надоело видеть боль душ, которые уже никогда не смогут вернуть себе жизнь, и не иметь возможности ничего с этим сделать. На несколько мгновений мне захотелось, чтобы кто-нибудь из Тесефи забрался в мою голову, отбирая мой дар, заткнул надоедливых мертвых. Быть может, именно эта боль сделала Хибики безумной.

— Айви, все в порядке? — мальчик присел рядом и коснулся моих волос.

Я не заметила, как по щекам заструились слезы. Почему-то слова Эвон ранили меня. Словно я была повинна во всем, и в ее смерти тоже.

— Я устала, Сид, — пробормотала я. — Я так устала.

— Может, я могу помочь?

Не можешь, Сид. Никто не может.

Эвон ушла. Она перестала показываться мне на глаза. И я не хотела ничего менять. Без нее мне было спокойнее. Жизнь вернулась в обычный ритм. Хизер и Логан уехали, отец пропал в издательстве, мама все так же готовила мне завтраки по утрам. Я ходила на занятия, на ланче сидела вместе с Лидией и Оливией в кафетерии и наблюдала за безуспешными попытками Айзека добиться внимания со стороны Лив.

Возвращаясь домой после занятий, я все чаще ловила на себе чей-то взгляд. Я постоянно оглядывалась, но никак не могла отыскать в толпе нужное лицо. В такие мгновения мне не хватало Эвон, которая могла бы увидеть то, что ускользало от моего взора, но первой закапывать топор войны не спешила. Пусть душа и была моей подругой.

— Я на Рождество уезжаю с родителями в Австрию, — сообщила Ния.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Мы вчетвером сидели в кофейне неподалеку от школы после занятий. Осень постепенно подходила к концу, и в воздух понемногу пропитывался прохладой. Оливия куталась в свитер, пытаясь согреть вечно мерзнущие пальцы, и потягивала имбирный чай через трубочку. Забавная привычка. Казалось, я ни разу не видела, чтобы девушка пила что-либо обычным способом.

— Жаль, — Лидия вздохнула и почесала бровь. — Я хотела пригласить всех к себе. Думала, устроить что-то вроде пижамной вечеринки с девичьими секретами и просмотром рождественских фильмов.

— Мы можем собраться втроем, — предложила я. — Конечно, без Нии будет не то, но все же.

— О, конечно, не стоит все отменять из-за меня, — фыркнула подруга. — Тем более, не любитель я этих всяких розовых пижамок с зайчатами и прочей лабуды. Втроем вам будет веселее.

Официант принес чашку с горячим шоколадом и поставил ее передо мной. Я взяла ложечку и принялась помешивать жидкость, задумчиво смотря в окно.

— Мне кажется, или тот парень на тебя смотрит? — едва слышно пробормотала Оливия.

Я перевела взгляд на юношу, стоящего через дорогу. Прислонившись к стене здания, тот нервно курил. Даже издали я могла разглядеть, как дрожала его рука, сжимающая сигарету, и какими рваными были его движения. Незнакомец волновался. Несколько раз он посмотрел в нашу сторону, но быстро отводил взгляд.

— Не похоже, — я пожала плечами, возвращая все свое внимание чашке горячего

шоколада.

Но вдруг голову пронзило неприятное ощущение. Быть может, не тот парень, но кто-то точно наблюдал за мной. Волоски на руках стали дыбом, и я резко повернулась в сторону окна, высматривая незнакомца по ту сторону дороги. Юноша все еще стоял там и смотрел прямо на меня.

— А это разве не тот парень? — вдруг спросила Лидия. — Ну, который из автобуса. Твой тайный воздыхатель.

Курт. Я частенько замечала его неподалеку в школьных стенах, но ни разу не видела вне их. Вряд ли парень мог оказаться моим преследователем, но его поведение порядком настораживало.

Я поднялась из-за стола и уверенным шагом направилась прочь из кофейни.

— Ты куда? — полетел мне в спину вопрос Нии, но я его проигнорировала.

Зазвенел колокольчик, когда я открывала дверь. Волосы тут же спутал ветер, стоило мне оказаться на улице. Курт стоял напротив и зажимал меж пальцев тлеющую сигарету. Дождавшись, пока машин на дороге поубавится, я шагнула на проезжую часть.

— Ты рехнулась? — рядом выросла Эвон, преграждая мне дорогу. — Чего ты хочешь добиться?

— Отвали, — отмахнулась я, продолжая движение на другую сторону дороги.

— Айви, остановись, тебя же сейчас собьют!

В подтверждение слов души мимо пронеслась машина, недовольно гудя. Но я должна была посмотреть в глаза этому парню и спросить, какого черта он тут делал.

Поравнявшись с Куртом, я замерла. Его взгляд был таким же, как и в тот раз, в автобусе. Полный отвращения и страха, но юноша не бежал. Он стоял напротив, и его руки дрожали. От холода или от нервов, сказать я не могла.

— Привет, — поздоровалась я.

Курт кивнул. Его волосы растрепал ветер, и они торчали во все стороны. Я заметила небольшой шрам на лбу, который раньше парень скрывал прядями.

— Прости за странный вопрос, но... — я на мгновения замаялась. Запоздалая мысль о том, что юноша мог оказаться здесь случайно, и даже не смотреть в нашу сторону. Я не думала о том, что мне могла померещиться. Только вот отступать было некуда. — Ты случайно не следишь за мной?

Курт фыркнул. Он небрежно бросил окурок на землю и растер ботинком об асфальт.

— С чего бы? Я здесь отца жду.

Не успела я и рта раскрыть, как из магазинчика, около которого мы стояли, вышел тучный мужчина за сорок.

— Идем, Курт, — позвал он.

Парень выдавил улыбку и поспешил за человеком, по всей видимости, приходящимся ему отцом. Я почувствовала, как щеки наливаются стыдливым румянцем.

— А я говорила, — Эвон самодовольно усмехнулась.

— Но он ведь смотрел...

— И что? Люди, когда ждут, часто смотрят по сторонам. Тебе просто показалось. Паранойя, сладенькая. Просто паранойя.

Я смотрела вслед удаляющейся фигуре парня. Ссутулившись, он брел за отцом, который эмоционально размахивал руками, о чем-то рассказывая. Почему-то мне захотелось ему посочувствовать.

— Идем, сладкая. Тебе еще придется оправдываться перед подругами за такое странное поведение.

Эвон развернулась, взмахнув волосами, и направилась через дорогу. Я застыла посреди тротуара, обхватив себя руками, пытаюсь согреться. Кто знал, сказал ли Курт правду, но, стоило ему направиться вслед за отцом, как царапающий затылок взгляд исчез. В этом определенно была какая-то странность.

Айзек ждал меня около выхода из класса. Прислонившись к стене, парень что-то искал в телефоне. Завидев юношу, Оливия наспех попрощалась со мной и поспешила удалиться. Не успела я и глазом моргнуть, как девушка скрылась в толпе школьников.

— Ты ее пугаешь, ты в курсе? — спросила я, подойдя к другу.

Айзек оторвал взгляд от телефона и посмотрел на меня. Казалось, он не сразу сообразил, о чем я говорила. Я заметила красные ниточки лопнувших сосудов, что гнездились в уголках глаз, и волны нервозности, исходящие от парня.

— Маслинка снова сбежала? — вздохнул он, отстраняясь от стены.

Я лишь кивнула, хоть этого и не требовалось. Каждый раз история повторялась заново. Сколько бы юноша ни старался расположить Оливию к себе, она отстранялась и укрепляла стену, ограждающую ее. Казалось, стоило только Айзеку снести один слой защиты, как его место занимали новые, усовершенствованные препятствия. Любой на месте друга давно опустил бы руки, но парень стойко боролся за то, что было ему дорого.

Айзек двинулся в сторону выхода из корпуса. Я следовала за ним, ни о чем не спрашивая. Иногда суть дружбы заключалась в молчании. Тишина сближала теснее вороха глупых бессмысленных слов. В ней открывались тайны, именно она творила историю. Тишина стала нашим убежищем от того, о чем никто не хотел говорить.

В лицо ударил холодный ветер. Я сильнее укуталась в кардиган и прижала руки к груди, пытаясь согреться. Приближающаяся зима принесла в фартуке холод, и, убедившись, что никто не ожидает, встряхнула его на головы жителей Южной Каролины. Непривычный для Гринвилла морозный воздух наполнял мои легкие и скребся кашлем в горле.

Быстрым шагом я направилась к автобусу, что постепенно заполнялся учениками. Забравшись внутрь, я устроилась около окна, прижав к груди рюкзак. Айзек сел рядом. Его отстраненный взгляд блуждал по салону и все никак не находил за что уцепиться.

— Я просто не хочу быть, как все эти... — нарушил тишину парень. — Ну, знаешь? Когда ты весь такой из себя одариваешь ее вниманием, привязываешь к себе, а потом вдруг исчезаешь. Это ломает изнутри, а я не хочу ломать Лив.

— Я понимаю, — я сжала его ладонь.

Она была непривычно холодной. Пальцы дрожали, и это было так не похоже на уверенного в себе Айзека, которого я знала. С появлением Оливии что-то в нем изменилось. Человек, которого я в шутку называла принцем, куда-то исчез, и его место занял тот, кого мне еще предстояло узнать. Пропала вдруг его извечная дурашливость и безумный оптимизм, глупые шутки сменились теплыми улыбками, и я вдруг осознала, что парень повзрослел за прошедшие месяцы.

Автобус двинулся с места, медленно выезжая на дорогу. Вокруг царил гомон, но я практически не слышала его. Все мое внимание было сосредоточено на друге, сидевшем рядом и говорящем слишком правильные вещи. Он напоминал потерявшегося щенка, который тыкался носом в прохожих, ища хозяина. Только вот Айзек уже нашел того, кому хотел принадлежать, и всячески пытался обратить на себя внимание, ничего не требуя взамен.

— Так, чего это я вдруг? — внезапно парень приободрился, и его глаза засветились радостными искорками. — Разве не ты тут должна волноваться?

Я тут же залилась краской, отводя взгляд. С одной стороны, в предложении друга познакомиться с его семьей не было ничего необычного. Только вот я почему-то никак не могла унять безумное сердцебиение в груди при одной мысли о том, что предстояло встретиться с новыми людьми.

— Я предупредил их, что приеду с тобой, и сказал всем, что ты просто моя подруга. Винсент, конечно, вряд ли поверил, — Айзек почесал затылок и рассмеялся. Возле глаз тут же появились паутинки лучиков-морщинок, и это успокоило меня. Наваждение по имени «Оливия» временно отступило, возвращая мне лучшего друга. — Но я не могу представить им доказательства, так что, если будут приставать с расспросами, можешь смело послать их куда подальше, я не обижусь.

Я недоверчиво посмотрела на Айзека.

— Твоя девушка? Серьезно? Они действительно надеются, что у тебя она когда-нибудь появится?

— Эй, а вот это уже было обидно, свет очей моих, — парень сложил руки на груди.

— Скажи еще, что я не права, — я закатила глаза.

Юноша фыркнул и демонстративно отвернулся. Иногда наши псевдо-ссоры заходили слишком далеко, и трудно было отличить, задело ли сказанное собеседника или он просто упражнялся в актерской игре. Но я успела заметить тень улыбки, скользнувшей на губах парня, поэтому беспечно положила голову ему на плечо и прикрыла глаза.

— Ты был бы отличным парнем, — пробормотала я.

— Спасибо.

Когда мы выбрались из автобуса, на дворе стоял жуткий холод. Я поежилась и поспешила за другом. Айзек практически мчался по дорожке, едва не снося с ног прохожих. Благо, идти оказалось недалеко, и вскоре я уже бросала рюкзак в прихожей уютного домика.

— Айзек, это ты? — послышался крик откуда-то из глубины дома.

— Угу.

Я застыла, рассматривая деревянную лестницу, ведущую на второй этаж. Стена около нее была увешана фотографиями, и я не решалась спросить, можно ли их рассмотреть поближе.

— Эй, — Айзек коснулся моего плеча, привлекая внимание, — проходи, давай.

Я неуверенно прошла пару шагов и застыла в дверном проеме, ведущем в комнату, служившую гостиной. На полу сидел мальчик лет одиннадцати и играл на приставке в какую-то аркаду. Его волосы цвета карамели взлохматились и забавно торчали во все стороны, пока тот пытался расправиться с очередным заданием в игре. Серые глаза, такие же, как и у друга, сосредоточено следили за происходящим.

— Си Джей, где твои манеры? — Айзек отвесил брату подзатыльник, чем вызвал массу недовольства со стороны парнишки.

— Из-за тебя я проиграл, — Си Джей поднялся с пола и налетел на брата с кулаками. — Разве какая-то девчонка важнее игр?

— Не какая-то девчонка, а моя подруга. Ты обещал себя хорошо вести. Иначе мне придется запретить игры на приставке, — Айзек наклонился к мальчику ближе и едва слышно прошептал. — Ты же знаешь, что у нас и так денег не хватает. Трудно тянуть такую роскошь.

Я вздрогнула и отвела взгляд. Те слова предназначались явно не для моих ушей, и отчего-то стало стыдно, что я их услышала. Друг никогда не рассказывал ни о своей семье,

ни о том, что им чего-то не доставало. Он всегда выглядел достаточно веселым и беззаботным, поэтому я даже не задумывалась, что у него могли быть какие-либо проблемы.

— Ладно, — протянул Си Джей, в мгновение присмирив. Видимо, слова брата задели его. Мальчишка пригладил волосы руками и подошел ко мне, лучезарно улыбаясь. — Привет.

Я улыбнулась в ответ. Вблизи стали заметны веснушки, что солнце щедро рассыпало по щекам и курносому носу паренька, но, не могла не признать, что те добавляли ему обаяния.

— Он никогда не признается, но ты ведь его девушка, да? — глаза мальчика светились энтузиазмом.

Я наклонилась ближе к его уху и прошептала:

— Нет, но, скажу тебе по секрету, я знаю одну очень милую особу, которая вполне может ею стать.

Подмигнув Си Джею, я пересекла комнату и упала в объятия дивана. Тело постепенно согрелось. Я сбросила кроссовки и поджала ноги под себя, устраиваясь как можно удобнее.

— Расскажи мне больше, — мальчик тут же уселся рядом и с интересом таращился на меня. Солнечные лучи запутались в его волосах, и они стали еще больше напоминать растопленную на огне карамель.

— Нет, — усмехнулась я.

Айзек вернулся в комнату так же незаметно, как и исчез из нее. Он вручил мне дымящуюся чашку с чаем и присел рядом.

— О чем это вы тут секретничаете?

— Твоя *лучшая подруга* сказала, что у тебя кто-то есть, — выпалил Си Джей.

В меня уперся тяжелый недовольный взгляд парня, который я предпочла проигнорировать.

— Ее зовут Айви. И, думаю, вас больше не стоит оставлять наедине, а то еще, глядишь, она все мои тайны выдаст.

— Я стойко выдержала оборону и не выдала ему имени, мой капитан, — я шутливо отдала честь, за что получила удар подушкой.

— Кто еще дома? — спросил Айзек, переключая свое внимание на брата.

— Невил пришел за пару минут до вас, а Дилан сказал, что у него какие-то дела и что будет поздно, так что его можно не ждать.

Парень кивнул. Потеряв к нам интерес, Си Джей унесся куда-то вглубь дома, оставляя нас одних.

— Прежде, чем ты спросишь, у меня нет родителей.

Слова друга пригвоздили меня к месту. Я чувствовала, как расширяются мои глаза от удивления, но ничего не могла с этим поделать. В горле застрял ком, горечью отдавая во рту, и, сколько бы я ни пыталась, чай никак не мог заглушить это чувство.

— Я их и не помню толком. Мне было шесть всего. Несчастный случай. Они попали в аварию, когда ехали домой. Винсент и Дилан были с ними. Братья выжили, а вот родителей спасти не удалось. Поэтому... — голос Айзека дрогнул на мгновение, — пожалуйста, не делай такое лицо при них, ладно?

Я тут же отвернулась, пытаюсь скрыть подступившие к глазам слезы. Слова друга почему-то задели меня, и я никак не могла отделаться от мысли, что кто-то из моих сородичей вытягивал души его родителей из мертвых тел, и теперь они спят в Хранилище, навечно привязанные к Мортему. Что бы сделал Айзек, знай он, что в его гостиную сидела одна из тех, кто следовал за смертью по пятам?

— Айзек, обедать, — послышался голос, разорвавший неловкую тишину.

— Мне жаль, — только и смогла прошептать я.

— Не стоит, — парень сгреб меня в объятия, предусмотрительно забрав чашку из моих рук. — Я ничего не потерял, поверь. Винсент нам всем заменил родителей и дал больше, чем они могли дать. Так что я рос счастливым ребенком.

Высвободившись из объятий друга, я вытерла слезы и улыбнулась. Айзек не выглядел несчастным или обделенным, и я поверила ему. Быть может, потеря родителей не всегда оборачивалась трагедией.

— Идем, Винс ждать не любит.

Парень потянул меня за руку в сторону кухни, где за столом уже собрались остальные братья семейства Арджентов. Си Джей восседал во главе стола с важным видом, словно ему предоставили величайшую привилегию. Напротив него расположился юноша лет двадцати пяти с резкими чертами лица. Взгляд его серых глаз, скользнувший по мне, выражал откровенную скуку и безразличие. В нем чувствовалось что-то странное, слегка неестественное, но я не придавала этому значения.

— А он ничего такой, — шепнула мне на ухо Эвон и тут же растворилась, вновь оставляя меня наедине с братьями.

Последний из присутствующих, видимо, и был Винсентом. Мужчина лет тридцати разъезжал по всей кухне в инвалидном кресле, но делал это с такой легкостью, которая была присуща далеко не всем здоровым людям. На каштановых короткостриженных волосах кое-где осела мука, а теплый взгляд обволакивал, словно любимое одеяло. От мужчины веяло заботой и домашним уютом.

— Айви, Айзек, не стойте в проходе, присаживайтесь, — Винсент, наконец, остановился на одном месте за столом и расплылся в улыбке.

Друг легонько подтолкнул меня вперед, призывая последовать приглашению. Я присела справа от Си Джея, как раз напротив Винсента, а Айзек расположился рядом.

— Уже можно? — мальчик нетерпеливо заерзал на стуле.

— Кертис Арджент Младший, куда подевалось твоё воспитание? — раздраженный взгляд Винсента пригвоздил паренька к месту.

От неожиданной смены настроения по моей коже пробежал холодок. Я закусила губу и опустила взгляд. Знакомство с семьей Айзека становилось все более неловким с каждой минутой.

— Да ладно тебе, Винс, — друг беззаботно рассмеялся, — он просто взволнован появлению девушки в нашем доме, вот и все. Подростковый возраст, как-никак.

Лицо Си Джея тут же покрылось красными пятнами от смущения.

— Ты идиот, Айзек! — в сердцах выкрикнул тот, прикрывая лицо руками.

Невил усмехнулся, глядя на братьев, и, не дожидаясь разрешения Винсента, отправил в рот первую порцию спагетти.

— Эй, я же не разрешал есть, — мужчина возмущенно надул щеки. Его пугающий взгляд, обращенный на младшего из братьев, растворился, и тот выглядел, словно обиженное дитя.

Невольно я прыснула.

Картина, представшая пред моими глазами, оказалась не такой, как я себе представляла. Неловкость уступила место веселой атмосфере. Я уплетала спагетти с мясной подливой под гомон братьев, слушая их рассказы о том, как прошел день, и невольно никак не могла

скрыть улыбку. Все они казались мне давними знакомыми. Атмосфера, которой мне всегда не хватало дома, и чувства, переполнявшие меня все годы, вдруг воплотились в реальность, пусть и не с моими родными.

Вдруг хлопнула входная дверь. Рассказ Невила резко оборвался.

— Дела закончились раньше, чем я рассчитывал, и я готов познакомиться с чудо-девочкой, — послышалось из прихожей.

Голос был мне слишком знаком. Я слышала его ранее, но никак не могла сообразить, где именно. Шаги постепенно приближались, и я обернулась. Взгляд тут же уловил знакомые черты. На меня смотрели разные глаза — один зеленый, второй карий. Правый уголок губ дернулся в полуулыбке, и внутри меня взорвался вулкан эмоций.

— Да ладно, — протянул парень, оглядывая кухню. — Скажите мне кто-нибудь, что это недоразумение не имеет ничего общего с подругой Айзека.

Мои брови удивленно взметнулись вверх, и я в который раз поразились потоку едких фраз, вылетающих изо рта юноши. Я сильнее сжала зубы, пытаясь проглотить зlostные комментарии, которые так и хотелось бросить в лицо парня.

— Дилан, ты не говорил, что вы знакомы, — Айзек явно был сбит с толку.

— Как видишь, — он пожал плечами. — Сам не подозревал, что знаю твою чудо-девочку. Что же, привет, мисс «Подавись своим кофе», или как ты там мне пыталась угрожать?

— Ой, да иди ты к черту! — я резко поднялась из-за стола.

Быстрым шагом я направилась прочь из кухни. Проходя мимо Дилана, я бросила на него злобный взгляд, и, не задумываясь, выскочила из дома, оставив рюкзак лежать на полу в прихожей.

— Айви, подожди!

Я, дрожа от холода, быстрым шагом удалялась от дома Арджентов, не имея ни малейшего желания в него возвращаться. Замерзшими руками я обхватила себя, пытаясь согреться, и ледяная злость, переполняющая изнутри, заставляла тело остывать еще быстрее.

Чужие руки неожиданно опустились на мои плечи и резко развернули меня. Я застыла, испепеляя Айзека взглядом. Друг так же ежился от каждого порыва ветра, но не отпускал.

— Что случилось?

Голос юноши был переполнен беспокойством, и на какое-то крошечное мгновение мне стало стыдно за свое поведение. Парень не был виновен в том, что саркастичный незнакомец с фестиваля оказался его братом, но я не могла перестать его обвинять в молчании. Если бы он только познакомил нас всех раньше, быть может, я бы смогла избежать того унижения.

— Я не вернусь туда. Не хочу находиться под одной крышей с этим, — я взмахнула руками, сбрасывая ладони Айзека со своих плеч. Задубевшие пальцы едва шевелились. — Прости, твоя семья замечательная, и я благодарна за тот теплый прием, который они мне подарили, но Дилан... — я запнулась, боясь сказать лишнего.

— Да что же вас связывает? — в сердцах выкрикнул друг.

Порыв ветра разметал мои волосы. Почему-то я вдруг почувствовала себя слишком чужой в Гринвилле, стоя рядом с Айзеком. Он смотрел на меня в ожидании объяснений, но я не знала, что ответить. Ворох случайных столкновений и моя беспомощность сделали все только хуже, и я не хотела признавать, что злилась лишь из-за своей неспособности

выискать в голове остроумный ответ на сарказм Дилана.

— Глупая случайность. Забудь, это не так уж и важно, — я отмахнулась и, развернувшись, было уже направилась прочь. Ноги в летних кроссовках едва передвигались, скованные холодом.

Айзек схватил меня за руку и потащил обратно, в сторону дома. Я пыталась вырваться, но его пальцы крепко сжимали мое запястье.

— Что ты делаешь?! — кричала я. — Оставь меня в покое.

— Ты... Нет, вы оба. Прямо сейчас вы станете и объясните мне, что за чертовщина происходит, и никто никуда не убежит прежде, чем я не пойму, кто чьи песочные куличики растоптал, — отчеканил парень.

Его голос был полон раздражения, и я покорно притихла, позволяя другу дотащить меня до дома. Редко я сталкивалась с этой стороной Айзека. Он никогда не демонстрировал ярость, не кричал. Его выдавал холод, сочащийся отовсюду, исходящий из его сердца, который тут же заставлял меня подчиниться. Ноги окончательно замерзли, и я семенила за другом, надеясь, что не простыну.

Парень буквально втолкнул меня в дом и провел на кухню, где Винсент убирал грязную посуду в посудомоечную машину.

— Ты не мог бы позвать Дилана? — попросил Айзек, попутно усаживая меня на один из стульев.

Винсент молча кивнул. Теплота в его взгляде сменилась сосредоточенностью. Мужчина посмотрел на меня так, словно видел насквозь то, что творилось внутри. Проехав мимо нас, он скрылся в дверном проеме.

— Айзек, это глупо, — пробормотала я, пытаюсь образумить друга. — Ничего такого не произошло, клянусь тебе. Ты сам сейчас это поймешь, а мне будет очень стыдно. Не заставляй меня, пожалуйста...

Но друг не обращал внимания на мои слова. Он стоял, прислонившись к стене, и молчал. Я теребила пальцами рукава кардигана, пытаюсь унять дрожь. Послышались шаги, но я не хотела поднимать голову и встречаться с пронзительным взглядом, напоминающим о моей неуклюжести.

— Эпический побег не удался, зато каковы были эмоции, — протянул Дилан. — Восхитительная драма.

Заткнись, заткнись, заткнись!

Айзек молчал. Я все так же таращилась на свои колени, стараясь не думать о том, как же меня одновременно раздражало и смущало происходящее. Воздух вокруг, казалось бы, стал вязким и горьким, с каждым новым вдохом царапаясь внутри.

— Если ты хотел, чтобы я на все сто процентов удостоверился в том, что мне не почудилось присутствие мисс «Сидровый душ» в нашей кухне, то я успел это сделать. Могу ли я теперь оставить вас наедине разыгрывать дальше этот театр абсурда?

— Нет.

Я вздрогнула от неожиданности. Стальной голос Айзека разорвал тишину в клочья. Я резко подняла голову и посмотрела на друга. Его кулаки были плотно сжаты, и костяшки на пальцах побелели. Парень, который вечно горбился, пытаюсь казаться ниже своего роста, вдруг резко выпрямился и глядел на брата сверху вниз. Будь я на месте Дилана, сжалась бы под таким взглядом.

— Ладно. Я так понимаю, ты хочешь узнать, что меня связывает с этой огненной

девочкой, не так ли? — губы Дилана дрогнули в полуулыбке. Он опустил взгляд и сделал пару шагов в мою сторону. — Что же, это очень скучная история. Она всего лишь оттоптала мне ноги на фестивале, задала пару очевидно глупых вопросов, не требующих ответа, и сбежала, не поблагодарив за сидровый душ, который сама же себе и устроила. А во время следующей встречи, когда я припомнил ей неуплаченный должок, твоя чудо-девочка пожелала мне подавиться моим кофе.

Я не успела ничего сообразить, как парень оказался рядом и, наклонившись, накрутил прядь моих волос себе на палец. Правый уголок его губ был приподнят, что придавало едкости его улыбке, и я не могла оторвать взгляд от его глаз.

— Я ничего не упустил? — выдохнул он мне на ухо.

По телу побежали мурашки, и я дернулась, отстраняясь от юноши. На мгновение левый рукав свитера задрался, и я увидела белую полосу шрама, тянущуюся куда-то под ткань. Дилан заметил мой взгляд и поспешил натянуть рукав до самых пальцев, скрывая увечье. Резко ухмылка на его лице погасла. Парень развернулся и отошел от меня.

— В общем, — донесся до меня его едва слышный голос, лишенный каких-либо красок, — ничего интересного, как я уже и сказал. Она просто слишком эмоциональна и перепугана, словно кролик, на которого ведется охота.

Не давая ни мне, ни Айзеку времени переварить услышанное, Дилан покинул кухню. Я сидела на краешке стула и пыталась осознать, что произошло. Почему парень вдруг так отреагировал, стоило мне заметить шрам на его руке?

— Боюсь, тебе и правда пора, — подал голос Айзек.

Я перевела взгляд на друга. Тот все так же неподвижно стоял, опираясь на стену, и смотрел на то место, где еще недавно стоял Дилан. Он был, словно неживой. Я поднялась и робко приблизилась к парню, касаясь его руки. Айзек вздрогнул и перевел взгляд на меня.

— Если ты захочешь поговорить об этом, хорошо. Но не сейчас. Иди домой, Айви. А после спрашивай все, что захочешь, я отвечу.

Я кивнула и послушно направилась прочь, оставляя друга стоять посреди кухни. Подобрав рюкзак с пола, я вышла из дома Арджентов. И что-то подсказывало мне, что после сцены, устроенной в кухне, мне туда больше никогда не вернуться.

— С тобой все в порядке? — Лидия помахала рукой перед моими глазами.

Я оторвалась от созерцания подноса и перевела взгляд на подругу. Девушка ковырялась вилкой в салате и обеспокоенно смотрела на меня, ожидая объяснений.

Пока я пыталась собрать все мысли в одно целое и выдать вразумительную мысль, дверь кафетерия отворилась, и на пороге показался Айзек. Впервые за неделю после того, как я посетила его дом. Его взгляд встретился с моим, и юношеское лицо тут же осветила улыбка. Парень быстрым шагом направился в нашу сторону и устроился на стуле напротив меня.

— Приветтики, — друг схватил яблоко с моего подноса и вгрызся в него зубами. — Как поживаете? Куда мою маслинку подевали?

— Оливия приболела, поэтому осталась дома, — ответила Лидия. — А вот где пропадал ты все это время?

— У меня были неотложные дела, о которых я не имею права рассказывать, — парень подмигнул подруге.

Я не знала, как воспринимать то, как парень вел себя. Я оставляла его в кухне, потерянного и где-то глубоко в душе сломленного. То, что он видел, причиняло ему

невыносимую боль, я успела это понять за неделю, отведенную на размышления и попытки понять. Но что служило тому причиной?

Стоило Лидии на мгновение отвернуться, как около моей руки возник крошечный клочок бумаги.

«Нам нужно поговорить».

Подняв взгляд, я посмотрела на Айзека. Напускная бодрость дала трещину, и сквозь маску проглядывались истинные эмоции парня. Он был напуган. И ему очень нужна была моя помощь. Без раздумий, я кивнула, и друг облегченно выдохнул.

— Так, мне пора на историю, — Лидия поднялась из-за стола, так и не съев ничего. — Айви, ты идешь?

Я отрицательно покачала головой.

— Ну, как знаешь. Сама потом будешь разгребать свои проблемы.

И, подхватив свой поднос, девушка направилась прочь. Стоило ей отойти на пару шагов, как Айзек перестал улыбаться.

— Я обещал ответить на любые вопросы. Спрашивай.

Я закусила губу, пытаясь сообразить, что же я хотела узнать. Слишком много всего вертелось в голове, и никак не могло собраться воедино.

— Ладно, — Айзек взлохматил волосы и оперся локтями на столешницу. — Тогда начну сначала.

И он рассказал. О том, что им катастрофически не хватало денег. Винсент не мог работать, так как кому-то приходилось заниматься домом и учебой Си Джея, ведь мальчику плохо давались науки. Невил и Дилан тянули все на себе, и если первый умел справляться со стрессом, то вот второй превращался в едкое чудовище. После аварии, что произошла двенадцать лет назад, Дилан отстранился от людей, оградив себя от возможной боли, которую ему могли причинить. Он обтянул свое сердце колючей проволокой, а душу запер за множеством замков. Спрятавшись за сарказмом, парень привык к тому, что никто не видит его слабость. Единственным ее свидетельством были шрамы после аварии, которые юноша всячески пытался скрывать, даже летом натягивая рукава по самые кончики пальцев.

То, что Дилан сказал тогда, несколько не удивило Айзека, ведь он становился частым свидетелем подобного поведения. И он выставил меня не потому, что я что-то сделала не так, а из беспокойства за брата.

— Он странный. Мрачный, запертый в себе, и я не знаю, что на самом деле творится у него внутри. Иногда я ловлю себя на мысли, что начинаю приписывать ему всякие расстройства личности или еще что похуже, но я знаю, что это не так. Травма, полученная еще в детстве, сделала его таким. Он видел, как на его руках умирали родители, он сам барахтался в собственной крови, и ничего не мог с этим поделать.

Я молчала. Руки дрожали, и я впервые посмотрела на Дилана, как на человека с проблемами, не пытаясь выместить на нем злость за свою слабость. Я привыкла уметь постоять за себя в человеческом мире, но он каким-то образом сметал все мысли из моей головы. Я хотела винить парня, и именно поэтому злилась.

— Он в порядке? Из-за этого тебя так долго не было?

— А? Нет, с ним все хорошо. Дилан быстро отходит от всякого такого. Поверь, он уже и думать о тебе забыл, при чем, уже в тот же вечер, как ты ушла, — отмахнулся Айзек.

Его слова больно кольнули внутри. Я стыдливо отвела взгляд. Друг делился со мной проблемами, а я думала только о том, что для Дилана я была просто очередной истеричкой,

которая развела конфликт на пустом месте и чье имя можно даже не запоминать.

— Я работал. Пришлось немного поднапрячься, но мы оплатили все долги, и теперь братья могут немного расслабиться до нового года, — пояснил парень.

Я натянуто улыбнулась, пряча взгляд.

— Сладенькая, с тобой все в порядке? Ты покраснела, как рябина на снегу, — Эвон присела рядом и пытливо всматривалась в мое лицо.

Щеки горели. Я сильнее закусывала губу, не зная, что сказать.

— С тобой все хорошо?

Я слегка мотнула головой, сбрасывая оцепенение, что навалилось тяжким грузом, и улыбнулась, пытаюсь приободрить друга.

— Да, не переживай. Я просто немного задумалась о своем, — отмахнулась я. — Рада, что все в порядке. Прости, я, наверное, пойду.

Поспешно я поднялась из-за стола и направилась к выходу из кафетерия. Сердце колотилось в груди, словно сумасшедшее. Каждый стук болью отдавался в висках. Неприятное чувство. Я пожалела, что оставила обезболивающее дома.

— Айви, ты уверена, что ничего не произошло? — в голосе Эвон звучала тревога.

— Я просто решила, что стоит заглянуть на историю, чтобы потом не возникло лишних проблем.

Ложь.

Истинная причина была вовсе не в этом. Взгляд, прожигающий мой затылок. Казалось, он струился отовсюду, и, в то же время, я не чувствовала его источник. Словно он был в самом воздухе, которым наполнился кафетерий. Взгляд, следующий за мной по пятам и пугающий меня до дрожи.

Кто-то следил за мной уже долгое время. Он выжидал, искал мои слабые места, чтобы после напасть, а мне никак не удавалось отыскать преследователя. Кем бы он ни был, я определенно проигрывала.

Тревожное чувство никак не хотело покидать меня. Оно без конца скреблось внутри, привлекая к себе внимание. Оно горчило на кончике языка противной желчью, и мне все время хотелось запить этот привкус чем-нибудь сладким. Я то и дело оборачивалась, даже находясь в своей комнате наедине с мыслями, боясь застать кого-то за своей спиной. И чувствовала, как постепенно сходила с ума.

Сама того не осознавая, я постепенно начала отдаляться от друзей. Замыкалась в своем коконе из мыслей и страхов, что волнами фантомной боли накатывали вновь и вновь, силясь утопить меня. Я барахталась, захлебываясь слезами, но ничего не могла поделать. Грань меж двумя мирами стерлась, и я отчетливо ощущала угрозу, нависшую надо мной, крошечный осколок Мортема среди человеческого мира, который неустанно следил, чем бы я ни занималась.

— Ты не сможешь вечно прятаться от всего.

Едва заметное голубое свечение промелькнуло перед глазами, и на пол опустилась Эвон. Ее теплый успокаивающий взгляд обволакивал меня и грел изнутри. Девушка взяла мои руки в свои и слегка наклонила голову. Прядь коротких волос тут же упала на ее лицо, прикрыв правый глаз, и душа забавно прищурилась.

— Одеяло может быть твоим спасением на время, но когда-нибудь и в эту тихую гавань придет шторм, сметая все на своем пути. Помни, что ты сильная, Айви. Не смотря ни на что.

Я легонько сжала ее ладонь пальцами. Возможно, все это было всего лишь частью взросления, которую я не хотела принимать, но мне казалось слишком беспечным перестать прятаться от того, что так отчаянно желало меня настичь.

— Я устала от бегства, которому нет конца. И я не знаю, чего ожидать от своих же сородичей. В них всех живет тьма, которую я не хочу впускать в свое сердце, ведь она так пугает меня, — прошептала я.

— Прикрой глаза.

Я недоуменно посмотрела на девушку. Эвон лишь ободряюще кивнула, и я подчинилась, замерев в ожидании. Все погрузилось во мрак. Изредка темнота перед глазами плясала бликами светящегося за окном солнца.

— Ты боишься этой тьмы?

Ласковый голос подруги, словно елей, омывал мое сердце, заживляя кровоточащие раны. Я послушно следовала за звонкими звуками, сплетающимися в слова, что ниточкой тянулись сквозь мрак. Они взяли меня за руки и медленно повели вперед, разгоняя темноту.

— Я знаю, что среди нее где-то есть ты, и держусь за эту мысль, — ответила я.

— Запомни это чувство. Даже когда тьма станет частью тебя, а ты станешь единой со своим народом, я буду рядом. Пускай ты и не сможешь разглядеть меня, я все еще буду там, и никуда не денусь. Поэтому, пока у тебя все еще есть время, цени его. Цени каждое мгновение, что ты можешь проводить со своими друзьями, каждую улыбку, что они безвозмездно дарят тебе, даже не догадываясь о твоей истинной сущности. Оставь все то, что тебя тревожит сейчас, будущей тебе, которая определенно справится.

Я распахнула глаза и взглянула на подругу. Она сидела передо мной и сжимала мои руки своими пальцами, а в уголках ее глаз собрались капельки непрошенных слез. В то мгновение во мне что-то дрогнуло. Я никогда не замечала очевидного. Каждый раз, когда

Эвон пыталась меня чему-то научить, она говорила о себе, облачая свою боль в слова, чтобы помочь мне не повторить ее ошибок. У нее не было того, кто сказал бы о том, что придет день, и она окажется привязана к бессмертному созданию, вынужденной существовать до конца времен в облике души. Если бы каждому при рождении вручалась инструкция по жизни, избежать впустую потраченного времени стало бы проще, но такая роскошь не предусматривалась судьбой. Пройдя путь, усыпанный граблями, Эвон пыталась научить меня тому, чего некогда не смогла понять сама.

Я притянула подругу к себе и обняла. Ее прикосновения были практически неощутимы, но я знала, что она в этом нуждалась не меньше меня. Вечно храбрящаяся, неунывающая Эвон была такой же хрупкой, как и любая другая девушка.

— Спасибо тебе, — прошептала я.

На пороге школы меня уже встречала Лидия. Девушка разговаривала по телефону, и я заметила, как светились ее глаза. Подруга куталась в кардиган и пыталась спрятать улыбку. В ее коротких волосах запутался ветер, а щеки алели смущенным румянцем.

Завидев меня, девушка наспех попрощалась с собеседником и окончила разговор. Из раза в раз она пыталась отгородить всех нас от кого-то по ту сторону телефонной трубки, и оставалось только догадываться, кем он ей приходился.

— Твой таинственный незнакомец? — спросила я, поравнявшись с подругой.

Лидия лишь пожала плечами, загадочно пряча взгляд.

— Утра доброго, — из ниоткуда рядом вырос Айзек и взлохматил мои волосы.

Я недовольно поморщилась.

— Как там твоё семейство?

Я постаралась скрыть за будничным вопросом свое беспокойство. Почему-то мне никак не давал покоя тот факт, что Ардженты едва сводили концы с концами. Я привыкла жить в достатке, и становилось не по себе от мысли, что близкий мне человек не мог себе многого позволить. Я хотела помочь им, но понятия не имела, как. Да и вряд ли пятеро братьев радостно приняли бы помощь от девушки.

— Да вроде бы неплохо. Постепенно готовимся к Рождеству. У Невила нервишки немного шалют, и он срывается на всех, так что мы стараемся как можно меньше дома появляться, — друг расплылся в улыбке.

Мимо нас прошмыгнула Оливия, быстро бросив пару приветственных слов. Стоило девушке встретиться взглядом с Айзеком, как она тут же спрятала лицо за волосами и скрылась среди учеников.

— Прощу меня простить, — парень вычурно поклонился и поспешил за девушкой.

— И когда же она уже поймет, что действительно ему нравится? — вздохнула Лидия и, заправив челку за ухо, так же направилась в сторону класса.

Я подняла голову и посмотрела на затянутое ртутными облаками небо. Вдалеке раздавались раскаты грома, и постепенно на город надвигался дождь. Холодный ветер пронизывал до костей, и мне подумалось, что, быть может, впервые за многие годы в Гринвилле пойдет снег. Декабрь выдался изнуряющим, и мне хотелось поскорее оставить подошедший к концу год позади.

Бросив последний взгляд на небо, я зашла в здание. Большинство учеников уже разбрелись по своим классам, и коридоры пустовали. Из музыкального класса лилась скрипичная мелодия. Я забрала учебники из шкафчика и уже было направилась на урок мисс

Браун, как меня окликнул знакомый голос.

Обернувшись, я увидела Курта. Парень прислонился к стене и рассматривал меня. Презрение, что так часто скользило в его взгляде, когда я видела юношу, исчезло. Он источал уверенность и спокойствие.

Парень преодолел расстояние между нами и остановился передо мной.

— Я хотел извиниться, — казалось, он смотрел куда-то вглубь меня, и от этого становилось как-то не по себе. — Наверное, это было слишком, и от этого мое предложение прозвучит достаточно неловко и странно.

Я кивнула, призывая его продолжать, и пыталась понять, чего именно юноша хотел от меня. Он казался мне странным с самой первой встречи. Все те редкие столкновения не приносили ничего хорошего. Курт пытался разговаривать со мной, изображая интерес, а его тело словно жило отдельно от мозга. Дрожащие руки, бегавший взгляд, нервозность и несобранность. Я не могла понять, каков же парень настоящий.

— Я... — Курт запнулся и рассмеялся, отводя взгляд. — Не думал, что это будет так трудно. В общем, я бы хотел сходить с тобой куда-нибудь. Ты... — он посмотрел на меня, — ты согласна?

Я оторопела.

— Да ты ему нравишься, сладенькая, — пропела Эвон, наблюдавшая со стороны. — Вот чего он и дергался рядом с тобой, как уж на сковородке.

Я недоверчиво смотрела на парня и не могла понять, шутит ли он. Звучало сказанное действительно нелепо и довольно неожиданно.

— Это что, типа свидание? — выпалила я.

Такое было для меня редкостью. Я предпочитала не обращать внимания на парней в школе, зная, что ничего толкового из подобных отношений не выйдет, поэтому избегала предложений совместного времяпрепровождения.

— Ну, — Курт почесал затылок. В тот момент он казался довольно милым, и по-детски обаятельным, — я как-то не пытался это окрестить каким-либо словом. Но да, наверное, это свидание.

— Соглашайся, — прошептала Эвон и исчезла, оставив меня наедине с решением.

Я смотрела в его глаза, и видела, как где-то на задворках его души теплилась надежда. И сдалась. Слова подружки про то, что нужно жить мгновением, вовремя всплыли в голове, и я решила, что от одного похода куда-нибудь ничего не случится. К тому же, Курт казался милым и приветливым.

— Ну, можно, — я улыбнулась.

Парень облегченно выдохнул.

— Тогда в пятницу, хорошо? В шесть около школы.

Я кивнула. Юноша расплылся в улыбке и, попрощавшись, направился прочь.

По коридору пронеслась трель звонка. Я стояла около своего шкафчика, прижав книгу к груди, и смотрела на опустевший коридор, пытаясь в полноте осознать, что произошло. Резкая перемена в поведении парня несколько насторожила, но я списала все на стеснение и неуверенность в себе.

В кармане завибрировал телефон. Я вытянула его и разблокировала экран. Светилось одно непрочитанное сообщение. На мгновение сердце замерло, но я так ничего и не почувствовала. Очередная попытка отыскать в себе чувства к Глену окончилась провалом.

«Я в Штатах. Если захочешь встретиться, ты знаешь, где меня искать».

Как я и думала, улицы Гринвилла припорошило неожиданным снегом. Внезапно налетел северный ветер, и с неба посыпались белые мушки, устлая тротуар. Лужи, оставшиеся после грозы, покрылись корочкой льда. Спешащие по своим делам прохожие то и дело поскользывались, и лишь чудо удерживало их на ногах.

Я грела дыханием замерзшие ладони, стоя около школы в ожидании Курта. Парень запаздывал, и я нетерпеливо поглядывала на часы, перетаптываясь с ноги на ногу. Ступни начинали дубеть, и мне отчаянно хотелось спрятаться в ближайшем здании и выпить чего-нибудь горячего. Солнце уже скрылось за горизонтом, и улицы освещал приглушенный свет фонаря.

Мимо меня спешили люди. Близилось Рождество, и в воздухе уже ощущалась атмосфера праздника. Я наслаждалась музыкой в наушниках и подпевала себе под нос, следя взглядом за окружающими. Предпраздничная суматоха, казалось бы, охватила весь Гринвилл, и горожане слонялись из магазина в магазин в поисках идеальных подарков. То и дело мимо пробегали дети, радостно смеясь, и бросались друг в друга снежками. Некоторые из них впервые были свидетелями такого снегопада.

Снежинки падали на мои волосы и таяли. Шапку я благополучно забыла дома, и постепенно прическа, которую я сооружала около полудня, превращалась в свое мокрое и не самое симпатичное подобие. А Курт все не появлялся. Взглянув на часы, я удостоверилась, что парень должен был прийти около пятнадцати минут назад.

Подругам я ничего не сказала о свидании. Пробуя это слово на вкус, я поняла, что совершенно ничего не чувствовала. Не было ни волнения, ни сладостного предвкушения, которое по обычаю испытывают девушки. Тогда это было спонтанным решением, о котором я практически сразу пожалела, но заставить себя отказаться не смогла. Курт был так взволнован, что мне казалось слишком неправильным лишать его возможности провести со мной время, хоть из этого бы и не вышло ничего толкового. Да и мне было интересно напоследок сходить куда-нибудь с обычным парнем и провести время, как человек, прежде, чем жизнь в роли жнеца поглотит меня.

Моего плеча коснулась чужая рука, и я отшатнулась. Обернувшись, я встретила взглядом с запыхавшимся Куртом. Я вынула наушники из ушей и выключила музыку.

— Прости, я не думал, что отец так меня задержит.

— Ничего, — я улыбнулась.

Ругать его мне не хотелось. Парень не был мне дорог, и велика вероятность, что эта встреча станет последней для нас обоих, ведь продолжать я не планировала.

— Я думал, мы могли бы поехать в одно место. Оно мне очень нравится. Ты не против? Там готовят очень вкусную пиццу.

Я пожала плечами. Юноша попытался взять меня за руку, но я сделала вид, что не заметила этого, и спрятала ее в карман. На мгновение во взгляде Курта промелькнуло раздражение, но парень практически мгновенно приободрился и широким шагом направился к остановке, поджидая автобус. Я последовала за ним.

— Я точно не кажусь тебе странным? — спросил юноша, стоило нам устроиться на сидениях в транспорте.

Я струсила снежинки с куртки и посмотрела на спутника. Он выглядел практически так же, как в нашу первую встречу. Взлохмаченные влажные волосы, капельки пота на лице, запыхавшийся и немного уставший вид. Единственное, что отличалось, так это взгляд,

который не источал отвращения.

— Да нет, все в порядке, — я ободряюще похлопала его по плечу, пытаюсь придать уверенности.

— Оставляю вас наедине, голубки, — проворковала Эвон и прежде, чем я успела бы возразить, исчезла из поля моего зрения.

Стоило ей раствориться, как меня захлестнуло желание попросить ее вернуться. Я не знала, как вести себя, чтобы не обидеть парня, но и не давать ему ложных надежд. А Эвон была той, кто мог бы с этим помочь, дав пару советов.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил Курт, заметив мою взволнованность.

— А? — рассеянно пробормотала я. — Да нет, все в порядке.

Автобус медленно двигался улочками Гринвилла, и когда я обратила внимание на происходящее, мы были уже на окраине города. Парень встал и двинулся к выходу, и я засеменила за ним, оглядываясь по сторонам. Тот район был мне незнаком. Полузаброшенные дома темными окнами с выбитыми стеклами смотрели на нас. В воздухе витал запах затхлости и гниения. Я поморщилась и чихнула. Не самое удачное место выбрал Курт, чтобы сводить туда девушку.

— Идем, здесь недалеко, — юноша кивнул в сторону поворота.

Казалось, его вовсе не смущала обстановка, царящая вокруг. Он уверенным шагом шел в направлении только ему ведомого места, и в мою голову постепенно начали закрадываться сомнения об истинности его намерений. Но, обогнув очередной из пугающе пустых домов, мы вышли к небольшому зданию. Вывеска с надписью «Папа Чили» мигала, рассеивая темноту.

Изнутри заведение оказалось довольно уютным. Маленькие столики с диванчиками, приглушенный свет, светильники, украшенные бахромой, свисали с потолка. Курт подождал, пока я сниму куртку, и понес ее к вешалке, позволив мне выбрать место, где бы я хотела расположиться.

Я прошла вглубь зала и устроилась на диванчике цвета молочного шоколада около окна. За стеклом медленно кружились снежинки и плавно оседали на подоконник и промерзлую землю. Разбитое стекло устилало асфальт рядом с темными окнами, и в глубине пустующих домов сквозняком завывал ветер.

— Знаю, не самый презентабельный район, но я люблю бывать здесь. Местная еда того стоит, поверь, — парень расположился напротив меня.

Внутренняя дрожь постепенно унялась, и тревога отступила. Курт считался с моими желаниями, и всячески пытался оправдать потребность ехать так далеко, веселя меня историями и расспрашивая о моих увлечениях. Пицца оправдала все ожидания и оказалась поистине шикарной. Я не заметила, как умяла половину порции, и с радостью повторила бы. Но время постепенно близилось к ночи, и подошло время уходить.

Я не могла отрицать того, что с Куртом было весело. Парень всячески пытался мне угодить, и я искренне смеялась в его присутствии. Временами я замирала, прислушиваясь к внутренним ощущениям, но сердце молчало, и я облегченно выдыхала. Это оставалось всего лишь приятным вечером в хорошей компании, не пересекая границ.

Перед уходом юноша подоспел с моей курткой и галантно помог мне ее надеть. Укутавшись как можно теплее, мы покинули «Папу Чили» и направились обратно, на остановку. Ветер на улице поутих, и снегопад прекратился. Под ногами приятно хрустел снег. Пустые дома больше не настораживали. Они казались давними друзьями, с которыми я

привыкла проводить пятничные вечера.

Постепенно пальцы начали замерзать, и я спрятала руки в карманы куртки. Внезапно ладонь обожгло, и я вскрикнула от боли. Резко вынув руку, я устояла на пылающий отпечаток на коже. Ноги затряслись, и перед глазами заплескало. Натянув рукав до самых пальцев, я вновь опустила руку в карман и вынула небольшой камешек, переливающийся золотом.

— Откуда?.. — ошеломленно пробормотала я.

Подняв взгляд, я оторопела. Курт скалился и испепелял меня взглядом. В его глазах плескалась нескрываемая ненависть и отвращение. Он сплюнул на снег и сделал шаг в мою сторону.

— Я знал, — протянул он, наступая. Я попятилась. Янтарь выпал из руки и утонул в снеге. — Я знал, а мне никто не верил. *Я видел!* — голос парня постепенно срывался на крик. — Они считали меня сумасшедшим. Конечно же, морт с рыжими волосами, что за чушь? Но я знал, кто ты такая.

Безумный хохот обрушился на меня, и я едва устояла на ногах. Сердце бешено билось о ребра. Я прижимала пылающую ожогом ладонь к груди и все пятилась, пытаюсь увеличить расстояние между собой и юношей. Лицо Курта исказила насмешливая гримаса.

— Но как ты?.. — бессвязно бормотала я. — Я ведь не...

Я была беспомощна. Все, чему нас учили в Академии, тотчас испарилось из памяти, и я металась из стороны в сторону, пытаюсь найти решение. Мой талант был бесполезен, и я не знала, за что хвататься, чтобы спастись. Курт внезапно показался мне высоченной глыбой мышц, которые мне в жизни было не победить.

— О да, ты была осторожна, даже слишком. Ты то и дело оборачивалась и рыскала взглядом в поисках преследователя. И тогда, около кафе, ты едва не поймала меня. Как удачно рядом оказался отец, и мне даже не пришлось толком лгать, чтобы вернуть себе честное имя. Но я подмечал даже самые крошечные детали. Ты то и дело морщилась ни с того, ни с сего. Иногда смотрела куда-то, где никого не было, и периодически даже отвечала пустоте, когда думала, что никто не видел. Но я видел. *Я видел!* — последние слова парень прокричал, и я вздрогнула от неожиданности.

Шаг, и я уперлась спиной в стену. Кровь похолодела в жилах, и я стояла, съежившись, словно загнанный зверек. Ноги давно замерзли, и бежать было бессмысленно. Неистово хотелось запихнуть ладонь в сугроб, дабы унять жжение, но я замерла, словно истукан, и следила за парнем, ожидая нападения.

Но Курт словно игрался со мной. Его забавляла моя беспомощность, моя слабость. Он медленно, даже немного лениво, приближался ко мне, и его безумный взгляд был прикован ко мне.

— Откуда я знаю про вас? Некогда моя семья была одной из тех, кто истреблял вас, словно нечисть. А потом... — парень выдержал паузу, — потом их изгнали. Но я знал, что смогу вступить в ряды охотников, если убью хотя бы одну тварь. И как же мне повезло учиться с одной из таких в одной школе.

Глухой стук сердца отдавался в висках, а в горле стал ком, который я не могла проглотить. Впервые я была так напугана. Даже Гюнтер не мог внушить мне тот истинный страх, который я испытывала, смотря в глаза Курта.

Парень приблизился ко мне. Наши лица разделяло всего несколько сантиметров, и я чувствовала его дыхание на своей щеке.

— Ты красивая, Айви. Очень красивая. И, возможно, я бы влюбился в тебя, будь ты обычной. Но ты тварь, а тварей нужно истреблять. Ты ведь не обидишься на меня за это, правда? — прошептал юноша.

По телу прошла дрожь. Я никак не могла заставить себя двигаться, словно заледенев от холода и слов парня. Он был так близко, ему ничего не стоило в мгновение ока расправиться со мной, а я не имела понятия, как выкрутиться.

Рука Курта нырнула в карман куртки, и он вынул пистолет. Внутри все похолодело.

— Ты побледнела. Знаешь, что это, не так ли? Он заряжен пулями из янтарного пепла.

Победная ухмылка не сходила с его лица.

— Мы ведь никого не убиваем, — выдавила я. Голос хрипел и не слушался. К глазам подступили слезы. — Мы только забираем души уже мертвых людей. Это наша работа, ты не...

— Не понимаю?! — оборвал меня парень. — Чего я не понимаю? Вы забрали мою маму, когда я был еще ребенком. Разве я этого заслужил?! Разве *она* этого заслужила?!

— Нет, но она, — заикаясь, бормотала я, — она ведь умерла, да? Это не в нашей власти.

— А мне плевать, — Курт залился хохотом. — Ты всего лишь инструмент, способ вернуть семье былую профессию. Ты жертва, а я охотник. И ничего более.

Прядь огненных волос упала на лицо, и парень потянулся, чтобы убрать ее с моих глаз. Я не желала, чтобы он прикасался ко мне, чтобы он делал мне больно. Увернувшись, я толкнула парня. Внутри тугим узлом затянулась ноющая боль.

Послышался выстрел, и плечо обожгло. Меня отбросило обратно к стене. Я чувствовала, как ткань постепенно пропитывалась вязкой липкой кровью, что внезапно стала похожей на расплавленный свинец, сжигающий меня изнутри. Прикрыв глаза, я приготовилась к решающему выстрелу, но его не последовало.

Я опустила взгляд и ахнула. Курт лежал на земле, а из его головы тоненькой струйкой вытекала кровь, окрашивая снег бардовыми пятнами. С трудом я заставила себя оттолкнуться от стены. Сделав шаг, я поскользнулась на льду. Колени больно ударились об асфальт. Превозмогая боль, я подползла к парню и нащупала под тканью вену. Тишина.

— Нет, — пробормотала я. — Нет, нет, нет... Ты не можешь умереть!

Мою руку заливала кровь, а я все пыталась растормошить парня, лежащего на снегу. Его пустой взгляд, устремленный в небо, казался мне шуткой, глупой бутафорией. Курт не мог просто поскользнуться и умереть. Он не мог, просто не мог.

Пальцы сами отыскивали в кармане телефон и набрали номер. Протяжные, пустые гудки разрывали тишину.

— Ты все же позвонила, — раздалось по ту сторону.

Слезы брызнули из глаз.

— Глен, ты нужен мне. Я не знаю, кому еще могу доверять. Пожалуйста, ты должен помочь мне.

— Где ты?

Я продиктовала адрес, который видела неподалеку на покосившейся заржавевшей табличке. Руки тряслись, и я вся дрожала, зарывшись в снег.

— Я сейчас буду. Слушай меня, слушай мой голос, Айви. Хорошо?

Я закивала, словно болванчик, и никак не могла остановиться. Пальцы сжимали рукав куртки мертвого парня. Боль от ожога постепенно начала угасать, а плечо горело огнем, и я не знала, что мне делать. Слезы без конца лились из глаз и замерзали на щеках, покрывая их

тоненькой корочкой льда.

Спаси меня, Глен. Спаси меня. Спаси меня.

Где-то под ребрами все еще тлела надежда, что, словно по волшебству, Курт вдруг резко вдохнет полные легкие воздуха и закашляется, приходя в себя. Слишком картинная сцена из фильмов, которой не было места в жестокой реальности. Снег медленно припорошивал все вокруг, забивался за шиворот, и постепенно вбирался влагой в одежду, что тяжестью оседала на теле. Окоченевшие пальцы хватались за рукав чужой куртки, будто ища спасения.

— Что, черт возьми, здесь произошло?

Как же мне хотелось закрыть уши. Голос Эвон был слишком громким, и будто разрывал барабанные перепонки.

Не думай, не думай. Просто не думай ни о чем, и все пройдет, все исчезнет.

Но ничего не происходило. Пейзаж перед глазами не менялся, а рядом холодело мертвое тело того, кто не должен был погибать. Боль в плече жгла, пылала огнем, просачиваясь все дальше, и крошечная крупичка едва живого разума понимала, что нужно вынуть пулю из плеча, иначе я умру. Но я не могла заставить себя пошевелиться.

Я убила его, ведь так? Это ведь я его убила. Не лед, не случайность, а я...

К горлу подступил комок, и меня затрусил. Все вокруг покрылось черными пятнами, постепенно пожирающими мое зрение. Пальцы зарылись в волосы и больно сжали их у самых корней. Волнами накатила паника, ударяясь о скалы сознания, и я закричала. Склонившись над телом Курта, я ударила его кулаком в мертвенно неподвижную грудь. А после еще раз. Снова и снова. Я кричала и лупила парня, забыв про холод и боль.

— Что ты делаешь? — Эвон пыталась остановить меня, но она была слишком слаба, чтобы задержать удары хоть на мгновение.

Не успела я огрызнуться, как сильные мужские руки подхватили меня и оттащили в сторону. Я, словно кукла, обмякла, позволяя управлять собой. Глен усадил меня на деревянный ящик, лежащий поодаль, и обхватил мое лицо руками.

— Я здесь, Айви, — его тихий уверенный голос успокаивал меня. — Я рядом. Расскажи мне, что случилось?

Я смотрела в его карие глаза, и не могла подобрать слов. Жалобно всхлипнув, я разрыдалась. Руки юноши были такими теплыми и согревали покрасневшие щеки. Я жевала нижнюю губу, пытаюсь заглушить завывания, и почувствовала, как рот наполнился кровью.

— Тише, тише, — шептал Глен, поглаживая большими пальцами кожу. — Все хорошо, Айви, все обошлось.

— Не обошлось, — бормотала я, захлебываясь слезами. — Он знал. И я... Я понятия не имела, что так выйдет. Глен, я правда не знала. Я не хотела, чтобы он умер.

Парень прижал меня к себе, позволяя уткнуться носом в его грудь. Он гладил меня по волосам, как и тогда, на острове, и успокаивающе шептал мне, что все в порядке. Но я не могла поверить его словам, ведь в паре метров от нас лежало доказательство обратного.

Мне казалось, мы застряли в бесконечном мгновении. Время застыло, а ночь укрыла нас своим покрывалом, позволяя спрятаться от всего мира. Где-то в снегу звонками надрывался телефон, но я не хотела покидать объятия Глена. Там, в теплоте и безопасности, я чувствовала себя защищенной.

— Почему ты не можешь просто отыскать в моей голове нужное воспоминание? —

спросила я, успокоившись.

— Твоему телу больно, оно сопротивляется. Ты выталкиваешь меня прочь, сама того не осознавая.

Ответ, что я искала все это время, оказался слишком прост, и это поразило меня. Если бы я только знала, что стоило причинить себе боль, чтобы Гюнтер не смог забраться в мою голову, я без раздумий сделала бы все возможное, только бы избежать мучений.

— Курт знал. Он привел меня сюда, чтобы убить, и вернуться к охотникам. Я никогда не слышала о них, но он был уверен, что охотники на нас существуют, и если он избавится от меня, они примут его в свои ряды. А потом, — я запнулась. Воспоминания болью кольнули в груди. Выдохнув, я продолжила: — Он попытался коснуться меня, и я, испугавшись, оттолкнула его. Курт поскользнулся и упал, ударившись головой. Но перед этим успел выстрелить, только промахнулся.

Я не узнавала свой голос. Отстраненный, монотонный, словно я лишь отчитывалась о произошедшем на моих глазах, а не была участником. Глен кивнул и поднялся.

— Сперва, я позабочусь о нем, а потом вернусь за тобой, хорошо?

Я молча опустила взгляд на снег, постепенно окрашивающийся в багровый цвет. Рука онемела, и я едва могла пошевелить кончиками пальцев. Холод отступил, и меня душил жар, растекающийся по всему телу. Я подняла взгляд на небо, затянутое тучами. Крошечные белые мушки медленно кружили над городом, гонимые ветром, и оседали на землю. Нос забил запах сырости и гнили. Пустые оконные рамы смотрели на меня со всех сторон, и будто спрашивали, что я забыла среди давно покинутых зданий.

— Я был прав, — послышался голос рядом.

Я повернула голову и уставилась на Курта. Его тело излучало яркий золотой цвет. На удивление, он был спокоен и даже как-то отрешен.

— Я не хотела, — прошептала я, отводя взгляд.

Откуда-то пришел стыд. Я боялась смотреть на того, кто умер по моей вине, и знать, что ничего этого могло бы и не произойти, если бы только я не решила удовлетворить свой интерес.

— Я бы удивился, скажи ты что-то другое.

— Заткнись, Курт, — вмешалась Эвон. — Ты мертв, смирись. А она вовсе тут и не при чем. Сам напросился. Морти не трогают живых.

— Запомни мой совет. Они все равно найдут тебя. Как бы то ни было, держись подальше от людей, если хочешь жить, — бросил парень.

Когда я подняла голову, его уже не было. Рядом сидела Эвон и нервно теребила прядь волос.

— Прости, я должна была быть рядом, даже если бы это оказалось обычным свиданием.

— Ты не смогла бы помочь, — отчеканила я.

Глен все еще возился у тела Курта, и я наблюдала за его плавными уверенными движениями. Почему-то в голове мелькнула мысль, что он мог бы быть прекрасным пианистом, как и мама, ведь его порхающие движения так походили на игру за фортепиано. Чувствовалась легкость, которая давалась природой с рождения, и которой меня обделили.

В его длинных волосах запутались снежинки, и я смотрела, как одна за другой они таяли. Плащ постепенно намокал, утопая в пропитанном кровью снегу. Мне захотелось попросить его бросить потуги разобраться с моими проблемами и оставить одну разгрести все. Слишком уж много он на себя взвалил.

— Ты все так же пытаешься влюбиться в него? — тихо прошептала Эвон.

— Больше нет, — плечи непроизвольно дернулись. — Ничего, кроме сестринских чувств, я к нему испытать не могу. Смотрю на него, и могу представить его лишь в роли старшего брата.

— Ну, инцест, конечно, далеко не в почете, но существует ведь, — девушка насмешливо толкнула меня.

— Иди ты, — отмахнулась я. — Еще большего бреда придумать не могла?

— Подумай над моими словами, он вполне может стать тем, что тебе нужно, — душа подмигнула и исчезла.

Глен поднялся и, отряхиваясь от снега, подошел ко мне. Меж его бровей пролегла складочка, а задумчивый взгляд блуждал по окрестностям, не останавливаясь на чем-то конкретном. Парень протянул мне телефон, который я потеряла в снегу.

— Я отнесу души в Хранилище, а ты подожди меня здесь, хорошо?

Я кивнула, и Глен тут же растворился.

Я разблокировала телефон и посмотрела на экран. Миллион пропущенных от мамы, но я не спешила набирать ее. Запоздало я поняла, что первым делом позвонила едва знакомому парню, готовящемуся стать Тенью, а не собственной матери. Глупый вопрос доверия. Сколько бы я не радовалась переменам, где-то в глубине все равно не могла полностью открыться, ожидая подвоха.

Я выключила телефон и запихнула его в карман куртки. Холод вернулся и сковал движения. Я уткнулась носом в колени и прикрыла глаза, надеясь, что Глен не заставит себя долго ждать.

Когда я открыла глаза, холод пропал, а его место заняла боль. Я вцепилась здоровой рукой столешницу и закричала. Боль пульсировала, щупальцами цеплялась за клетки, дышала своим зловонным дыханием в мое лицо. В глазах потемнело, и непроизвольно я выгнула спину, пытаюсь отделиться от жжения, заполняющего сознание, сбежать.

— Шшш, успокойся, — на лоб мне легла холодная ладонь. — У нас мало времени.

Я попыталась сфокусировать взгляд на лице Глена, но все расплывалось. Пальцы скользили по деревянной поверхности, пытаюсь найти опору, и я судорожно кусала губу.

— Мне нужно снять с тебя одежду, чтобы добраться до раны. Если ты не поможешь мне, все будет намного дольше и больнее.

— Что от меня требуется? — сквозь зубы прорычала я, давя очередной крик.

— Не противься.

Послышался треск ткани, и ошметки, некогда бывшие свитером, полетели на пол. Обнаженная кожа горела, и я вздрагивала от каждого прикосновения ледяных пальцев. Тело покрылось мурашками, и меня била легкая дрожь.

— А вот это уже нехорошо, — пробормотал парень.

Я дернулась посмотреть, но тело тут же пронзила боль, и я рухнула на стол. Ободранные губы пульсировали, и на них постепенно запекалась кровь. Я вгрызлась зубами в мягкую кожу на щеке, отвлекая себя от мыслей о ране в плече.

— Сейчас будет очень больно, — в руках Глена мелькнул какой-то инструмент. — И под «очень» я подразумеваю адскую боль. Поэтому постарайся максимально не двигаться. И кричи, если так будет легче. Только не двигайся.

Я не успела ничего ответить. В плечо мне вонзилось что-то острое, и я от

неожиданности откусила кусок щеки. Рот наполнился кровью. Боль усилилась, и я непроизвольно дернулась. Ноги метались по столу, и я выгибалась, дергаясь из стороны в сторону. Кровь просочилась в горло, и я начала захлебываться, не в силах сделать вдох.

— Айви, ты же только хуже делаешь, — Глен попытался уложить меня смирно. — Я так не смогу достать пулю.

Я закрыла глаза и попыталась расслабиться, не думать о боли, тянущейся от плеча по всему телу. Она волнами то и дело накатывала на меня, и я сгрызала кожу с губ, щек, кусала ладонь. Что угодно, только бы не думать о пожаре, что тек моими венами.

Несколько мгновений длиною в вечность, и я услышала, как нечто металлическое упало на пол. Нерешительно приоткрыв глаза, я посмотрела на потолок. Боль все еще разрывала клетки на части, но постепенно она угасала, концентрируясь лишь в плече.

— Осталось только зашить рану. Ты практически не почувствуешь.

В горле пересохло и жгло. Я смотрела на блики, отбрасываемые настольной лампой на потолок.

— Где мы? — прохрипела я.

— В чьей-то квартире, — безразлично ответил Глен. — У меня не было времени раздумывать над вариантами.

— Охотники существуют?

Послышался недовольный вздох. Конечно, парень ждал этого вопроса. После всего, что я пережила, глупо было не спросить о главной причине, по которой Курт надумал отправиться ва-банк.

— Существовали. О них уже много лет никто не слышал, — нехотя ответил юноша. — Раньше они часто не давали нам нормально жить, но со временем верящих в мортвов становилось все меньше, поэтому они прекратили свое существование. Не исключено, что потомки того парня были охотниками, но он не нашел бы никого, убей он тебя.

— То есть, все было напрасным?

Глен не ответил. Закончив со швами, парень бережно перемотал мою руку. Кожа постепенно остывала, и боль отступила, свернувшись клубочком чуть выше сердца.

Внезапно я осознала, что лежала на столе перед парнем полураздетая. Щеки залил румянец, и я поспешила спрятать взгляд.

— Ты не мог бы, — заикаясь, пробормотала я, — принести мне что-нибудь накинуть?

Глен тут же протянул мне свитшот и галантно отвернулся, предоставляя личное пространство. Я приподнялась и свесила ноги со стола. Каждое движение отдавалось фантомной болью во всем теле, и я старалась делать все как можно аккуратнее.

Справившись с одеждой, я сползла со стола.

— Я отнесу тебя домой и все объясню твоим родителям. Одному из них придется посетить Сенат, чтобы объяснить происходящее. Я позабочусь, чтобы тебе не пришлось покидать Гринвилл, — Глен осторожно убрал прядь волос с моего лица и поцеловал в лоб. — Ты уже почти не горишь.

— Спасибо, — пробормотала я. — Ты не обязан был, но ты помог.

— Я обещал приглядывать за тобой. Так и поступают друзья, разве нет? — губ парня коснулась грустная улыбка.

Юноша подхватил меня на руки и понес прочь из чужой квартиры. Он двигался не слишком быстро, боясь навредить мне, и я жалась к нему ближе, наслаждаясь последними мгновениями покоя.

Стоило нам пересечь порог моего дома, как в прихожую вылетела взволнованная мама. Она тут же завалила Глена вопросами, но тот стойко игнорировал их. Парень уверенным шагом поднялся на второй этаж, не давая женщине завладеть его вниманием.

Оказавшись в моей комнате, юноша бережно уложил меня в постель. Стянул с моих ног ботинки и укутал в одеяло.

— Спи, Айви. А я обо всем позабочусь.

Глену не пришлось повторять дважды. Усталость тут же приняла меня в свои объятия, и я провалилась в дремоту.

Когда я проснулась, солнце медленно клонилось к закату, сжигая небо. Снежинки порхали на ветру и медленно оседали на подоконник. Откуда-то доносился запах блинчиков с кленовым сиропом. Воспоминания прошедшего дня притаились в уголках сознания, поджидая миг, чтобы выбить из легких весь воздух.

Я приподнялась на кровати и свесила ноги. Боль, свернувшаяся калачиком в плече, пульсировала и царапалась. Стоило пошевелить левой рукой, как она тут же разгоралась сильнее. Я протерла глаза и убрала волосы с лица. Холод, сочащийся из приоткрытого окна, тут же коснулся ледяными пальцами ступней, и я поежилась.

— Как ты себя чувствуешь? — тихий голос разрушил тишину.

Я обернулась. В кресле сидел отец. На его коленях покоился ноутбук, а очки немного съехали с переносицы. Мужчина выглядел очень уставшим и даже немного постаревшим.

— Ты просидел здесь весь день?

— Два дня, если быть точнее, — губ коснулась грустная улыбка. — Хелен на острове вместе с парнем, который привел тебя домой.

Я поднялась с кровати и быстрым шагом пересекла комнату, рухнув в папины объятия. Мужчина прижал меня к себе, согревая своим теплом, и я сжалась, как в детстве, когда в его руках я могла найти защиту от всех проблем. Плечо всполохнуло ожидаемой болью, и я поморщилась, но лишь сильнее прижалась к отцу.

— Мне так не хватало тебя, пап, — всхлипнула я.

— Мне тебя тоже, тыковка, — мужчина гладил меня по волосам, успокаивая. — Мне тоже.

Мир вокруг словно замер, прислушиваясь к нашему общему дыханию. Я жалась к отцу, ища поддержки, защиты от демонов, обретших дом в моей голове. И он стойко сносил все атаки, пряча меня за своей спиной. Как и в детстве, он ничего не спрашивал, ничего не ждал, просто был рядом, видя, как я в этом нуждалась.

Постепенно, солнце сменила луна, и ночное небо засветилось россыпью звезд. В комнате мелькнула тень, источающая голубой свет, и осела где-то за моей спиной. Мне не хотелось видеть Эвон, но я не могла от нее избавиться. Благо, девушка молчала, и я делала вид, что не заметила ее.

— Тот парень...

— Глен, — поправила я.

— Да, Глен сказал, что в течении недели рана затянется, — проговорил отец. — И, вероятнее всего, останется шрам. Но боль скоро пройдет.

— Он хотел убить меня, пап, — выпалила я.

— Я знаю.

Я приподняла голову и заглянула в его глаза. В темноте трудно было разглядеть что-либо, но я не заметила ни осуждения, ни злости во взгляде.

— Если бы я только знала, что он следит за мной, я бы обязательно рассказала вам с мамой. Но я не знала, клянусь. Он просто неожиданно вывалил на меня все, и я растерялась.

Папа ласково коснулся моей щеки и провел по коже большим пальцем.

— Я верю тебе, тыковка. Как и всегда. Что бы ни говорили другие, я знаю, что ты никогда бы не полезла во все в одиночестве. Какими бы ни были обстоятельства, я рад, что

из вас двух именно ты оказалась жива.

Сердце больно кольнуло. Я понимала, почему папа радовался, но я бы предпочла, чтобы мы оба остались в живых. Если бы только я не согласилась пойти с ним на то свидание, быть может, все обернулось бы иначе.

— Не стоит винить себя, — отец взлохматил мои волосы. — Он бы все равно каким-то образом нашел выход, даже если бы ты всеми силами избегала его. Поверь, ты поступила правильно. Ты показала свою доброту, и я горжусь тем, что воспитал прекрасную дочь.

— Спасибо, пап, — я выдавила улыбку.

Трудно было простить саму себя. Одна часть меня убеждала, что смерть Курта была заслуженной, другая же продолжала обвинять в случившемся. Казалось, я сбежала от проблем, вернувшись в Гринвилл, но те проскользнули и в человеческий мир. Не было никаких Теней, посланных моей бабушкой или Сенатом. Их придумало мое воспаленное воображение, паникой беснуясь в черепной коробке. Был всего лишь мальчик, решивший поиграть с огнем. Кто мог предвидеть, что все обернется именно таким образом?

— Я не ждал, что ты проснешься, поэтому ужин не готовил. Может, пицца? — взмолился папа.

Иногда он был хуже ребенка. Когда в папе включался Лиам Блумфилд, автор бестселлеров, которые в считанные часы сметались с полок, забавно было наблюдать за его поведением. Папа забывал о времени, еде, сне, пропускал важные события и просто выпадал из реальности. Мама частенько ссорилась с ним из-за этого, а я еще с детства любила часами сидеть рядом и наблюдать, как иные миры сходили с его мыслей на страницы и обретали краски.

— Пицца, — согласилась я. — Только в этот раз заказывать буду я. А то твоя любовь к зелени меня когда-нибудь доконает. Устала я рукколой плевать.

— Ладно, ладно, как скажешь, — мужчина приподнял руки в примирительном жесте. — Злобная какая. Руккола ее обидела.

Я рассмеялась. Тяжесть вины на время упала с плеч, уступив место теплу, что постепенно окутывало мое сердце. Я высвободилась из отцовских объятий и принялась искать телефон. Хотя бы на пару часов, но я была рада забыть о пропитанном кровью снеге.

В ночь перед новым годом я никак не могла уснуть. Родители уехали погостить у Хизер и Логана, оставив меня в одиночестве. Сперва игнорировать Эвон, что вечно плелась позади, было просто, но в опустевшем доме избегать разговора с ней становилось все труднее. Краем глаза я то и дело улавливала ее обеспокоенный взгляд, но тут же сбегала, улучив момент, когда девушка отвлекалась на что-то свое.

Кошмары по ночам стали привычкой. Гадкой, надоедливой, но уже какой-то родной. Курт заглядывал в самую душу и впивался цепкими пальцами в мою память. Я чувствовала его холодное дыхание на коже в те короткие мгновения между сном и реальностью, прежде, чем проснуться от собственного крика. А после приходили слезы. Я захлебывалась ими и утыкалась носом в подушку, пытаясь заглушить рыдания. Иногда я слышала шаги за дверью комнаты до отъезда родителей, а наутро сталкивалась с сочувствующими взглядами. Цепляя на лицо улыбку, я пряталась, притворялась, что в порядке. Смеялась вместе с подругами в школе и искусно удивлялась смерти одного из школьников. А ночью я вновь сталкивалась с виной и страхами лицом к лицу.

Я не помнила, как оказалась на пороге дома Арджентов. Небо срывалось метелью, а я

сжимала пальцами рукава свитера и дрожала от холода. Влажные волосы липли к коже, а домашние тапочки полностью промокли. Я переминалась с ноги на ногу. В окне горел свет и плясали тени.

— Какая же я идиотка, — пробормотала я. Зубы стучали от холода, и ног я уже не чувствовала. — Новый год же. Что я здесь забыла?

Рядом, словно ожидая своего часа, возникла Эвон. Она было открыла рот, чтобы что-то сказать, но я оборвала ее:

— Заткнись, Эвон. Не хочу слушать твои поучения.

— Я и не собиралась, просто...

— Я не хочу пока что говорить с тобой. Оставь меня одну, ладно? — пробормотала я, стуча зубами и заикаясь.

— Айви, я...

— Просто отвали от меня! — выкрикнула я. — Слышишь?!

Рука непроизвольно ударила дверь. Ярость мгновенно улеглась, и я запоздало поняла, что по ту сторону стук определенно заметили. Эвон растворилась, и бежать было некуда. Да и ноги не слушались.

Дверь распахнулась, и в глаза мне ударил свет. Я прищурилась, пытаюсь разглядеть фигуру перед собой, но тщетно.

— Похоже, тебе последние мозги отбило, — раздался голос, пропитанный ядом, и мужские руки втащили меня в дом.

Я едва удержалась на ногах, опершись о стену. Щеки горели, и кончики пальцев начали покалывать, отмерзая. Тело все еще бил озноб, и я сползла по стене, откинув голову. Только оказавшись в помещении, я заметила, насколько промокла под снегом. Глаза начали слипаться, убаюканные теплом и возникшим откуда-то чувством защищенности.

— Так, не время спать, Снежная Королева, — меня слегка встряхнули. Я лениво приоткрыла глаза и застонала. — Позвольте снять ваши царские тапочки.

— Почему ты вечно называешь меня какими-то дурацкими прозвищами? — возмущенно пробормотала я, борясь с желанием прилечь на пол в прихожей, который внезапно показался мне едва не самым уютным местом во вселенной.

— О, ты подала голос. Хороший знак, — Дилан мастерски проигнорировал мой вопрос.

Промокшие тапочки полетели в сторону. Парень попытался поставить меня на ноги, но те не слушались, подкашиваясь. Выругавшись, он подхватил меня на руки.

— Куда ты меня несешь? — лепетала я. — Я хочу домой.

— Ты возвращалась из Страны Оз, а волшебные тапочки напутали координаты, доставив тебя к моему порогу? Если нет, тогда ты очутилась здесь добровольно. Поэтому, будь добра, принять помощь, которую тебе оказывают. Заметь, безвозмездно.

Я приоткрыла один глаз и посмотрела на Дилана.

— У тебя родинка на левой щеке, — хихикнула я.

— Правда? А то я вот за двадцать два года ни разу в зеркало не смотрелся. Спасибо, что сообщила.

Я закатила глаза.

— Вот умеешь ты все хорошее впечатление от поступков словами испортить...

Дилан толкнул ногой дверь, и та отворилась. Парень уложил меня в ванную и включил свет.

— Раздевайся, тебе нужно согреться, — скомандовал он.

Я послушно принялась стаскивать с себя одежду. Юноша копался в тумбочке около ванной, что-то ища. Я бросила свитер на пол, и он издал забавный хлюпающий звук.

— Да я же не имел в виду, прям так сразу, — Дилан бросил на меня беглый взгляд и отвернулся. — Могла бы хотя бы подождать, пока я выйду.

— Но ты ведь сказал... — заикаясь, бормотала я.

— А ты всегда такая послушная? Полотенце на тумбе. Я пойду, поищу что-нибудь, во что тебе переодеться.

Хлопнула дверь, и я осталась в одиночестве. Избавившись от одежды, я включила воду. Горячие капли разбивались о кожу и плавно стекали, согревая мое тело. Я подставила лицо под обжигающую струю и замерла, прислушиваясь к ощущениям. Озноб отступил, сонливость затаилась где-то в тени.

Выключив воду, я выбралась из ванной и укуталась в полотенце. Мокрая одежда все так же валялась на полу, и, подобрав ее, я направилась в поисках Дилана. Кожу все еще немного покалывало, а ноги слабо слушались, но я медленно продвигалась вдоль стены, чтобы не потерять опору в случае падения.

— Дилан? — нерешительно позвала я.

— В гостиной, — последовал ответ.

Оказавшись в нужной комнате, я облегченно присела на краешек кресла, давая телу передышку. Парень мгновенно вырос рядом и выхватил мокрую одежду из моих рук, протягивая длинный свитер и носки. Его взгляд задержался на мне, и не сразу я поняла, что юноша разглядывал шрам на плече. Я тут же развернулась к нему спиной.

Послышались удаляющиеся шаги, и я облегченно выдохнула. Где-то в глубине души я даже радовалась, что именно Дилан видел последствия моей встречи с Куртом. Перед ним я не должна была оправдываться.

Я сбросила полотенце и натянула на влажное тело свитер. От него исходил запах мужского одеколona, и я невольно уткнулась носом в ворот и вдохнула аромат.

— Не принимайся так. Еще, глядишь, влюбишься, а этот свитер мне самому очень даже нравится.

Я бросила на парня недовольный взгляд. Натянула носки на согревшиеся ноги и устроилась в кресле.

— А где все?

Не сразу я обратила внимание, что в доме царил тишина. Откуда-то из глубины доносилась приглушенная музыка, но в остальном посторонних звуков не было, что меня удивило.

— Они уехали в Шарлотт. Будут дней через пять.

Его глаза пристально следили за мной, а я никак не могла решить, в какой смотреть. В свете ламп карий глаз казался практически черным, и напоминал о моем мире. Зеленый же приобрел сероватый оттенок, что сделало взгляд стальным и жестким. Я поспешно прикрыла веки, спасаясь от того, что парень мог увидеть, и закусил губу.

— Тогда мне, наверное, стоит уйти. Я хотела поговорить с Айзеком. Не буду тебе мешать.

Не успела я подняться, как Дилан практически вжал меня в кресло, упершись ладонями в мои плечи. Я ошарашено распахнула глаза и уставилась на парня.

— Нет, ты точно ненормальная, — прорычал он. — Ты притащилась сюда в метель в домашней одежде, а теперь собираешься идти обратно? Жить надоело?

— Да какое тебе дело? — вспыхнула я. — Будто тебя очень волнует, что со мной станет.

— Ни капельки, — юноша пожал плечами. — Только вот Айзек со свету меня сживет, если узнает, что я отпустил тебя из дому в метель, да еще и в таком виде. А он узнает, так что лучше уж потерпеть твое присутствие, чем потом выслушивать его недовольство.

Я закатила глаза и демонстративно фыркнула. Дилан не был похож на человека, которого такие мелочи должны были беспокоить.

— Не настроена я на общение с тобой. Моя жизнь и так не сказка в последнее время, только тебя в ней и не хватало.

— И что же такое там произошло? Любимый хомячок помер? — в голосе звучала насмешка.

Губа дрогнула, и я мигом растеряла весь боевой настрой. Плечо пронзило фантомной болью. Я прижала ноги к груди и уткнулась лицом в колени.

— Ты не поймешь, — я помрачнела.

— Столько драмы на пустом месте. Ну, не человека же ты убила в самом-то деле. Так что хватит разводить этот спектакль.

Вспышками воспоминания ворвались в голову. Кошмары, от которых удавалось спрятаться, находясь в реальности, выбрались из снов и настигли меня. Я заткнула уши, пытаясь заглушить голоса, но это не помогало. Как можно заткнуть того, кто говорит в твоей собственной голове? Голоса смеялись, шептали, дразнили меня, а я качала головой, силясь вытолкнуть их наружу. И Курт, мертвый Курт, смеялся громче всех, запуская пальцы в мои легкие.

— Айви...

Слишком много боли. И сквозь кровь, заляпавшую снег, проросли маки. Я хватала ртом воздух, но он словно стал вязким и жидким, заливая легкие. Я закашлялась и вцепилась пальцами в волосы.

— Прекращай, это уже не смешно.

Дилан храбрился, но я слышала в его голосе нотки паники. Он был напуган не меньше моего, и я не знала, что делать. Курт хрипел, захлебываясь собственной кровью, и надрывно смеялся.

— *Прячься, Айви, они найдут тебя. Я найду тебя*, — из уголка его губ стекла капелька, оставляя после себя красный след.

Я зажмурилась и, вдохнув полные легкие воздуха, закричала.

Злобный хохот затих так же внезапно, как и возник в голове. Не контролируя себя, я расчесывала руки до крови и срывала голос до хрипа. Ладонь Дилана легла мне на плечо, и я отшатнулась, зашипев. Не церемонясь, парень сгреб меня, трясущуюся от страха, в охапку и уложил рядом с собой на диване, медленно поглаживая по спине. Он чувствовал, как от каждого прикосновения я вздрагивала, и едва ощутимо пробирался сквозь охватившую меня иллюзию в самую глубь, выталкивая в реальность. Он баюкал меня, словно ребенка, и терпеливо ждал, пока я разберусь с демонами в своей голове.

Слезы высохли, но на губах все еще остался соленый привкус. Царапины на руках саднили, и я все пыталась о них не думать. Так и хотелось почесать, но я лежала, не шевелясь, и глубоко дышала. Дилан оказался так схож с пледом, в который можно было укутаться и сбежать от всех невзгод. Он лежал рядом, запуская пальцы в мои волосы, и медленно массировал кожу, пуская мурашек в бег по телу.

На столике неподалеку сидела Эвон и напевала детскую песенку, плавно раскачиваясь из стороны в сторону. Голубой комочек, заменявший ей сердце, размеренно пульсировал, то становясь ярче, то тускнея в приглушенном свете торшера. Девушка отбивала по столу пальчиком ритм в такт мелодии. Я зажмурилась, мысленно подпевая.

— Я уже видел подобное, — голос Дилана звучал несколько отрешенно. — Врачи называли это посттравматическим синдромом. Им все время нужно нацепить какой-то ярлык, окрестить все диагнозом. Забавно, людям ведь это никак не помогает.

Я приоткрыла глаза и посмотрела на парня. Его лицо было в паре сантиметров от меня, и я заметила крошечный шрам чуть выше правой брови. Юноша потянулся, едва не спихнув меня с дивана, а после прижал сильнее. Я уткнулась носом в его свитер.

— Откуда ты знал, что делать? — прошептала я.

— А я и не знал, — Дилан пожал плечами. — Не был уверен, что сработает так же, как и на мне.

Я притихла. Парень разоткровенничался, что вовсе не было на него похоже, а злоупотреблять этим я не спешила. Злость, еще недавно kloкотавшая внутри, утихла, растворилась, будто эфемерное видение, и я не могла понять, существовала ли она в действительности. И на что я злилась на самом-то деле? На него за сарказм и неприязнь, или же на себя, свою беспомощность и глупость, которые вдруг давали о себе знать в его присутствии? Не винила ли я его в том, что не могла отыскать на задворках разума искрометный ответ на очередную едкость?

— Не думай, что я вдруг превратился в прекрасного принца, чудо-девочка, — правый уголок губ изогнулся в полуулыбке. — Просто я, как никто, знаю, что в такие моменты нужен хоть кто-то, и плевать, кем он является на самом деле.

Перед глазами тут же возникла картинка маленького Дилана, мучимого кошмарами после аварии. Как он справлялся? Кто из братьев проводил ночи в его комнате, прижимая его к себе так же, как он держал меня в своих объятьях? Смог ли он справиться со своими кошмарами, или они и по сей день терзали его? В моей голове вертелось так много вопросов, но я прикусила язык, боясь, что стоит парню выпустить меня из своих рук, как облик Курта вновь настигнет меня.

Минуты сплетались в часы, и постепенно меня охватывала дремота, с которой не было ни сил, ни желания бороться. Я прислушивалась к размеренному дыханию юноши, и в один миг провалилась в сон, не заметив границу между реальностью и выдумкой. В ту ночь, лежа на потертом старом диване в доме Арджентов, я впервые со смерти Курта не видела снов.

Меня разбудил грохот. Я резко распахнула глаза и, инстинктивно дернувшись, свалилась на пол. Спина тут же предательски заныла. Я поднялась на ноги, потирая ушибленное место, и, морщась, направилась на звук, доносившийся из глубины дома. Солнечные лучи пробивались сквозь задернутые шторы в гостиной, а кухня утопала в свете. Я бросила беглый взгляд на часы.

— Половина первого. Сколько же я проспала? — задумчиво пробормотала я. — Дилан?

Ответа не последовало. Я двинулась на поиски хозяина дома. Бродя по комнатам, я то и дело отмечала детали, свидетельствующие о невысоком достатке братьев Арджентов. Но все вокруг создавало неповторимый уют, и, невольно, я подумала, что именно в таком доме и предпочла бы жить. В нем была душа, была история. Такие места слишком много говорили о своих обитателях, нашептывая секреты, ведомые лишь им.

Звук, сперва показавшийся мне грохотом, повторился, и я ринулась в сторону задней двери. Приоткрыв ее, я увидела Дилана, сидящего на снегу. За ночь метель улеглась, оставив после себя белоснежную гладь, укрывающую землю. Неподалеку от парня в небо один за другим взлетали фейерверки, взрываясь искорками. Парень сидел, ссутулившись, и сжимал пальцами догорающий бенгальский огонек. Он выглядел таким одиноким среди режущей взгляд белизны.

Я заметила около выхода чужие ботинки. Не задумываясь, всунула в них ноги и выскочила за порог. По телу тут же пробежались мурашки. Ветра не было, но высовываться из дому с голыми ногами определенно не было хорошей идеей. Я поежилась и побрела поближе к парню.

— Тебе, наверное, не сообщили, но фейерверки принято запускать в темноте, — я умостила рядом с Диланом.

— А тебе, наверное, не сообщили, что садиться голой попой в снег — это к простуде, — отчеканил юноша.

Я прищурилась и посмотрела на собеседника. Сам он был довольно тепло одет, а меня изредка пробирала дрожь.

— Один-один, но я еще отыграюсь, — я встряхнула головой и запустила пальцы в сугроб.

Кожу начало покалывать, что, почему-то, рассмешило меня. Я зачерпнула ладонью снег и, воспользовавшись беспечностью Дилана, быстро забросила ему за шиворот. Лицо парня тут же исказила гримаса отвращения, и он пулей подскочил на ноги, пытаясь вытряхнуть льдинки из-под свитера. Как только ему удалось, в меня тут же полетел колючий взгляд.

— Пришло время проверить, такая ли ты волшебная, чудо-девочка, — едва ли не прорычал парень.

— Ты повторяешься, — усмехнулась я.

Не успела я и глазом моргнуть, как меня оторвали от земли, а после я оказалась лежащей в самом огромном сугробе, а юноша старательно запихивал мне под свитер снег.

— Эй, прекрати, мне щекотно, — я заливалась хохотом и пыталась вырваться.

Дилан бросил на меня хитрый взгляд и отошел на несколько шагов, позволяя мне выбраться из снега. Раскрасневшиеся щеки горели, и я вовсе не чувствовала холода.

— Айзек нагло наврал. Ты самая обычная, — гордо бросил парень и, развернувшись, направился обратно в дом.

— А мне следовало в Халка превратиться или отрастить крылья? — прокричала я вдогонку.

Отряхнувшись от снега, я побежала вслед за юношей греться. Одежда вновь промокла до нитки, и я понимала, что Дилан будет не в восторге от того, что я искупала его свитер в сугробе, хоть и по его же вине. Да и пора было возвращаться домой. Пусть парень и проявил гостеприимство, я не хотела обременять его своим присутствием. Между нами сложились не самые лучшие отношения, что нельзя было попросту проигнорировать.

— Вещи в ванной, — голос доносился из кухни.

Я поспешила переодеться в собственную одежду, которая успела высохнуть за ночь. Мужской свитер я тщательно выкрутила, стараясь по максимуму избавиться от влаги, и сложила на тумбочке. Собрав волосы в конский хвост, я направилась к выходу из дома.

Дилан стоял, лениво прислонившись к стене, и наблюдал за тем, как я зашнуровывала одолженные им кроссовки. Его рукава были по обычаю натянуты практически до кончиков

пальцев, скрывая шрамы.

Тоска заскреблась в районе сердца, стоило мне переступить порог дома Арджентов. Я развернулась и встретила взглядом с парнем. В свете солнечных лучей его глаза больше не казались пугающими и жестокими.

— Прощай, Крылатая Принцесса. При следующей встрече я вновь обернусь огнедышащим драконом и сожру тебя, не подавившись, — усмехнулся юноша.

Я легонько пихнула его в плечо, грустно улыбаясь.

— Ты так и будешь давать мне дурацкие прозвища?

— Можешь даже не сомневаться.

Дилан протянул руку и коснулся указательным пальцем моего лба.

— Беги давай, — оттолкнул он меня, и я попятилась, едва не свалившись со ступенек, ведущих к дому. — Нечего на меня смотреть щенячьим взглядом, словно я сжалюсь и возьмусь за тобой ухаживать. Я не Шрек, а ты не Осел.

— Ага, поняла уже, — махнула рукой я, удаляясь. — Я — Лиззи, а ты — таинственный мистер Дарси.

— Вряд ли. В итоге они поженились. Надеюсь, мне подобное не грозит.

Обернувшись, я увидела, что Дилан был привычно угрюм, но в его глазах плескалось веселье.

— Как знать, как знать, — бросила я.

Подъехал автобус, и я забралась внутрь. Пройдя в самый конец салона, я устроилась около окна и прислонилась к нему головой, прикрыв глаза.

Новый год начался уж больно странно. Скажи мне кто, что я проведу его в объятьях Дилана, я бы ни за что не поверила. Жизнь спешила вносить свои коррективы, оставляя мне лишь разводить руками в недоумении. Этим-то мне и понравился человеческий мир. В нем никогда нельзя знать наверняка, что произойдет в следующее мгновение.

— Эвон? — робко позвала я, оказавшись в своей комнате.

Дом все так же пустовал, как и днем ранее, и эта тишина давила на меня. Опустившиеся на город сумерки погрузили комнату в полумрак. Я сидела на кровати, сложив ноги в позе лотоса, и всматривалась в пустующий дверной проем.

— Эвон?

Ответа не последовало. После того, как я накричала на девушку, она испарилась, не попадаясь мне на глаза. Я не обратила на это особого внимания, пока сердце безумно колотилось, а Дилан успокаивающе гладил меня по голове. Не заметила знакомого голубого света рядом, сидя в автобусе, что увозил меня от дома Арджентов. Лишь когда за мной захлопнулась входная дверь, и эхо разлетелось по дому, отбиваясь от стен, я вспомнила.

— Послушай... — дрожащим голосом начала я. — Я знаю, ты слышишь. Прости меня, Эвон. Я испугалась. Я не понимаю того, что происходит, не понимаю, что мне делать дальше. Раньше я всегда искала утешения в тебе, но ты была частью моего мира. А Курт не был. Он... — я запнулась, пытаюсь подавить рыдания, рвущиеся наружу, — ... он был просто мальчиком. А я была так напугана, когда он сказал, что все знает. И всего на мгновение я обрадовалась, что умер он, а не я. Но это ведь неправильно, разве нет? Он погиб из-за того, что я та, кто я есть. И я просто... — слезы уже катились влажными дорожками по щекам. — Я хотела избавиться от всего, что связывало меня с тем миром. Чтобы ничего не напоминало о том, кто я есть на самом деле. Я хотела сбежать от правды, и поэтому... отталкивала тебя.

Я прижала колени к груди и обхватила ноги руками. Одежда пахла сыростью, напоминая о снеге, пропитавшем ее. Во мне вновь проснулась эгоистка, которая оттолкнула друзей и пеклась лишь о своих чувствах. Не меня одну изнутри глодали демоны, но я упорно зажмуривалась, только бы не видеть никого, кроме себя самой. Злостно удаляла каждое новое сообщение от Глена, не желая отвечать. Избегала любых расспросов и объяснений. Я заперлась на задворках сознания, обнявшись с собственной болью, и упорно не видела ничего, что происходило рядом.

Послышался шорох. По коже прошелся холодок, стоило ощутить прикосновение к сгорбившейся спине. Я оторвала голову от колен и замерла в ожидании ответа.

— Я всегда буду рядом, Айви. Что бы ни случилось, — звонкий голос Эвон разорвал тишину. — И я останусь на твоей стороне.

Я резко обернулась и посмотрела на подругу. Она выглядела такой беспечной и умиротворенной, будто не я кричала ей убираться. Девушка сидела, прикрыв веки, и улыбалась. К глазам снова подступили слезы.

— Почему ты так добра? — пробормотала я.

— Потому что я неотъемлемая часть тебя. А ты — часть меня. Эта связь сильнее всего на свете, и ни одной из нас ее не разорвать. Даже прогоняя меня, ты уже знаешь, что позовешь обратно. Даже уходя, я знаю, что вскоре вернусь. Это то, что никто из нас не в силах изменить.

Я распласталась на кровати, уткнувшись носом в одеяло, и вдруг рассмеялась. Вот так просто. Будто бы не было ни Курта с его бреднями про охотников, ни ссоры с Эвон, ничего. Внутри стало так невероятно, непривычно легко.

Я схватила телефон и, отыскав в списке контактов нужный, настроила сообщение.

Пришло время отпустить Курта и то, что произошло в ту ночь.

«Спасибо, что спас меня. И спасибо, что вступился за меня на той стороне».

В кафетерии было непривычно шумно. Надвигающийся праздник романтических признаний пробудил в старшеклассниках скрытую энергию, и все вокруг оживленно обсуждали планы на ближайшие выходные. Февраль принес с собой ожидаемое потепление, и мой страх растаял, как и снег на улицах города. Я приняла решение двигаться дальше, приняв прошлое.

Но, стоило только ночи опуститься на Гринвилл, и укрыть своим звездным одеялом каждого жителя города, в моей голове оживали монстры. Кошмары, затаившиеся при солнечном свете, выпускали свои когти во снах, вгрызаясь в мой истерзанный стрессом мозг. Иногда удавалось быстро пережить ночь, просыпаясь с рассветом. Но временами мой собственный крик врывается в сознание и выбрасывал прочь из кошмара.

— Пожалуйста, скажи мне, что Айзек не едет с нами, — Лидия наклонилась поближе к моему уху, чтобы Оливия не услышала ни слова.

Ее слова отвлекли меня от размышлений об очередном страшном сне, после которого я не сомкнула глаз до тех пор, пока солнечные лучи не коснулись пледа, в который я завернулась, словно в кокон.

— Он очень хотел, — я усмехнулась, вспоминая жалобный взгляд друга. — Но я убедила его, что эта поездка исключительно девичья, и, к сожалению, свободного билета для него не осталось. Ему пришлось смириться.

Лидия облегченно вздохнула, бросая беглый взгляд на подругу. Оливия сидела, подперев щеку рукой, и увлеченно слушала Нию. Видеть ее такой открытой все еще было для меня в новинку. Ширма из волос все реже опускалась на ее лицо, и девушка выглядела довольно живой и радостной, находясь в нашей тесной компании. Она все еще временами шарахалась от Айзека, но, казалось бы, приняла его чувства и смирилась, что никуда он не денется, что бы она ни делала.

— Ну, слава Богу. Одной проблемой меньше. Я, конечно, ничего против него не имею, но я предпочитаю видеть Лив более заинтересованной в поездке, чем в попытках удрать.

— А что ты? — я заговорщицки подмигнула.

Лидия состроила недовольную рожицу и закатила глаза. Вот о чем, а о своем маленьком секрете она говорить не любила.

— Не имею ни малейшего понятия, о чем ты, — отмахнулась подруга.

Я прищурилась, пытаясь придать своему лицу как можно более недоверчивый вид.

— Ты отлично знаешь, о чем я. Телефонный парень. Я подозревала, что что-то подобное случится в ближайшее время, но чтобы ты ради этого целую поездку затеяла — это стало для меня новостью. Рассказывай, ты ведь именно из-за него предложила ехать в Колумбию, разве нет?

Девушка замялась, вертя в руках телефон, оповещающий о новом сообщении. Ее щек коснулся легкий румянец, и я невольно подметила, что подруга никогда ранее так не выглядела. Что же делало этого парня таким особенным?

— Не совсем так, — пробормотала Лидия, прикусывая губу. — Ния планировала небольшое путешествие, а я лишь предложила город. Я даже не уверена, что мы встретимся.

Я слегка наклонила голову набок.

— Как его зовут?

— Саймон, — выдохнула девушка, потирая переносицу. — И я больше не хочу об этом говорить.

Я пожала плечами и отвела взгляд.

После занятий я договорилась с Нией, что та заберет меня в пять из дому, и, подхватив сумку, направилась в сторону выхода со школы. Вокруг стоял грохот закрывающихся шкафчиков, и постепенно коридоры пустели, отпуская учеников на выходные. Даже меня переполняло какое-то сладостное предвкушение, словно должно было случиться нечто очень хорошее.

Выйдя из здания, я медленно направилась в сторону дома. Прохладный ветер забрался под кофту и коснулся кожи, пуская мурашек в бег по телу. Я слегка поежилась и поспешила укрыться в автобусе. Пересекая двор, я вдруг заметила знакомую фигуру, стоящую неподалеку. Глаз мигом зацепился за свитер, что не так давно согревал меня и берег от всех мирских невзгод. Я замедлила шаг, приглядываясь.

Неподалеку, опершись о дверцу старенькой, серой Тойоты стоял Дилан и с кем-то разговаривал. Парень раздраженно что-то говорил, но ветер уносил обрывки фраз прочь. Его собеседник лениво поглядывал по сторонам, сложив руки на груди, и, казалось, вовсе не был заинтересован в разговоре. Я не знала, стоило ли подойти, ведь после новогодней ночи, проведенной рядом с парнем, мне было неловко от одной мысли о том, как я выглядела в тот момент. И где-то в глубине души я боялась признаться даже самой себе, что это что-то во мне изменило.

— Бу, — раздалось над самым моим ухом.

От неожиданности я едва не отпрыгнула в сторону.

— Ты не разрешила мне поехать с вами, а сама засматриваешься на моего брата, — Айзек прищурился, и его губы искривились в полу-усмешке. — Я ведь могу и лишнего подумать.

Я закатила глаза и уставилась на друга. Он сжимал в руках какой-то сверток, обмотанный подарочной лентой.

— Дай угадаю. Кто-то очень хочет, чтобы я передала Оливии привет в нашем маленьком путешествии.

— Думаю, я и сам смогу справиться с этим, — парень улыбнулся.

Я бросила беглый взгляд на Дилана. Юноша заметил нас и недоверчиво смотрел на меня. Его собеседник успел испариться, пока мое внимание отвлекал на себя Айзек.

— Ему что-нибудь передать?

Я отрицательно помотала головой. Слишком энергично, чтобы это не показалось странным нам обоим. Но друг промолчал, и я облегченно выдохнула.

— Тогда хороших выходных. Береги мою маслинку, — бросил парень и направился прочь.

Я позволила себе задержаться на месте мгновением дольше, смотря вслед его удаляющейся спине, а после развернулась и зашагала к автобусу, попутно очищая голову от лишних мыслей. В будущие выходные они мне определенно не понадобятся.

Как и обещала, Ния заехала за мной ровно в пять. Заканчивая сборы, я слышала гудок ее внедорожника, припарковавшегося около дома.

— Будь осторожна, тыковка, — отец чмокнул меня в щеку и помог застегнуть рюкзак.

— Обещаю отзваниваться периодически, чтобы вы не волновались, — я благодарно

улыбнулась отцу и выскочила за дверь.

С заднего сидения мне уже махала Оливия. Я забралась в машину и села рядом с подругой, бросив рюкзак на свободное место.

— Исайя, я позвоню, как приеду. Обещаю. Если свяжешься с родителями, передай им, что со мной все в порядке, — Ния прижимала телефон плечом к уху, пытаясь параллельно выискать что-то на карте. — Хороших выходных.

Окончив звонок, подруга вздохнула и убрала с лица назойливую прядь волос, что то и дело выпадала из-за уха.

— Лидия, да убери ты свой телефон, — буркнула девушка, заводя двигатель.

Хоггарт недовольно фыркнула, печатая очередное сообщение.

— Не нуди и дай мне минутку.

— Еще чего!

Ния ловким движением выхватила мобильник из рук подруги и швырнула его на заднее сидение. Мне едва удалось его поймать, чтобы тот не рухнул экраном вниз. В машине заиграла мелодия, сообщающая о новом входящем сообщении, но, стоило Лидии потянуться ко мне за телефоном, как я спрятала его за спиной.

— Никаких смс и никаких Саймонов, пока мы не заселимся в отель, — отчеканила я, выключая телефон подруги.

Девушка покорно уселась, пристегнувшись ремнем безопасности, и уставилась в окно. Ния медленно отъехала от моего дома. Приглушенная музыка заполнила тишину в салоне. Оливия жевала батончик, размеренно покачиваясь в такт песне. Я скинула с ног ботинки и забралась на сидение, устраиваясь как можно удобнее. К вечеру мы должны были оказаться в Колумбии.

Дорога заняла больше времени, чем мы рассчитывали. Стоило Ние вручить карту в руки Лидии, как мы тут же свернули не туда. Пришлось плутать по трассе долгое время, чтобы, наконец, вернуться в исходную точку. Девушки громко ругались, пытаясь определить правильное направление, а Оливия беспокойно посапывала, положив голову мне на колени. Изредка она морщилась и ворочалась, когда голоса подруг срывались на крик. Сколько бы я ни пыталась, остудить их пыл мне не удалось. Спасло лишь то, что Ния заприметила знакомую местность, и, не слушая более советов, поехала так, как считала нужным.

Когда мы добрались до Колумбии, время близилось ко второму часу ночи. Я периодически строчила сообщения папе, держа его в курсе, пока за окном один лес сменялся другим. Мы все порядком устали и клевали носом, мечтая о мягкой постели.

— Вперед, сонная делегация, пора заселяться, — Ния легонько ткнула Лидию в плечо, припарковавшись около отеля.

Девушка сладко зевнула и, открыв дверцу, едва ли не вывалилась из машины. Я разбудила Оливию. Подруга потерла глаза. Ее взгляд блуждал по салону, пытаясь за что-то зацепиться.

— Мы приехали? — пробормотала она.

Я кивнула.

Лив поморщилась и выбралась наружу. Оказавшись на улице, я потянулась и подставила лицо прохладному ветру. Усталость притаилась внутри, ожидая мгновения, когда я упаду в объятия простыней и подушек.

К нам подоспела Ния, протягивая мне один из ключей.

— Вы с Лидией в четвертом, а мы с Лив в седьмом. Утром ранний подъем. А тепері

быстро спать, — скомандовала подруга.

Никто не возражал. Я сгребла рюкзак в охапку и потащилась в сторону номера. Меня интересовала лишь постель, в которую можно было укутаться и уснуть.

Обессиленно я рухнула на кровать и достала телефон. Стоило уведомить родителей о том, что мы благополучно добрались.

Лидия забежала в номер и, бросив свои вещи на пол, уже было собралась уйти, но я окликнула ее.

— Ты куда?

— Я поговорю по телефону и вернусь. Не переживай, никуда я не денусь.

— Этот Саймон, должно быть, волшебный принц из сказки, раз ты вечно сияешь словно елка в Рождество, — сонно пробормотала я.

— Буду через пять минут, — бросила девушка и захлопнула за собой дверь.

Я зевнула. Стоило прикрыть глаза, как меня тут же объяло туманом сновидений. Проверить, во сколько Лидия вернулась в номер, мне так и не удалось.

Я проснулась от того, что кто-то настойчиво колотил в дверь. Недовольно скривившись, я попыталась натянуть одеяло как можно сильнее на голову, чтобы спрятаться от надоедливого звука, но он не прекращался. Послышался возмущенный стон, и чьи-то шаги засеменили к двери.

— Кто? — проворчала Лидия.

Я перевернулась на кровати и приоткрыла один глаз. Девушка стояла, прислонившись к стене, закутанная в одеяло и зевала.

По ту сторону что-то сказали, но слов я не разобрала. Затем раздался щелчок, и в распахнутую дверь ввалилась Ния.

— Который час? — пробормотала я.

— Половина одиннадцатого. Мы и так проспали больше положенного, — девушка принялась стаскивать с меня одеяло, выдирая из моих рук.

Битва была позорно проиграна, и я попыталась свернуться как можно удобнее, чтобы сохранить тепло. Просыпаться не хотелось.

— Эй, если ты сейчас же не поднимешься, мне придется тебя силой потащить под холодный душ, — Ния сложила руки на груди и посмотрела на меня.

Я поежилась. В ее взгляде была нескрываемая угроза, и я определенно не хотела, чтобы подруга применяла силу, которой ей было не занимать. Обреченно вздохнув, я свесила ноги с кровати и потянулась.

— Молодец, так держать, — девушка усмехнулась. — Мы с Лив будем ждать вас через полчаса в машине.

Широким шагом подруга пересекла номер и скрылась за дверью.

— Диктатор, — буркнула ей вслед Лидия.

Я невольно прыснула.

Как и обещали, через полчаса мы уже садились во внедорожник Нии. Оливия выглядела особенно уставшей в сравнении со всеми, хоть она и дремала практически всю дорогу. Девушка плавала потерянным взглядом от одного объекта к другому, словно пытаясь понять, откуда все это взялось.

— С добрым утром, Лив, — Лидия потрепала подругу по волосам и забралась в машину.

— А? Да. И тебе доброго утра, Лидия.

Я умостила на переднем сидении рядом с Нией, которая уже что-то искала в телефоне.

— Я вчера составляла приблизительный маршрут того, куда мы могли бы сходить, — начала была девушка, но я прервала ее.

— Слушай, — я коснулась ее руки, привлекая внимание. Подруга оторвалась от телефона и посмотрела на меня. — Мы ведь просто решили устроить маленькое путешествие. Не все ли равно, куда мы пойдем? Глянь на Лив, она едва ли хочет бегать по городу. Давай просто прогуляемся.

Ния недоверчиво посмотрела на меня, а потом перевела взгляд на девушек, сидящих на заднем сидении, словно желая убедиться в моих словах. Ее лицо выражало недовольство маленьким бунтом, что я устроила, но подруга замотала головой, как бы прогоняя некое наваждение.

— Сдаюсь, — она подняла руки в примирительном жесте и спрятала телефон. — Едем завтракать, а потом куда ваша душа пожелает.

Я одобряюще улыбнулась и откинулась на сидении, пока Ния заводила двигатель.

Солнце уже постепенно клонилось к закату. Мы гуляли несколько часов к ряду, любясь незнакомым городом. Даже Оливия приободрилась и весело шагала в одном ритме с нами. Девушка выглядела искренне счастливой, и я радовалась ее улыбке, словно ребенок.

На первый взгляд Колумбия не слишком отличалась от Гринвилла. Но я и не ожидала многого. Мне нравилось просто быть там, рядом с подругами, вдали от родительского зоркого глаза, который наблюдал едва ли не за каждым моим действием. Даже люди вокруг казались слегка другими, когда не было внутренних ограничений, которые то и дело приходилось вокруг себя возводить.

Мы вчетвером нырнули в толпу и затерялись меж прохожих, вглядываясь в чужие лица. Я ловила взглядом крошечные особенности окружающих. Россыпь веснушек на вздернутом девичьем носике. Броский лиловый галстук. Трость с замысловатой рукояткой, которую мне никак не удавалось хорошенько рассмотреть. Длинная борода, словно ее обладатель входил в банду байкеров. Все сплеталось в единый плед, где самые, казалось бы, несовместимые лоскутки существовали бок о бок.

В толпе мелькнула светящаяся тень. Неподалеку, к невысокому мужчине жалась девушка, источающая голубой свет. Она тщательно пыталась что-то разглядеть, но ее спутник не обращал на душу ни малейшего внимания. Я остановилась, рассматривая их.

— Всегда было интересно, чем они занимаются, раз никто их не видит? — Эвон выросла рядом.

Слегка наклонив голову вправо, она смотрела на сородича. Девушка выглядела слишком потерянной на фоне подруги, что уверенно стояла на своих двоих и держалась за то, что у нее было.

Внезапно душа обернулась и посмотрела в нашу сторону. Я перехватила ее взгляд и подмигнула, давая понять, что вижу ее. Незнакомка мягко улыбнулась мне, скользнув рукой по плечу спутника, и вернулась к созерцанию чего-то в его руках. Пусть тот морт и не видел ее, я чувствовала, как трепетно девушка к нему относилась. Несмотря на такое существование, она любила его.

— Так вот куда ты пропала, — из ниоткуда на меня выскочила Ния.

Следом за ней показалась и Оливия, жующая круасан. Я впервые обратила внимание,

что подруга то и дело что-то уминала за обе щеки.

— Лидия окончательно пропала. Я пыталась ей дозвониться, но эта чертовка выключила телефон, — возмущалась Ния, недовольно размахивая руками.

— Я имею довольно-таки подробное представление о том, куда, а точнее будет сказать, к кому она отправилась. Предлагаю дать ей насладиться маленькой свободой, — я пожала плечами и направилась через дорогу в пиццерию, мигающую лампочками на вывеске.

После съеденной Маргариты и нескольких чашек ароматного мятного чая я глянула на часы. Лидия отсутствовала чуть более двух часов, если верить тому, что говорили подруги. Я попробовала набрать ее, но женский голос в трубке услужливо сообщил мне, что данный абонент находился вне зоны действия сети.

Внезапно телефон Нии зазвонил. Девушка рывком схватила его и прислонила трубку к уху. С каждой секундой ее лицо все больше мрачнело, что не предвещало ничего хорошего.

— Да, я поняла, — в голосе подруги зазвучала сталь. — Постараюсь вернуться как можно скорее.

Стоило разговору оборваться, как меня тут же набрала Лидия.

— Вы где?

Я продиктовала подруге адрес, упомянув, что ей стоило поспешить. То и дело я бросала взгляды на Нию, которая становилась все угрюмее.

— Что-то случилось? — робко спросила Оливия.

Девушка не ответила. Лишь сильнее сжала телефон в руке. Ее белые от напряжения пальцы казались совсем тонкими и какими-то неживыми. Повисло тягостное молчание. Я не знала, что сказать, чтобы отвлечь подругу от мыслей. А она все больше уходила в себя, практически не реагируя на окружающую ее атмосферу.

Не успела Лидия забежать в пиццерию, как Ния в миг подорвалась на ноги и зашагала прочь, не проронив ни слова.

— Что с ней? — прошептала подруга, семена за мной в сторону машины.

— Понятия не имею...

Как только двери захлопнулись, Ния вздохнула.

— Простите, что приходится так все прервать. У моей семьи появились проблемы, и я должна вернуться.

— Все в порядке, — Оливия ободряюще погладила подругу по предплечью. — Мы все понимаем.

Дорога пролетела незаметно. Ния гнала на всех парах, и я бы не удивилась, узнав, что та нарушила не одно правило дорожного движения. Но никто не проронил ни слова. Я постаралась отвлечься на свои мысли, рассматривая пейзажи за окном. Оливия вновь задремала и забавно морщилась во сне, словно прогоняя кошмары прочь. Лидия же заткнула уши наушниками и отвернулась к окну, изредка загадочно улыбаясь и поглядывая на телефон.

В Гринвилл мы вернулись посреди ночи. Ния снизила скорость, развозя нас по домам, и больше не казалась мне сосредоточенной. В ее взгляде плескалась печаль, которой следовало поделиться, но подруга упорно молчала, держа проблемы в себе. Меня она высадила последней.

— Ты точно не хочешь поговорить? — спросила я, приоткрыв дверь.

Ния измученно улыбнулась и отрицательно помотала головой. Ее короткие волосы подскочили, словно пружинки, и мне почему-то стало слишком тоскливо по той, старой

Пенсильвании, которая слишком уж изменилась за год в Норвегии.

— Доброй ночи. Будь осторожна.

Я выползла из машины. Подруга сорвалась с места, плавно катясь прочь. Я помахала ей вслед. Изнутри меня глодало тревожное чувство, что случилось нечто очень нехорошее, запустившее цепную реакцию, которая изменит все. Дилан был привычно угрюм, но в его глазах плескалось веселье.

— Как знать, как знать, — бросила я.

Подъехал автобус, и я забралась внутрь. Пройдя в самый конец салона, я устроилась около окна и прислонилась к нему головой, прикрыв глаза.

Новый год начался уж больно странно. Скажи мне кто, что я проведу его в объятьях Дилана, я бы ни за что не поверила. Жизнь спешила вносить свои коррективы, оставляя мне лишь разводить руками в недоумении. Этим-то мне и полюбился человеческий мир. В нем никогда нельзя знать наверняка, что произойдет в следующее мгновение.

Дни медленно сплетались паутинкой мгновений, неизменно отсчитывающих секунды от точки невозврата. Я чувствовала, как над моей головой нависла угроза, источник которой никак не удавалось отыскать. Напряжение, застывшее в воздухе, просочилось в каждую клетку, узелком сплеталось в нервных окончаниях и заставляло волоски на теле дрожать. То и дело я замирала, прислушиваясь к голосам вокруг, пытаюсь различить среди общего шума ниточку, за которую следовало потянуть, чтобы узнать правду.

Придя на занятия после поездки, я не встретила в кафетерии Нию, привычно ждущую меня за столиком около окна. Сперва я подумала, что девушка просто решила сменить обстановку, но, тщательно оглядев обедающих учеников, не обнаружила подругу. Женщина в телефонной трубке сообщила пустым безразличным голосом, что номер не обслуживался. В то мгновение в животе образовался комок, что, казалось бы, принялся выворачивать все мои органы наизнанку страхом.

Я попыталась унять нервозность, что с каждым днем проявлялась все больше. Я непрерывно вертела в руках телефон, ожидая весточки от подруги, которая внезапно испарилась. Изо дня в день надеялась увидеть ее во время перерывов, но Нии не было. О ней не говорили на занятиях учителя, и ученики не слишком предали значения ее отсутствию. Лишь мы трое тоскливо смотрели на окружающих и тщетно верили, что в один из дней она обязательно вернется.

Февраль остался позади, как и холода, что не были частыми гостями в Гринвилле. Постепенно природа вокруг ожила, отсчитывая новый жизненный цикл с начала. Воздух пропитался весенним теплом, и лица окружающих постепенно оттаивали от ледяной тоски. Одноклассники все чаще бросали отрывки фраз по поводу надвигающегося выпускного. Я натянуто улыбалась, когда кто-нибудь спрашивал меня о планах, и отводила взгляд. Окончание школы не входило в список тем, на которые мне хотелось бы говорить.

— Вы еще верите в ее возвращение? — нерешительно спросила Оливия.

Очередная попытка выяснить, что же случилось с подругой, провалилась. Мы стояли на пороге ее дома в который раз за месяц, но ответом на стук было лишь протяжное эхо, доносящиеся откуда-то изнутри. Сколько бы мы не заглядывали в окна, все оставалось неизменным. Дом давно пустовал, и это лишь придавало поводов для беспокойства.

— Она не могла вот так просто исчезнуть, — я ободряюще улыбнулась, но уголки губ невольно дрогнули.

С каждым новым днем становилось все труднее верить собственным словам. Ния не подавала весточек о том, куда подевалась, а нам оставалось только гадать, не приключилась ли сней беда. От одной мысли о том, что девушка давно умерла, а мы даже не знали об этом, становилось жутко. Все не могло обернуться таким образом, и я гнала мрачные мысли прочь.

— Я несколько раз пыталась дозвониться до Исайи, но он тоже не берет трубку, — Лидия тоскливо посмотрела на экран телефона, что безутешно пустовал.

Я бросила беглый взгляд на дом. Сколько воспоминаний связывало меня с этим местом. Там я провела половину детства, временами получая тумаки от младшей Аккерман. Забавно, она всегда была боевой девчонкой, слишком отличаясь от собранного старшего брата. Ния без раздумий лезла в драку, если ее что-то не устраивало. Такое поведение не дотягивало до

идеалов женственности, но никто не смел ее в этом упрекнуть.

— Вряд ли мы добьемся чего-то, стоя тут и дальше, — протянула я и постепенно двинулась прочь. — Попробуем зайти на следующей неделе.

Обернувшись, я посмотрела на подруг. Они нерешительно жались друг ко другу, поглядывая то на меня, то на дом. Я видела в их глазах надежду, что вот-вот откроется дверь, и к нам в объятия бросится Ния, широко улыбаясь. Но секунды шли, а дверь не открывалась. Ртутные облака затянули небо, и солнце утонуло в полумраке.

— Идем, пока дождь не начался, — окликнула я Лидию и Оливию. — Вернемся через несколько дней, хорошо?

Девушки кивнули и засеменили следом. Я облегченно выдохнула. Им незачем было знать, что я приходила к дому изо дня в день, и ждала чуда, которое все не спешило случаться.

В первых числах апреля мне пришло письмо из Академии. В нем сообщалась приблизительная дата проведения выпускного экзамена. Открывая конверт дрожащими руками, я не хотела думать, что в паре строк на белой бумаге заключалась моя судьба. Мама коршуном нависла надо мной, и я могла слышать, как быстро колотилось сердце в ее груди от предвкушения. Она ждала этого дня больше, чем кто-либо другой.

— Осталось чуть более двух месяцев, — удовлетворенно протянула женщина, вытирая руки о передник. — У тебя еще есть время попрощаться с человеческим миром, вряд ли ты в него вернешься.

Я удивленно вскинула брови, пряча письмо в блокнот.

— Почему ты так считаешь?

Мама достала из холодильника мясо и принялась резать его на маленькие ровные кубики. Нож в ее руках скользил плавно и точно. Ее движения приковывали взгляд, и невольно я не могла оторваться от созерцания процесса. В голове мелькнула мысль, что, должно быть, мама могла быть довольно опасной, если представить вместо обычного куриного филе человеческое тело.

— Ну, морты с твоим даром редко покидают остров и живут среди людей, — женщина слегка пожала плечами. — Разве что ты выйдешь замуж за кого-нибудь из Унфа или Дэйреко, что позволит тебе приспособиться. Хотя, думаю, это не понадобится. Бабушка подыщет тебе работу на острове, которая удовлетворит все потребности, и ты останешься там.

— Но я не хочу жить на острове. Мне нравится здесь, среди людей. Почему я не могу остаться? — жалобно проскулила я.

В меня вонзился колющий взгляд. Мама не радовалась такому ответу. Она отложила нож в сторону и, обойдя стол, поравнялась со мной.

— Айви, дорогая, — ее приторно-сладкий голос, за которым женщина пыталась скрыть раздражение, был так схож с бабушкиным. — Думаю, ты неправильно меня поняла. Если ты не забыла, ты и так не на самом хорошем счету у Сената. И самым разумным решением будет остаться на острове и принять свою судьбу.

— Они оправдали меня. Они признали меня невиновной, — я сжалась под маминым взглядом, все еще питая жалкие надежды отстоять свое мнение.

— Это ничего не меняет. Твое решение покинуть остров могут расценить как предательство. Подумай над тем, что станет с *твоей семьей*, если ты выберешь не ту

сторону.

Пальцы женщины коснулись моей щеки. Я едва не отпрянула в сторону, и лишь тяжело задышала, пытаясь не поддаваться страху и отвращению.

— А теперь, будь добра, позови своего отца, мне нужно с ним поговорить, — мама чмокнула меня в лоб.

Сухие губы оставили после себя неприятный зуд, и я попыталась стереть его рукавом кофты. В отличие от мягких, ласковых прикосновений отца, которые с годами не менялись, мамины отдавали горечью и безразличием.

Я поднялась с табурета и направилась на слегка шатающихся ногах в кабинет отца. Образ любящей матери, что женщине удавалось поддерживать на протяжении полугода, дал трещину, и сквозь нее на меня уже глядела прежняя Хелен Блумфилд. Спектакль окончился, и актеры вернулись к своим привычным ролям. В груди неприятно защемило. Я успела поверить в то, что ничего не изменится и после выпускного.

Некоторые вещи нельзя было так просто искоренить. Они плотно врастали в кожу, становясь с ней одним целым. В случае с мамой борьба была бесполезна. Женщина давно для себя все решила, и даже если вся вселенная посчитает меня святой, она не изменит своего мнения. Стоило раньше понять, что мне не выиграть в войне, исход которой задолго до этого был уже предрешен.

Возвращаясь в очередной раз от дома Нии, я брела вечерними улицами, смотря под ноги. В наушниках громко играла незнакомая финская группа, песни которой я отыскиала в плейлисте подруги. Проталкиваясь сквозь толпу, едва ли не впервые в жизни мне хотелось бежать прочь, подальше от шумных улиц, от прохожих, от всего. Я раздраженно пнула какого-то парнишку, налетевшего на меня, и буркнув пару недовольных слов, поплелась дальше.

Неподалеку маячила Эвон. Девушка молчала, не пытаясь забраться в мою голову, чтобы привести мысли в стерильный порядок, как она любила. Душа чувствовала мою тоску, делиться которой я не спешила, но не спрашивала.

Очередную песню прервал телефонный звонок. Я вынула наушник из уха и посмотрела на экран.

— Да, Лив.

— Она не вернулась?

В голосе подруги было слишком много надежды, что мне становилось физически больно отвечать.

— Без изменений, — пробормотала я.

По ту сторону звонка послышался обреченный вздох.

— Мне жаль...

— Ты не виновата, — пролепетала Оливия, словно извиняясь за свою реакцию на сказанное. — Спасибо, что проверила. Завтра увидимся.

Прежде, чем я успела ответить, девушка положила трубку. Я заблокировала экран и запихнула телефон в карман. Все вокруг вдруг показалось мне каким-то неестественным и чужим. Будто бы я стояла на той же улице, но в параллельной вселенной, в иной жизни. Бутафорская реальность с плохо заученными ролями актеров.

Я злостно пнула камешек под ногами. Достойный поступок, ничего не скажешь. Вечное нытье о том, как плохо мне было после исчезновения подруги, давно перестало иметь какой-

либо смысл, и стало просто ежедневным ритуалом, который каждая из нас произносила, словно клятву. Как будто бы это могло что-то изменить.

Я ускорила шаг, желая как можно быстрее оказаться около своего дома. Бесконечная чехарда начинала утомлять, и где-то в глубине души я боялась, что в один момент меня накроет принятием ситуации, и я просто перестану ждать. Быть может, давно пора было уже это сделать, ведь прошло два месяца с момента исчезновения девушки, но я все еще держалась за крошечную соломинку, что упорно твердила мне о непременном возвращении Нии.

Неожиданно внутри узлом скрутился страх. Я замерла, всматриваясь в лица окружающих, но никак не могла отыскать нужное. Что-то тревожило меня, скреблось о черепную коробку, заставляя меня ежиться и оглядываться по сторонам. Будь Курт жив, я бы без колебаний решила, что он следил за мной, но парень погиб. Не значило ли это, что не он один преследовал меня?

Чья-то рука обхватила мое запястье и потянула за собой сквозь толпу. Я попыталась вырваться, но пальцы держали меня стальной хваткой. Силуэт, облаченный в черную толстовку, уводил меня прочь от людей. Тоненький голосок в голове прошептал, что незнакомцу можно доверять, и я отказалась от попытки сбежать, стараясь не терять бдительности.

Фигура резко свернула в темный переулок, ведя меня за собой. Хватка пальцев ослабла, и я резко выдернула свою руку, прижимая ее к груди. На бледной коже виднелся алеющий след. Я удивленно отметила, что вовсе не была напугана.

— Кто ты? — сквозь зубы прорычала я. — Чего тебе нужно?

Не успела я толком сообразить, как уже была прижата к стене. Капюшон слетел с головы, и на меня уставились знакомые карие глаза. Я столько раз смотрела в них, поражаясь той уверенности и стойкости, что они излучали. Но в переулке на меня глядели глаза безумца. Я видела страх во взгляде, метавшемся из стороны в сторону, словно сорвавшийся с цепи пес, и впервые так сильно боялась.

— Ния? — практически выдохнула я.

Осунувшееся лицо едва ли могло принадлежать моей подруге, но это определенно была она. Ния Аккерман, пропавшая без вести два месяца назад, затыкала мне рот пропахшей кровью рукой, опасливо оглядываясь по сторонам. Меня замутило, и я скрутилась, пытаясь унять рвотный позыв. В висках бешено стучала кровь, и я была готова в любой момент сорваться с места и бежать прочь. Только вот что-то внутри упорно твердило, что я должна была выслушать подругу, не задавая вопросов.

— У меня слишком мало времени, — пробормотала девушка, придерживая меня одной рукой. — Они идут за мной.

— Кто?

Что-то подсказывало мне, что я уже знала ответ. Пугающий до кончиков пальцев, заставляющий меня дрожать и пятиться назад, только бы не слышать его, не проверять правдивость своих догадок.

— Тени, — тихо пробормотала подруга.

Ее слова оглушили меня. Ноги подкосились, и я едва не рухнула на землю. Прижавшись спиной к стене в попытке сохранить равновесие, я задыхалась от нахлынувших эмоций. Откуда Ния могла знать о Тенях? Зачем она им понадобилась?

— Ты охотница? — внезапно все кусочки паззла соединились, и я ошеломленно глядела

на подругу.

— Айви, нам нужно бежать, — в самое ухо прокричала Эвон.

Но я не двигалась с места, ожидая чего-то, чему сама не могла дать объяснения. Каждая секунда была на счету, и любой на моем месте предпочел бы спасти собственную шкуру, а уж после разбираться со всем, но я молча смотрела на подругу.

— Ты должна отыскать Виджерту, — прошептала девушка, игнорируя мой вопрос.

— При чем здесь детская сказка?

Мы были одни, скрытые темнотой переулка, пока мимо то и дело беспечно сновали люди, но я, как никто, знала, что попытки спрятаться всегда приводили к провалу. Тени уже знали, где мы, и выжидали момента, чтобы напасть.

— Она поможет во всем разобраться.

— Я не понимаю, — я тряхнула головой, прогоняя оцепенение.

— Они здесь, — голос Эвон отрезвил меня. — Нам пора уходить. Оставь ее.

— Но мне нужны ответы! — я сорвалась на крик. — Почему я должна найти Виджерту? Что это, черт возьми, значит?

Эвон схватила меня за плечи и тряхнула, привлекая внимание.

— Ты меня слышала? Тени здесь. Они пришли за твоей охотничьей подружкой, и вряд ли Сенату понравится то, что ты внезапным образом оказалась рядом.

— Прости, у меня нет времени объяснить тебе все. Вместо меня придут другие. Свяжись с ними, они расскажут, — губ Нии тронула грустная улыбка. — Я обещаю, они все тебе расскажут. Она клялась, ты все поймешь.

— Кто такая Она? — я дернулась в сторону девушки, высвобождаясь от рук Эвон. — О ком ты говоришь?

Подруга отступила на пару шагов назад и отрицательно закачала головой. Блеск в ее глазах потух. Я изнывала от желания встряхнуть ее, разбудить от этого безумного сна, в котором мы обе затерялись, но ноги словно приросли к земле.

— Береги себя, Айви... — губы Нии искривила печальная улыбка.

Резко развернувшись, девушка ринулась прочь, вглубь переулка. Не удержавшись на ногах, я рухнула на землю. Ладонь скользнула по асфальту, вызывая ноющую боль стертой кожицей. Я собрала все имеющиеся силы и, придерживаясь рукой о стену, поднялась. Тело словно свинцом налилось, и не хотело повиноваться командам, что выкрикивал мозг. Сделав пару шагов, я замерла на месте. Глаза широко распахнулись, и с губ сорвался крик.

Переулок был заполнен фигурами в черных плащах, расшитых серебром. Тени окружили Нию. Девушка металась из стороны в сторону, пытаясь отыскать лазейку в плотном кольце из тел, но мы обе осознавали, что ее действия были обречены на провал. От них никогда и никто не уходил. Одна из фигур грубо схватила подругу за руку, притягивая к себе. Бледные пальцы сомкнулись на девичьей шее. Ния брыкалась, пытаясь выбраться, царапалась и беспрерывно ругалась.

Тень приподняла девушку над землей. Ноги беспорядочно дергались, пытаясь найти опору, и подруга судорожно хватала воздух. Ее глаза закатились, а изо рта вырвался хрип. Постепенно ослабнув, Ния безвольно повисла, изредка подергиваясь. Хруст чужих костей оглушил меня. Рука, торчащая из груди девушки, выглядела слишком неестественно. Лицо подруги исказила гримаса боли. Крик ужаса рвался наружу, но я обеими руками затыкала рот, пытаясь сдержать его.

Я прокусила ладонь до крови, и рот наполнился привкусом железа. Прислонившись к

стене и сдавливая рыдания в себе, я закрыла глаза. Я не хотела знать, что будет дальше. Не хотела искать Виджерту, о которой твердила Ния. Меня била мелкая дрожь, а в ушах стоял звук ломающихся костей.

Открыв глаза, я увидела, как рухнуло на землю бездыханное тело девушки. В руках Тень сжимала что-то, и, стоило мне понять, что это было сердце подруги, как меня тут же стошнило. Скорчившись, я опиралась о стену рукой, пока меня рвало на собственные кеды.

Ворвавшийся в голову дым сбил меня с ног. Я замерла, практически не дыша, пока чье-то сознание грубо рыскало в моем мозгу, отыскивая слова, сказанные Нией. Чужие руки перебирали воспоминание, и меня замутило от отвращения.

— Она чиста, — слышался голос, стоило дыму раствориться.

Я обессиленно рухнула на землю. Мимо меня двигались ноги. Я боялась поднимать взгляд, смотреть им в глаза. То, что они не растерзали меня на месте, уже можно было считать удачей. Я лежала и смотрела на окровавленную руку Нии, сжимающую что-то в кулаке.

Борясь с оцепенением, я приподнялась и поползла по асфальту, стирая колени в кровь. Не успела я преодолеть и пары метров, как на мою руку опустился тяжелый ботинок, и я заскулила от боли. Дрожащими пальцами я попыталась отпихнуть чужую ногу, скреблась о кожу ногтями.

— Пусти ее, — раздалось откуда-то сверху. — Лизель сказала, чтобы мы ее не трогали, если встретим.

Ботинок исчез, и я продолжила ползти. Воздух пропитался запахом крови, и к горлу вновь подступила желчь, но я пыталась не думать о том, как выворачивало желудок внутри. Добраться до Нии. Остальное не важно.

Когда моя рука нащупала липкую кожу, я села на асфальте. Лицо девушки искривилось от боли, что та испытала перед смертью. Я старалась не смотреть на дыру в ее груди, не думать о торчащих наружу костях и мерзком запахе, исходящем от трупа. Бережно, даже нежно я приподняла голову подруги и уложила к себе на колени, баюкая. Короткие обрубки каштановых волос слиплись от крови, а закатившиеся глаза устрещающе смотрели в небо. Я прикрыла ее веки, пытаясь придать изуродованному телу немного лучший вид.

— И что в ней особенного? — до моего слуха, словно эхом из другого мира, долетели слова. Я едва смогла их разобрать из-за шума в голове, который все не утихал. — Жалкая девчонка. Тьфу!

— Она внучка одной из Древних. Если приказ был не касаться ее, мы должны ему следовать.

Я смотрела на Нию, боясь моргнуть. Казалось, вот стоит мне закрыть глаза, и Тени вырвут ее из моих рук, унесут прочь, оставляя меня рыдать в грязи темного переулка. Я гладила девушку по волосам, приговаривая, что все будет хорошо. Тело дрожало, и заостреннейшие пальцы едва слушались. Не заметив, я сгрызла губы в кровь, которая медленно стекала по подбородку.

— Прости меня, — бормотала я сквозь слезы, стирая с девичьей щеки кровь. — Прости меня...

Часть Третья. Эновисон

20** год

Эвон помнила все как-то слишком уж отчетливо. Как визжали шины в безуспешной попытке замедлить летящую на нее иномарку. Как Мишель вскрикнула, отпрыгивая в сторону. Как ее собственное тело снесло с ног и подбросило в воздух. Мгновение в невесомости, и вот уже в ушах отдавался эхом жуткий хруст, а легкие наполнились кровью. Девушка ошеломленно распахнула глаза, выдохнула и...

И все закончилось.

Она ждала чего угодно. Длинного тоннеля со спасительным белым светом, к которому придется немного пробежаться. Райского сада посреди облаков или огромного котла с кипящим маслом. Перерождения в гусеницу или мангуста. Даже пугающей, поглощающей все живое пустоты. Но, открыв глаза, она стояла посреди обычного дома среднестатистической американской семьи.

Удивленно протерев глаза, Эвон огляделась. Вокруг сновали дети, и девушка недовольно поморщилась. К ним она никогда не питала особой любви. Младшая сестра, с которой приходилось возиться, пока мама отработывала две смены, чтобы содержать дочерей, выматывала похуже домашних заданий и уборки в квартире. Воспоминание о семье не вызвали в девушке ни тоски, ни сожалений, ни боли. Ничего. Пустота и безразличие, что даже не пугали.

— Новенькая? — раздался голос за спиной.

Обернувшись, девушка встретилась взглядом с пареньком лет тринадцати. Его полупрозрачное тело излучало зеленоватый свет, а на месте сердца пульсировал огонек. Паренек нахально усмехался, опершись о дверной косяк.

— Сид, — он протянул руку, и девушка пожала ладонь.

— Эвон.

— Что ж, Эвон, — собеседник нарочито выделил ее имя, пытаясь придать своему голосу важности. — Добро пожаловать в клуб мертвых людей.

Девушка фыркнула, закатывая глаза.

— Ох, спасибо. А я бы сама не догадалась, что коньки отбросила. Или ты ожидал театральной постановки «О Господи, что со мной? Где я? Я не могла умереть!» и бла-бла-бла? Еще не поздно начать размахивать руками и носиться из стороны в сторону, взывая к небесам?

Запал Сиды значительно померк. Парнишка сложил руки на груди и отвел взгляд в сторону.

— Могла бы и подыграть, раз такая умная, — пробурчал он.

Эвон усмехнулась. Все, о чем так упорно твердили книги, оказалось ложью. Она совсем не была напугана, и почему-то понимала все намного отчетливее, чем при жизни. Словно внезапная смерть открыла перед ней двери ко всем потаенным знаниям мира. Вот, только руку протяни, и пользуйся, сколько вздумается.

— Если тебе не нужно объяснять азы, тогда иди, знакомься, та рыжая деваха с праздничным колпаком на голове — твоя, — бросил Сид, скрываясь за стеной.

Девушка отыскала взглядом ту, о ком говорил паренек, и принялась ее разглядывать. Обычный такой себе ребенок. Огненные кудряшки забавно подскакивали, когда девушка

оживленно рассказывала какую-то историю. За ее спиной возвышался мужчина, с любовью глядя на малышку. Что-то подсказывало, что он был ее отцом. А вот матери поблизости не наблюдалось.

Девочка то и дело касалась кулона на шее, будто боясь, что он вот-вот должен был исчезнуть. Она невольно поглядывала по сторонам, ища что-то. Вдруг ее взгляд зацепился за Эвон, и та заинтересованно уставилась на незнакомку.

— Хей, с днем рождения, мелкая. Сколько это тебе сегодня раз Земля кирпичом по голове стукнула?

— А? — девочка недоуменно наклонила голову.

Эвон покачала головой, усмехаясь, мол, забудь. Остальные дети уставились туда, куда смотрела виновница торжества, но, как и ожидалось, ничего не увидели.

— Ты это с кем, Айви? — спросила розовощекая девочка, убирая с лица локон пшеничных волос.

«Айви, значит», — подумала Эвон.

Голова закипела от информации, словно в нее вливали заводские настройки. После смерти все было совсем иначе, не так, как девушка себе представляла. Она откуда-то знала, что эта малышка — жнец, забирающий человеческие души, и что она вовсе не такая, как остальные. Знала, что сама она будет привязана к ней до конца ее жизни. Знала, что все, что делало ее человеком, исчезло, и остался лишь крошечный осколок из воспоминаний и чувств, которые были слишком уж чужды душе.

Эвон смотрела на Айви, смеющуюся и убеждающую друзей, что ни с кем она не говорила, а в голове, будто мантра, звучали слова.

«Приспособься. Ты должна защищать ее. Ты должна помогать ей. Ты должна стать ее другом».

— Так вот какова она — жизнь после смерти, — фыркнула девушка, принимая новую ипостась.

Эвон Дефоссе погибла под колесами автомобиля ноябрьским утром. Ее оплакивали родные где-то за океаном, куда она больше не вернется. Быть частью вселенной нравилось Эвон определенно больше, чем человеческая жизнь.

Спотыкаясь, я взобралась по ступенькам на дрожащих ногах.

— Кто такая Ния? — недоуменно смотрела на меня Оливия, ковыряясь вилкой в тарелке с жареной картошкой.

Сердце громко стучало, эхом отдаваясь в ушах. В глазах потемнело, и я оперлась рукой о стену, скрутившись пополам и восстанавливая дыхание.

— Как она может быть нашей подругой, если мы ее даже не знаем? — брови Лидии удивленно взметнулись вверх, а сама девушка слегка наклонила голову.

Я несмело постучала в дверь, подставляя лицо прохладному ветру. Щеки горели, словно я подхватила простуду, и к горлу подступила тошнота.

— В нашей школе никогда не училась девушка по имени Пенсильвания Аккерман, — стальной голос мистера Спрейбери пригвоздил меня к месту.

Не сдерживаясь, я молотила чужую дверь кулаками, сдирая кожу с костяшек. Плевать на позднее время и на вибрирующий в кармане телефон.

— Айви, ты хорошо себя чувствуешь? Я никогда не знал... Прости, как ты ее назвала? — Айзек насмешиливо фыркнул. — Пенсильванию? Что за нелепое имечко. Вот же поиздевались родители, ничего не скажешь.

Тяжелое дыхание оглушало. Удар. За ним еще один. И еще. Снова и снова.

— Почему она тебя так волнует? — Лидия сжала мою ладонь своими пальцами. — Эта Ния... Раз она была так важна для тебя, почему ты никогда о ней не рассказывала?

— Да откройте уже, чёрт бы вас побрал! — голос срывался на хрип.

Тело било мелкой дрожью, хоть на дворе и стояла майская жара. Затертые старые спортивные штаны болтались на бедрах, так и норовя соскользнуть. Из небрежного пучка на макушке одна за другой выпадали пряди. Я лупила ладонью о деревянную поверхность, не жалея сил, и покрасневшая кожа саднила.

Дверь резко приоткрылась, и я замерла с занесенной для очередного удара рукой в воздухе. На меня глядели перепуганные глаза Си Джея. Он неуверенно выглядывал, прикрываясь дверью, словно щитом.

— Дилан дома? — выпалила я.

Не успел мальчик толком кивнуть, как я толкнула дверь резким ударом. От неожиданности Си Джей попятился и, споткнувшись о кроссовок в прихожей, растянулся на полу. Я переступила порог и рванула вглубь чужого дома.

— Что ты здесь делаешь? — дорогу мне преградил Невил.

Парень окинул меня угрожающим взглядом. Я чувствовала, как в его голове вертелись шестеренки, подбивая вытолкнуть меня за дверь. Сделав шаг назад, я замерла, выжидая. Взгляд метался из стороны в сторону, ища лазейку, чтобы проскочить мимо юноши, не будучи пойманной.

— Кто там? — послышался голос Винсента из гостиной.

Невил повернул голову на звук, что стало ошибкой. Едва открыв рот, чтобы ответить, парень осознал, что сам предоставил мне возможность пронестись мимо и буквально взлететь по ступенькам на второй этаж.

— Айви! — послышался за спиной угрожающий возглас.

Я толкнула первую попавшуюся дверь. Пусто. Следующая попытка оказалась удачной.

Окинув взглядом знакомую фигуру, я ввалилась в комнату, захлопнув за собой дверь, и прижалась спиной к деревянной поверхности. Мое сбивчивое дыхание было единственным звуком, нарушающим тишину. Прикрыв глаза, я позволила себе передохнуть, а после подняла взгляд.

Дилан сидел ко мне спиной. Прислушавшись, я различила мелодию, едва доносящуюся из наушников. Полумрак, царивший в комнате, освещал тусклый свет, исходящий от экрана ноутбука. Ослабевшие ноги едва удерживали меня, и я постепенно сползла на пол. Запал, приведший меня в дом Арджентов, постепенно угасал, и меня все больше накрывало очередной волной истерики.

В какой-то момент парень отложил наушники в сторону и плавно развернул стул в мою сторону. Тень, падающая на его лицо, искажала черты. Он снял очки, и я заметила, что под глазами пролегли черные синяки, словно парень не спал уже много дней.

— Что ты?..

— Они не помнят ее, — перебила я Дилана, срываясь на крик. В горле застрял ком, и я прикусила щеку, пытаюсь вернуть контроль. — Никто... никто не помнит. Я спрашивала. Почему *все* отвечают, что никогда не знали Нию Аккерман? — я запинаясь едва ли не после каждого слова. — Почему все, как один, твердят, что ее не существует?

— Ты пришла ко мне за полчаса до полуночи, чтобы ныть о какой-то чертовщине, о которой я понятия не имею? — голос парня был пропитан скепсисом.

Я не заметила, как вновь сгрызла губы в кровь, сдирая тонкую кожу. Пальцы нервно теребили ткань футболки, а сама я жалась к двери, словно загнанное в угол животное. Только вот я сама пришла к нему, ворвалась в чужой дом без приглашения. *Я сама....*

— Я не знала, к кому еще идти, — заикаясь, твердила я. — Просто не знала. Никто не слышит меня, никто не верит. Мне не верят, Дилан. Они думают, — с губ сорвался нервный смешок, — что я сбрендила. Но ведь нет же, нет! Я знаю, она существовала. Она была моей подругой. Точно была, я помню это. Я ведь не могла этого придумать, да? Не могла ведь...

Я обхватила колени руками, и фыркнула. Почему мне все вдруг показалось таким смешным и бессмысленным? Почему захотелось рассмеяться? Это ведь не смешно. Не смешно совсем.

— Это все они, я знаю, — пробормотала я, надув щеки. — Кто же еще? Только они могли влезть всем в голову и заставить забыть Нию. И как я сразу не догадалась? Это ведь так просто, так очевидно, правда? — я посмотрела на парня. — Почему ты не сказал мне, что все так просто?

— О ком ты говоришь? — Дилан присел около меня на полу.

Голос звучал ласково, будто он говорил с полоумной. Его волосы спутались, и на них осели пылинки. Растянутый свитер висел на худощавом теле, и казался мне слишком нелепым. Почему он нацепил его? Разве ему не было жарко?

— Почему я не подумала раньше? — прошептала я, прикладывая палец к его губам. — Толькотак все можно объяснить, правда? Только так.

Я рассмеялась. Нервный, истерический хохот, что узлом свернулся в животе. Я откинулась назад, стукнувшись головой о деревянную поверхность. Легкие всполохнули огнем. Перед глазами завертелась безумная карусель из отдельных кадров, что я не могла свести воедино. Ногти царапали шероховатую поверхность ковра. Мне хотелось кричать, но из горла вырывался лишь сдавленный хрип. Сердце колотилось в груди, ударяясь о ребра, и его стук заглушал все звуки.

Паника. Она поджидала меня за каждым углом, в каждой тени, в каждом воспоминании. Стоило мне потерять бдительность, как она медленно выползала из своего укрытия и, словно хищница, выгнув спину, бросалась на меня. Острые зубы вгрызались в кожу, без промедлений находя сонную артерию, и выпускали смертельный яд в кровь.

Неожиданно моих губ коснулось непривычное тепло. Я задержала дыхание и широко распахнула глаза. Чужое лицо было слишком близко. Я могла рассмотреть темные крапинки в зеленой радужке. Холодные пальцы сжали мою ладонь, что без устали скребла ковер. От неожиданности я прикусила губу, и рот наполнился чужой солоноватой кровью.

Дилан поморщился и отстранился.

— Какого... чёрта? — ошарашено пробормотала я.

— Если у женщины истерика — сделай так, чтобы она обалдела и успокоилась. Никогда не слышала об этом правиле? — сквозь зубы процедил парень. — Чертова вампирша.

Я облизала пересохшие губы и нервно сглотнула. Осознание происходящего медленно начинало доходить до меня, паззлом укладываясь в голове.

— Ты... — прошипела я, сжимая ладони в кулаки. — Успокоить меня поцелуями было лучшим, что ты придумал?

— Не за что, — Дилан закатил глаза и поднялся с пола.

Я рывком подорвалась на ноги и схватила его за плечо. Внезапно накотившая злость ослепляла, и руки чесались врезать юноше по лицу за наглость, которую он себе позволил.

— Успокойся, Варенье. Злишься так, словно впервые целовалась.

— И вовсе не впервые, — фыркнула я, складывая руки на груди.

— Тогда все чудесно. Это не то, что кто-либо из нас хотел бы запоминать. По крайней мере, ты забыла про свою проблему. Не благодари.

Умостившись на стуле, парень рукой нащупал наушники и заткнул ими уши. На экране ноутбука высветилась таблица в Excel. Юноша всячески давал понять, что разговор окончен, и я могла проваливаться из его комнаты.

Внутри тихо заскреблась обида. Кто вообще целует девушку, а потом, как ни в чем не бывало, возвращается к своим делам? Словно это пустяк какой-то. Почему он не двинул мне по лицу, чтобы успокоить? Не выставил прочь, не желая слушать мои проблемы? Злость постепенно утихла. Я присела на чужую кровать, пытаюсь совладать с эмоциями. Бросая украдкой взгляды на ссутулившуюся спину парня, я не могла понять, что делать дальше.

Настенные часы равномерно тикали, приближая время к часу за полночь. Глаза постепенно начали слипаться, и я прилегла на кровать, скрутившись в позу эмбриона. Мысленно я обещала, что всего пару минут, и я переберусь на пол, не желая занимать кровать человека, на которого безумно злилась. Но внутренний голос услужливо подбрасывал каверзный вопрос, заставляя меня оправдываться. Раз я так убеждала себя, что терпеть не могла Дилана, почему именно в его комнате я искала понимания и защиты?

Левая рука затекла, и я невольно заворочалась, пытаюсь выпустить ее из-под живота.

— Тшш, — слышался едва различимый шепот.

Моей щеки коснулись холодные пальцы, выводя замысловатые узоры на коже. Я придвинулась ближе к источнику тепла и уткнулась носом в мягкую ткань. Чужая рука переместилась на спину, успокаивающе поглаживая меня. Сквозь дремоту постепенно пробивались лучики сознания, воскресившие воспоминания минувшего дня. Я, бьющаяся в истерике на полу в комнате Дилана. Замешательство парня. И поцелуй...

Невольно я облизала нижнюю губу. Мысль об этом заставляла меня смущенно прятать лицо в складках чужого свитера. Я пыталась отыскать причину стеснения, что накрыло меня, но она все не находилась, сколько бы я ни думала об этом вновь и вновь.

Я приоткрыла глаза и попыталась выбраться из объятий. Но стоило мне только двинуться, как руки обвились вокруг меня сильнее.

— Все хорошо, ты в безопасности, — сонливость придавала мужскому голосу некого очарования.

Я повторила попытку подняться более настойчиво, и в какой-то момент юноша сдался и расслабил руки, позволяя мне покинуть его объятия. Я села на кровати и протерла глаза, зевая.

— Почему ты не разбудил меня?

Дилан приоткрыл один глаз и посмотрел на меня. В его взгляде не было ни насмешки, ни недовольства, лишь безграничная усталость. Внутри все сжалось, и я стыдливо отвернулась, пытаясь спрятать лицо.

— Прекрати вечно винить себя, — юноша потер переносицу. — Я сделал так просто потому, что захотел.

Я медленно перебралась через парня, пытаясь не касаться его. Казалось, это его позабавило, и он едва слышно фыркнул.

— Видимо, ты слишком сонный, чтобы вновь забросать меня сарказмом, — я невольно улыбнулась, восстанавливая равновесие, и принялась собирать волосы в хвост.

Дилан перевернулся на другой бок и уставился на меня, зевая. Я невольно поймала себя на мысли, что люблюсь им. Это было так странно и вовсе мне не свойственно. Воспоминания о первой встрече смазались, злость утихла, и я осознала, что больше не ненавидела его. Мне хотелось узнать, что творилось в закоулках его разума, и о чем он думал в тот самый момент, пока я спала на его кровати.

— Надеюсь, ты больше не завалишься в мой дом в истерическом состоянии, — пробормотал парень.

— Я постараюсь.

Губы изогнулись в грустной улыбке, и я осознала, что пришла пора прощаться. Не только с Диланом. С Гринвиллом и привычным для меня миром. Смерть Нии стала отправной точкой, после которой всему уже никогда не вернуться в привычное русло. Мортем слишком уж сильно обвил щупальцами мое сердце, норовя выдрать из него все дорогое мне с потрохами. И если я хотела уберечь людей, что были так важны мне, то должна была уйти.

Я наклонилась, поддаваясь эгоистичному порыву, и коснулась губами лба парня, разглаживая морщинки. Маленькая вольность напоследок. Отстранившись, я резко развернулась и направилась прочь из комнаты, стараясь не оборачиваться. Быстрым шагом спустилась по лестнице и выскочила за дверь, покидая дом Ардженов.

Ноги сами несли меня прочь, а на душе было слишком паршиво. Я сдерживала себя, чтобы не оглянуться, не поддаться слабости. Все было кончено уже в тот миг, когда Ния испустила последний вдох. Уже тогда я точно знала, что будет после. Жизнь, что так тщательно пророчила мне мама, наконец, начала обретать реальные черты.

— Ты куда? Твой дом совсем в другой стороне, — меня нагнала Эвон.

Ее голос звучал растеряно.

— Хочу кое-что сделать.

Неоднозначный ответ еще больше запутал подругу, но она молча следовала за мной в сплетении улочек и озиралась по сторонам, пытаясь определить цель моего маленького путешествия. И я заметила искорку понимания в ее взгляде, стоило нам свернуть в сторону дома Нии.

Я замерла в нерешительности, глядя на огромные пустые окна. Мне всегда казалось, что я слишком хорошо знала семью Аккерман. Но даже они сумели меня удивить, храня секреты моего мира. Ния оказалась ближе к осознанию истины, чем я могла представить.

Пройдя еще пару шагов, я постучалась в соседскую дверь. Не прошло и пары секунд, как она отворилась, и на пороге выросла незнакомая девушка. Она дожевывала блинчик и лучезарно мне улыбалась.

— Вам кого?

Не успела я ответить, как в прихожую с задорным лаем выскочил Майло, виляя хвостом. Маленький щенок превратился в огромного пса, который тут же снес меня с ног. Он радушно тыкался носом в мою щеку и, казалось, был очень рад меня видеть.

— Привет, дружок, — я почесала его за ухом.

Майло присел рядом, позволяя мне подняться с земли, и выжидающе посмотрел на меня. Последняя ниточка, связывающая меня с Нией, которую я обязана была повидать прежде, чем покинуть город. Уж он-то без сомнений помнил свою хозяйку.

— Надеюсь, новая семья хорошо о тебе заботится, — прошептала я, поглаживая мягкую шерсть. — Только не забывай Нию, ладно?

Со стороны я, вероятнее всего, выглядела довольно нелепо, ожидая от собаки осмысленной реакции на сказанное, но в глубине души я знала, что эти слова предназначались мне самой. Как бы мне не было больно, я обязана была помнить все то время, что мы дружили, и верить ей.

— Надеюсь, он не приносит хлопот...

Но девушки на пороге уже не было. Я в последний раз посмотрела на Майло и направилась прочь.

До дома я буквально бежала, проталкиваясь через толпу прохожих. Стоило мне захлопнуть за собой дверь, как в коридоре показалась мама. Ее взгляд пылал праведным гневом, и я могла ее понять. Женщина злилась и отчитывала меня, а я постепенно восстанавливала сбившееся дыхание.

Наконец, прерывая ее на полуслове, я выпалила:

— Я не хочу больше оставаться здесь. Отправьте меня на остров.

Сколько бы я не пыталась отыскать в книгах что-либо о Виджерте, все было без толку. В первый же день после моего прибытия на остров я понеслась в библиотеку и потребовала Лавинию принести мне все книги, в которых, так или иначе, упоминалась сказка, передающаяся из уст в уста многие века подряд. Я перечитала их все от корки до корки, но не нашла ничего нового, что могло бы мне расшифровать сообщение Нии. И это начинало сводить с ума.

Я пыталась отгородиться от воспоминаний стеной, не думать о произошедшем. Но память услужливо подбрасывала яркие образы, от которых меня бросало в пот, и я балансировала на грани, едва не падая в объятия очередной истерики. Тело била легкая дрожь, но я продолжала бродить между исписанными страницами, словно ищейка, в надежде, что мне повезет.

Я свыклась с сочувствующей улыбкой Лавинии, встречающей меня день ото дня. С накатывающей паникой, которая бралась словно из ниоткуда и пропадала в одно мгновение. С запахом пыльных книг и завывающим ветром, что носился коридорами лабиринта под библиотекой. С молчаливой Эвон, сидящей рядом и глядящей словно в пустоту. С бесконечными сообщениями Лидии, что переполнили мою страничку на Фейсбуке. Только с одним я никак не могла смириться...

Я чувствовала, как медленно попытки отыскать Виджерту вытягивали крупницы сознания, делая меня одержимой. В голове тихо шептал голосок подсознания, что я обязана была прервать поиски, иначе потеряю рассудок, но я затыкала его очередной старинной книгой. Я перестала спать, только бы не видеть кошмары, не видеть изможденное лицо Нии, с надеждой глядящее на меня. Часы сплелись воедино, и я не знала, сколько времени прошло со дня, как я покинула Гринвилл. Не хотела знать. Я сама создавала себе иллюзию контроля над жизнью, которая давно уже полетела под откос. И мне было себя не спасти.

От очередной книги меня оторвал знакомый голос. Я спрыгнула с подоконника и под брань Эвон за спиной поспешила на его поиски. Живот скрутило спазмом, а занемевшие ноги едва держали меня, но я неслась на голос со всей присущей мне скоростью. Обогнув очередной стеллаж с книгами, я замерла.

Гюнтер стоял с книгой в руках и, казалось, не замечал ничего вокруг. Он выглядел сосредоточенным и недовольным. Неподалеку на стуле сгорбилась милая старушка лет семидесяти, глядящая на морта, к которому была навеки привязана. В ее взгляде было так много теплоты и ласки, даже любви.

Ноги начало покалывать, и я вдруг почувствовала какую-то неведомую силу, что подпитывала меня изнутри. Первый шаг был слегка неуверенным. Но я совладала с собой, усмирила волны паники, что в очередной раз подступала криком к горлу. Сокращая расстояние между нами, я удивленно осознала, что не боялась.

— Если ты думала незаметно подкрасться ко мне, то твой план провалился, крольчишка. Ты слишком громка для хищницы, — в голосе Гюнтера звучала усмешка.

И мне так хотелось рассмеяться ему в лицо. Впервые я чувствовала себя способной на что угодно, даже на то, чтобы противостоять его горькому дыму. Только вот знала, что пришла вовсе не за этим. В этот раз я пришла сдаться.

— Забери ее.

В голосе проскользнула неожиданная сталь, что удивила даже меня саму. Гюнтер медленно закрыл книгу и обернулся. Его брови удивленно взметнулись вверх. Я слегка наклонила голову влево и принялась сверлить его взглядом, ожидая ответа. Казалось, он был порядком удивлен, что я не бежала прочь, словно запуганный зверек, а стояла перед ним, гордо вздернув подбородок, и сверлила его взглядом.

— Так, так, — юноша покачал головой. — Ты сама пришла ко мне. Да еще и смеешь просить о чем-то.

В голове панически пульсировала мысль о побеге, вызванная моим подсознанием. Инстинкты, вьевшиеся под кожу, оказалось слишком трудно искоренить. Но я устала, сломалась. Держать обещание самой себе не забывать Нию оказалось в разы труднее, чем я рассчитывала. Ее мертвое тело стояло перед глазами, стоило только их закрыть, и я боялась даже моргнуть, только бы не возвращаться в тот пропахший рвотой и кровью переулочек. И загадка, ответ к которой все не находился, все больше точила мой мозг, оставляя в нем дыры. Пробелы в памяти пустыми листами представляли перед взором, и временами я не могла вспомнить, что было несколькими минутами ранее. Или прошли часы, дни, месяцы? Случилось то, чего я боялась больше всего на свете. Я постепенно теряла рассудок, и не могла остановить несущийся в бездну поезд. Я проиграла битву со своим даром, и он постепенно поглощал меня все больше, отбирая последние, что мне осталось.

— Ты ведь всегда с удовольствием забирался в мою голову. Что тебя останавливает в этот раз?

— Почему я должен выполнить твою просьбу? — Гюнтер сложил руки на груди.

Я недовольно фыркнула. В тот единственный раз, когда я наступила на горло своей гордости, и пришла к нему, он отказывался сделать то, что ранее делал с невероятным упоением.

— Просто сделай это. Забери все, что хочешь, перерой мои воспоминания. Да хоть заново меня создай, мне плевать. Только забери ее. Я устала, — мой голос хрипел от подступающих к глазам слез. — Ты ведь можешь. Ты ненавидишь меня. Тогда почему не сделаешь то единственное, что приносит тебе удовольствие, — не разрушишь меня?

Внезапно воздух наполнился смехом. Парень хохотал, запрокинув голову, словно я сказала что-то действительно забавное, и мои щеки постепенно заливались краской, начиная гореть.

— Да что, чёрт возьми, здесь смешного? — взорвалась я.

В мгновение ока наступила тягостная тишина, и в меня впился жесткий взгляд. Я следила за каждым движением Гюнтера, словно от этого зависела вся моя жизнь.

— Нет, — отчеканил он.

От удивления я раскрыла рот.

— В... смысле? — заикаясь, пробормотала я.

— В самом прямом. Я не собираюсь вторгаться в твою голову и забирать кого бы там ни было.

— Но почему? — в груди всполохнула злость. — Да что с тобой не так? Ты издеваешься надо мной несколько лет подряд, играешь, словно с марионеткой. А теперь, когда я стою здесь и разрешаю сделать тебе все, чего тебе только захочется, ты выставляешь меня прочь?

Гюнтер медленно наклонился к моему лицу и едва слышно прошептал:

— Ты не можешь выйти из игры, попытавшись обойти правила. Только сдаться. А это, — он приподнял мой подбородок, заставляя смотреть в его глаза, — не капитуляция. Я

умею различать отчаяние. Ты пришла использовать меня, а не объявить поражение. И именно поэтому я не буду помогать тебе, глупая крольчиха.

Я едва не задохнулась от ярости, переполнившей меня. Я смахнула его руку со своего лица и отошла на несколько шагов назад.

— Ты жалкая, Айви, — Гюнтер качнул головой и отвернулся. — Именно поэтому все вокруг хотят тебя сломать. Потому что ты ничего не стоишь.

Я не нашла, что ответить. Прежде, чем я успела осознать происходящее, ноги уже уносили меня прочь, а сердце билось о ребра с такой силой, словно норовило разорваться в клочья.

— Что это было? — Эвон преградила мне дорогу.

Я молча обошла ее и направилась прочь из библиотеки. Я исчерпала попытки разобраться во всем, и даже забыть не могла. Осталось выпустить демонов из клеток, в которых я так тщательно их запирала последние недели, и позволить им растерзать меня.

Кухня пропиталась запахом свежесваренного кофе. Я медленно спустилась по ступенькам и умостила на табуретке, поджимая под себя одну ногу. Отец тут же поставил передо мной парующую чашку и присел напротив. На его добродушном лице пролегли морщинки, и на меня глядели грустные уставшие глаза.

— Завтра день экзамена, — начал он.

Я видела, как тяжело давались ему слова. Тень мамы нависла над ним, хоть женщина и осталась в Гринвилле. Она всегда пыталась взять под свой контроль происходящее в семье Блумфилд, даже если все давно уже было разрушено. И в том взгляде была виновата она.

Я поднялась, обогнула стол и заключила мужчину в свои объятья, утыкаясь носом в его плечо. От него пахло кофейными зернами и жесткой пожелтевшей травой, растущей на острове. Отец обхватил меня руками, прижимая ближе, и казалось, пытался передать мне частичку своих сил, только быя держалась.

Он был свидетелем моего помешательства. Встречал вечерами с ужином и с тоской смотрел на круги под моими глазами. Он оказывался рядом, когда я просыпалась от очередного крика, и успокаивающе гладил меня по волосам. Он молча сносил все истерики, не вмешивался, пока я колотила стены и пинала вещи в своей комнате. Благодаря ему я научилась совладать со своими демонами. И глядя в папины глаза, я понимала, чего он так сильно боялся. Что, стоит мне оказаться среди горы трупов, как паника вновь возьмет верх, и я окончательно потеряю рассудок.

— Все будет в порядке, пап, — ласково прошептала я. — Я выдержу.

— Только бы это оказалось правдой, тыковка. Я не хочу еще и тебя потерять.

Что-то подсказывало мне, что спрашивать, о ком говорил отец, не стоило. Очередной секрет, который моя семья тщательно хранила. Иногда мне казалось, что проблема вовсе не в том, что они не хотели мне чего-то рассказывать. Просто прошлое обязано было остаться в прошлом, и никто не спешил беречь старые раны.

— Будь тут твоя мама, она бы нашла, что сказать. Она всегда находит, — пробормотал мужчина.

Если бы он только знал, что я вовсе и не нуждалась в словах. Их было слишком много. Лживых, приторных, громких слов, которые заполняли каждую клеточку моего тела ядом и медленно убивали. Им я больше не верила. Затыкала уши и кричала, заглушая бессмысленный бред, наполняя голову спасительной тишиной.

Разомкнув объятия, я вновь умостила на табуретке и обхватила чашку пальцами. Ее тепло согревало руки, и постепенно мое заледеневшее сердце оттаивало. Пусть всего на день, но я была в безопасности. Будущее все еще не наступило. У меня был ворох мгновений, которые я могла провести, как пожелаю.

— Я пройду, ладно? — спросила я, когда чашка опустела, а за окном сгустился туман.

Отец одобрительно кивнул, и я, подхватив плащ, выскользнула за порог. На Мортем опустились сумерки. Время неумолимо спешило, перескакивая минуты, отсчитывая мгновения до самой важной даты в моей жизни. Я плутала улочками города, пока не вынырнула на окраину. На мгновение я замерла, всматриваясь в темноту впереди.

— Это не лучшая идея, — проворчала Эвон.

— Больше не существует плохих или хороших идей.

Я пробиралась сквозь прогнившие изнутри деревья, норовящими скользнуть сухими ветками по моему лицу. С каждым шагом тьма становилась все ощутимее и, казалось, дышала в мое лицо. Она оживала, стоило зайти вглубь леса, что плотным кольцом окружал город. Я осторожно ступала по сырой земле, вслушиваясь в шорохи, но вокруг царила мертвецкая тишина, поглощающая даже звук моего собственного дыхания.

Вдруг моего локтя коснулись чьи-то пальцы, и дернули на себя. Я врезалась в чужое тело.

— Что ты здесь делаешь? — раздался незнакомый голос.

Я поежилась. Тон не предвещал ничего хорошего.

— Просто гуляю. Разве лес является запрещенной территорией?

— На сегодня Сенат объявил комендантский час. Ты должна быть дома через десять минут.

Не успела я ничего ответить, как меня поволокли прочь, не церемонясь. Я спотыкалась о торчащие из земли корни, чудом поспевая за спутником, которому едва ли было дело до того, что он буквально тащил меня через лес. Несколько веток больно хлестнули по моему лицу, рассекая кожу, и я почувствовала, как по щеке тоненькой струйкой потекла кровь.

Когда впереди замаячил свет, спутник буквально вытолкнул меня прочь из леса. Я едва удержалась на ногах, но меня тут же подхватили другие руки. Их прикосновения были нежнее и заботливее.

— Тебе стоит быть вежливее, она все же девушка, Збигнев.

Присутствие Глена успокоило меня. Я выровнялась и отряхнулась.

— Спокойной ночи, — пробурчал парень и скрылся в лесу.

Я обернулась и с благодарностью посмотрела на юношу. Он, как и Збигнев, облачился в форму Теней, но я не испытывала бывшего страха, зная, что ему можно доверять.

— Наш отряд послали патрулировать улицы, — предугадывая мой вопрос, ответил Глен.

— Комендантский час, — я понимающе кивнула головой.

— Именно. Я провожу тебя.

Мы шли молча. В одно мгновение все вопросы, которые я так хотела задать парню, исчезли. Рядом с ним меня обьяло невероятное спокойствие, даже неестественное безразличие ко всему.

— Ты ведь не пытаешься повлиять на мой эмоциональный фон, правда?

— Разве что самую малость, — Глен усмехнулся.

Когда мы поравнялись с моим домом, я повернулась и посмотрела на парня. Сквозь туман было трудно разглядеть его черты, и я слегка прищурилась.

— Почему ты вечно выручаешь меня?

Юноша пожал плечами, даже не задумываясь. Быть может, и он сам тысячу раз задавал себе этот же вопрос, не находя на него ответа. Что-то связывало нас, и каждый раз, когда мне требовалась помощь, он, словно по волшебству, оказывался рядом. Почему же я не могла любить его?

— Когда твой экзамен? — спросила я.

Я знала, он его еще не сдал. Пусть он и носил их форму и выполнял поручения, что доверялись лишь отряду Теней, я чувствовала, что он все еще не был частью того мира.

— Ближе к зиме, — уклончиво ответил Глен.

Моих губ коснулась грустная улыбка. Что-то внутри подсказывало мне, что это было нашей последней встречей до того, как он станет безжалостным убийцей, а я навеки останусь на острове выполнять поручения бабушки. Мы были составляющими единого мира, но слишком уж разных его частей, которые никогда не соприкасались.

— Удачи завтра, Айви, — юноша ободряюще улыбнулся.

— Спасибо.

Я взбежала по ступенькам и, обернувшись, помахала Глену на прощанье. Его фигура была едва различима среди тумана, но мне показалось, что он помахал мне в ответ, прежде чем скрыться во мгле.

В нос ударил сладковатый запах гниющей плоти. Палящее солнце ускорило процесс разложения, и все вокруг пропиталось трупной вонью. Выжившие не успевали избавляться от тел, которыми была усеяна потрескавшаяся из-за засухи земля. Песок летел в глаза, и я пыталась спрятать лицо за капюшоном плаща.

На удивление, мне не было жарко. Форма сохраняла привычное тепло и, закрыв глаза, я могла представить, что находилась не посреди мертвого города, а на острове, поглощенная туманом. Медленно выдохнув, я открыла глаза и подняла взгляд на преподавателей, приставленных к нашему небольшому отряду в восемь человек на время проведения экзамена. Рядом со мной стояла София. Ее губы растянулись в задорной улыбке. Девушка разминала руки и покачивала головой из стороны в сторону.

Неподалеку мелькала фигура Гюнтера. Стоило нам встретиться взглядами в холле Академии, как тот небрежно фыркнул и отвернулся. Я лишь усмехнулась. Его слова что-то изменили во мне. Весь последний год я только и делала, что жалела себя. Я погрязла в собственном нытье, обустроила свой маленький уютный форт посреди озера из выплаканных слез, и позволила себе сдаться. Он был прав, — я стала жалкой. И мне, наконец, надоело проигрывать.

— Сегодня в полночь было зафиксировано наибольший уровень смертности, — начала Мун Ку Рин, одна из экзаменаторов. — Последующие 24 часа вы проведете здесь. Напоминаю, что минимальный предел — четыре собранные души. После второй неправильно извлеченной души ученик отстраняется от сдачи экзамена. Помните, что это не битва на скорость. Вы обязаны показать свое умение и готовность стать полноценным членом общества мертвых. Желаю удачи.

Женщина кивнула, и каждому из нас вручили кожаные перчатки, обшитые зелеными нитками. Я бережно провела пальцами по крошечным нефритовым камешкам, что составляли узор на ткани. Древние сказания твердили, что нефрит прозвали камнем жизни, ведь он позволял проникать сквозь человеческое тело и забирать душу из окоченевшего тела.

— Повеселимся? Я собираюсь обставить тебя, — воодушевленно воскликнула София.

— А я не планирую уступать.

Думая об этом, как о соревновании, я забывала, что находилась среди некогда живых людей. Так сердце не болело от осознания происходящего. Все же, и мама, и бабушка оказывали мне огромную услугу, позволяя остаться на острове и никогда не видеть подобного кошмара вновь.

— Время пошло, — раздался голос за моей спиной, и я сорвалась с места.

Легкие, отточенные до идеала движения позволяли бежать практически невесомо. Я скользила по сухой земле, вздымая после себя крошечные облачка пыли, и искала отдаленное место. Солнце постепенно клонилось к закату, бросая длинные тени на поверхность. Обогнув несколько палаток, выставленных для балансирующих на грани зараженных, я остановилась.

Неподалеку лежало тело взрослой женщины. Ее светлые волосы спугались, а изуродованное болезнью лицо выглядело устрашающе в опускающихся на город сумерках. Я склонилась над ней, переворачивая ее на спину. Ладонь скользнула по грудной клетке и утонула в податливой плоти. Крошечный сгусток энергии, что все еще теплился в ее теле,

сам потянулся на зов нефритового света. Я бережно извлекла руку на свет, едва придерживая пальцами душу. Заворожено, я наблюдала, как она пульсировала, излучая голубой свет.

— Эвон, позаботься о ней, когда она пробудится, — пробормотала я, пряча душу в заготовленный заранее мешочек, выданный нам перед экзаменом. — И обо всех остальных тоже.

— Без проблем, — прозвучал мне в ответ скучающий голос девушки.

Я двинулась дальше, собирая души одну за другой, словно играя в поиски сокровищ, как в детстве. Только вместо золотых монет, спрятанных среди ароматной травы, я складывала человеческие жизни одну к другой. Страх, сковывающий меня ранее, испарился. Я была едина с двумя мирами, которые любила. В этом было нечто совершенное, нечто правильное. Внутри расплескалось тепло, разносимое кровью по венам, и я чувствовала, что была рождена ради этого.

Краем уха я слышала, как голосов за спиной становилось все больше. Все они слились в единый фоновый шум, напоминающий, как важно быть осторожной и сосредоточенной. Запах гниющих тел заполз куда-то под ребра, становясь частью меня, и я не отводила взгляда от изувеченных лиц. Все они были составляющими огромной вселенной.

Я не заметила, как минуты сливались в часы, и вскоре мир погрузился во мрак. Я отыскиала очередную душу, как вдруг неподалеку раздался протяжный вой. От неожиданности я вздрогнула и едва не выронила мешочек из рук.

— Прошу вас, — доносились до меня отголоски чужого разговора. — Это ошибка. Я смогу, я докажу вам.

— Мистер Мирзаян, вы знали правила. Устав Академии гласит, что вы должны быть отстранены от сдачи экзамена, — стальной голос Мун Ку Рин напряжением повис в воздухе.

Я поднялась на ноги и двинулась в сторону говоривших. Не успела я и пары шагов сделать, как передо мной выросла фигура в плаще.

— Мисс Блумфилд, какие-то проблемы? — учтиво спросил один из экзаменаторов, имя которого я не запомнила.

— Нет, я просто...

— Если нет, — прервал меня мужчина, — тогда возвращайтесь к экзамену.

— Но я хотела...

— Мисс Блумфилд, — в меня впился недовольный взгляд, — происходящее с мистером Мирзаяном вас не касается.

Воздух вибрировал от напряжения, повисшего между нами. Я сникла и молча направилась прочь. Уверенность в своих силах внезапно испарилась. Я знала, что будет дальше. У Эмиля отберут душу и отправят в Исландию, где он проведет остаток своих дней, храня какой-то важный секрет от таких, как я. Руки непроизвольно задрожали, и я оперлась о дерево, одиноко растущее среди пустыря.

— Ты справишься, — Эвон ободряюще обхватила мои ладони своими. — Я верю в тебя.

В ее голосе проскользнули плохо скрытые нотки надежды. Подруга не хотела исчезнуть, не хотела лишиться той единственной, кто могла видеть ее, с кем она могла говорить. Я не могла подвести ее в этот раз.

— Ты права, — я смахнула с лица пыль, витающую в воздухе. — Я справлюсь.

Я наклонилась над телом, лежащим у самих моих ног, и едва не отшатнулась. Мальчик, совсем еще ребенок. Ему не было и четырех. Его грудь слегка подрагивала, рывками ловя спасительный кислород. Мальчик тихо хрипел и стонал. Я дотронулась до его щеки

дрожащей рукой.

— Почему он здесь? Он ведь еще жив... — прошептала я.

Мальчик раскрыл глаза и посмотрел на меня. В их голубизне отражалось звездное небо, и меня душили слезы.

— Ты ангел? — выдохнул он.

Я лишь закивала, не в силах и рта раскрыть, чтобы ответить.

— Ты посидишь здесь немного?

— Конечно.

Я нашла крошечную ладошку и сжала ее пальцами. Казалось, это его успокоило. Дыхание стало тише. Мальчик прикрыл глаза, и постепенно его сердце начало замедлять свой ритм. Я боялась пошевелиться, спугнуть еще искрящуюся в его груди жизнь. Вдруг стало как-то слишком безразлично все вокруг. И экзамен, и соперничество с Софией. Я распахнула глаза и осознала ужас, царящий вокруг.

— Айви...

— Да?

— Он мертв, — Эвон присела рядом.

— Мои внутренности только что вывернуло наизнанку, так что я в курсе.

Я никак не могла заставить себя разжать пальцы, отпустить маленькую ручку. Казалось, пока я сидела рядом с ним, мальчик все еще был жив.

— Ты не можешь сидеть здесь всю ночь.

Я дернула плечами, смахивая с себя оцепенение. К тому, что среди горы трупов окажется ребенок, я успела себя подготовить. Но вот никак не могла ожидать, что он все еще будет дышать. Это оказалось труднее, чем мне представлялось. И в тот момент я поняла, для чего мне был дан дар. Я могла показать душам путь, успокоить их, дать им надежду. Я была тем крошечным мостиком между миром живых и миром мертвых.

Руки больше не дрожали. С неведомой ранее мне легкостью я скользнула пальцами под кожу мальчика, извлекая под лунный свет мерцающий зеленый огонек. Я уложила его в своих ладонях, разглядывая, как менялся его цвет, темнея.

— Что это? — мальчик присел рядом, разглядывая душу в моих руках.

— Это ты.

— Но как я могу быть и здесь, и там?

Я улыбнулась и опустила огонек в мешочек к остальным душам.

— Просто только я могу говорить с тобой и видеть тебя.

— А для остальных я звездочка?

Я кивнула, мысленно удивляясь, как точно мальчик подобрал определение душе.

— Так ты отправишь меня на небо?

Я замешкалась, не зная, что ответить. Как объяснить ребенку, что его ждало после смерти?

— Я отправлю тебя в лучшее место.

Лицо мальчика озарила улыбка. Я поднялась на ноги и отряхнула плащ от налипшего песка. Впереди предстояло еще несколько часов, отведенных на экзамен. Внезапно я обрела покой, который так долго не могла в себе отыскать. Именно ради этого я и родилась. Ради улыбок тех, чьи дни были сочтены.

Около полуночи следующего дня нас всех собрали в Академии Джулианы Томпсон,

чтобы объявить результаты экзамена. Пока все усаживались на своих местах в классе, я отметила, что не хватало четырех учеников, одним из которых был Эмиль. Под ложечкой засосало от неприятного ощущения потери. Пусть я и не общалась с отсутствующими достаточно близко, я не могла сказать, что это было справедливо к ним.

Рядом со мной уместилась София, довольно улыбаясь. Неподалеку сидели Натсуме и Хибики, попавшие в одну группу, что зачищала последствия землетрясения. Я то и дело невольно поглядывала на близнецов, пытаюсь понять, как у них все прошло. Девушка не выглядела потерянной, а вот парню, казалось, едва удавалось уцепиться за реальность. Что-то подсказывало мне, что он взял на себя часть переживаний сестры, чтобы та сумела справиться с поставленной задачей.

— *Я думал, ты уже на пути в колонию.*

Я лениво пожала плечами. Голос Гюнтера в моей голове не заставил сердце неистово колотиться в груди.

— С нашей последней встречи многое изменилось.

— *Не обманывайся. Ты все та же жалкая крольчиха, какой и была раньше.*

Я не ответила.

Дверь отворилась, и в класс вошла сама Джулиана Томпсон, держа в руках сложенный вдвое лист. Гомон тут же утих, и ученики устремили взгляды на директора Академии. Женщина выглядела уставшей и недовольной результатами.

— Как вы уже успели заметить, четверо учеников не смогли сдать экзамен. За все время существования Академии это худший результат из всех. К тому же некоторые из вас, хоть и набрали минимум, но все же недалеко от него ушли. Я разочарована.

Каждое слово мисс Томпсон звучало, словно пощечина. В глубине души я знала, что меня это не касалось. Хоть я и сбилась со счета, но была уверена, что справилась на достаточно высоком уровне в сравнении с остальными учениками.

— Хотела бы особенно отметить двоих учеников, которые меня действительно порадовали, — женщина бросила взгляд куда-то поверх моей головы. — Мистер Шильдкнехт, мисс Блумфилд, у вас разница всего в один бал. Поздравляю вас с успешной сдачей выпускного экзамена.

У меня перехватило дыхание. Отыщи я всего на одну душу больше, стала бы лучшей на потоке. И пусть Гюнтер обошел меня, я гордилась собой. Совладав с эмоциями, страхом и паникой, что глодали меня последние месяцы, я сумела окончить обучение в Академии одной из лучших учениц.

— Лист с вашими балами и список распределения утром будет вывешен в холле. Всем спокойной ночи, — закончила женщина и, глянув на меня, покинула класс.

На мгновение воцарилась абсолютная тишина. А после взорвалась десятком голосов. София недовольно хмурилась из-за того, что я обошла ее. Кто-то поздравлял остальных с окончанием учебы. Меня обьяло облегчение. Улыбка растянулась на губах сама собой.

— Пора по домам, — пробормотала я, поднимаясь на ноги.

Спина немного затекла, и я потянулась, зевая. Бессонная ночь давала о себе знать, и постепенно волнами накатывала усталость.

— До завтра?

— Увидимся, — София махнула мне рукой на прощание.

Я выскользнула из класса под общий гомон, кутаясь в плащ. Событие, пугавшее меня до дрожи, осталось позади. Я и не заметила, как стала выпускницей в обоих мирах. Тоска

свернулась калачиком в сердце при мысли о том, что я пропустила бал в Гринвилле. Не хотелось признавать, но мне не хватало друзей из того мира.

Не успела я завернуть за угол, как передо мной выросла Бласка. Она набросилась на меня, едва не снося с ног, и прижала к стене. Глаза девушки блестели безумной яростью.

— Как ты смеешь диктовать ему свои правила? — прорычала она мне в лицо.

Я недоуменно посмотрела на нее, ожидая объяснений, но словенка не спешила ничего говорить. Она пытливо смотрела на меня, источая недовольство.

— Я не понимаю, о чем ты, — наконец, проронила я.

— Ой, да все ты понимаешь, — Бласка закатила глаза. — Ты заявила к нему, предлагая себя, как покорная служка. Но ты собиралась использовать его. Решила посмеяться?

Я оттолкнула девушку от себя. От неожиданности та попятилась назад, пытаясь восстановить равновесие.

— Понятия не имею, почему это тебя так волнует, но я определенно не собираюсь с тобой это обсуждать, — бросила я, направляясь прочь.

За спиной послышался звон стекла, и мимо меня пролетел осколок. Я обернулась, глядя на Бласку. Ее тело содрогалось от злости. Верная собачонка защищала хозяина, который в этом вовсе и не нуждался. С ее пальцев капала кровь, но девушка не обращала на это ни малейшего внимания.

— Ты не нужна ему, слышишь? — ее голос срывался на крик. — Ты не такая уж и особенная. Это пройдет, и он забудет о тебе.

— Бласка, ты несешь бред. Просто оставь меня в покое. Учеба закончилась. Все закончилось, — я развела руками, покачивая головой. — Это — прошлое. Научись жить дальше.

Игнорируя брань со стороны девушки, я направилась прочь. Она кричала мне вслед что-то о Гюнтере, но я потеряла нить разговора и понятия не имела, чего именно словенка добивалась.

Стоило мне выйти за порог здания, как в лицо ударил прохладный ветер, приятно остужая кожу. Я медленно двинулась в сторону дома. Туман стоял высоко над островом, обрамляя его куполом, и создавалось впечатление, что он вот-вот развеется, и на мертвую землю упадет лунный свет. Но, сколько бы я не всматривалась ввысь, ничего не менялось.

— Слышала, ты сдала экзамен на отлично, — около высокого забора, ограждающего Академию, меня ждала бабушка.

Поравнявшись с ней, я кивнула.

— Значит, я официально могу предложить тебя работу при Сенате. Нам понадобится такой талантливый помощник, как ты, — улыбку женщины можно было назвать добродушной, даже ласковой.

— Я смогу провести родителей перед тем, как...

— Они прибудут на остров через несколько дней, чтобы провести их с тобой, — прервала меня Лизель, нежно касаясь пальцами моей щеки. — Нет надобности покидать остров ради такого пустяка.

Приторный голос скрывал недовольство, клубившееся внутри ее сердца. Она плела свою паутину, обвивая ею меня все больше с каждым днем, и не собиралась отпускать из своих цепких лапок. Женщина давно продумала каждый ход наперед, зная, что я не пойду против системы, подвергнув опасности каждого, кого я любила.

— Буду ждать тебя завтра, детка, — бабушка чмокнула меня в щеку и грациозной походкой направилась прочь.

— Как же она меня раздражает! — возмутилась Эвон, как только Лизель скрылась вдалеке.

Не тебя одну, Эвон. Не тебя одну.

Фейсбук вновь оповестил о новом сообщении. Я невольно глянула на иконку диалогового окна и тяжело вздохнула, закрывая ноутбук. С каждым днем я тосковала по Гринвиллу чуточку больше, теща себя надеждой, что однажды смогу увидеть старых друзей, пусть всего на миг. Эфемерная ниточка, что тянулась от моего сердца в Штаты, становилась все прозрачнее, и норовила исчезнуть окончательно.

Я выудила из шкафа выглаженное вечером ранее платье. Лишь один взгляд на него вызывал во мне рвотный позыв, но бабушка настояла на дресс-коде. Женщина несколько часов пыталась убедить меня в том, что каждая уважающая себя леди обязана иметь в гардеробе несколько десятков элегантных нарядов, ведь встречаются именно по одежке. О том, что ее понятие изысканности граничило с кричащей вульгарностью, я промолчала, понимая, что за этим потянется новая лекция.

Натянув на себя платье, я собрала волосы на затылке и вышла из комнаты, постукивая невысокими каблучками по полу. Ноги едва ли не с первым же шагом воспротивились неудобной обуви, но я, сцепив зубы, спустилась по лестнице и накинула на плечи плащ. С губ было сорвались слова прощания, но я одернула себя. В пустых комнатах никого не было. Прощая жизнь с ароматным завтраком, отцовскими объятьями и пожеланиями хорошего дня осталась где-то далеко позади. В одно мгновения я из крошечной потерянной девочки превратилась во взрослую девушку, самостоятельно отвечающую за свою жизнь и делающую осознанные поступки. Только вот я так и не нашлась.

Дверь за спиной захлопнулась, и я поежилась. Влажный воздух казался вязким и тяжелым. Я позволила себе несколько секунд заминки прежде, чем сосчитать ступеньки шагами и направиться в сторону Здания Правосудия. Улицы все еще пустовали. Каблуки задорно постукивали по вымощенной брусчаткой дороге, но мне не становилось веселее.

— Ты чего раскисла? — спросила Эвон.

Я пожалала плечами, не зная, что ответить. Месяц работы на Сенат пролетел практически незаметно, и дни проходили практически одинаково. С самого утра выполняла мелкие поручения, что в основном составляли бумажную работу, а после проводила вечера вместе с Марцеллой, которая занималась переводом старинных книг, пытаясь разобраться в мертвых словах, глядящих на нее с пожелтевших страниц. Не то, чтобы было на что жаловаться, только вот вовсе не о таком будущем я мечтала. Кто бы мог знать, что в один миг я потеряю связь с человеческим миром, не успев толком им насладиться.

Торчащий шпиль башни Здания Правосудия издали следил за мной, ожидая, когда я окажусь на пороге каменного здания и приступлю к своим обязанностям. Я мечтала разогнать туман, чтобы взглянуть на голубое небо и понежиться в солнечных лучах. Только вот привычная дымка плотным кольцом охватила остров, накрыв своей серой периной.

Не успела я взобраться по лестнице, как меня перехватила миссис Хоффман, вышедшая за порог здания.

— Чудесно, я как раз собиралась пойти тебя искать, — она улыбнулась. — Я поговорила с твоей бабушкой, и она отпустила тебя на сегодня под мою опеку. Мне нужно на некоторое время отправиться в колонию, а ты фактически работаешь на Сенат, хоть и не являешься Тенью, поэтому Лизель разрешила взять тебя, как сопровождающую.

От взгляда женщины не укрылся мой облегченный выдох. Я сбросила жмущие туфли с

ног и коснулась босыми ступнями прохладной земли, блаженно прикрыв глаза.

— Вы не будете против, если я переоденусь?

— Я бы даже настоятельно рекомендовала тебе это сделать, — миссис Хоффман скептически на меня посмотрела. — Складывается впечатление, что я с двойником Лизель разговариваю. С довольно-таки неудачной ее пародией, к слову.

— Буду через несколько минут, — бросила я и унеслась прочь.

Как и обещала, через минут семь я вернулась к Зданию Правосудия, облаченная в удобные черные брюки, серый свитер и привычные ногам ботинки, бег в которых доставлял одно удовольствие. Дополнением служил все тот же плащ, без которого едва ли кто из мортов передвигался по острову даже в выходные. Спину обжигал кольт, заряженный янтарными пулями, который я носила с собой на случай, если придется столкнуться с опасностью.

Без лишних слов миссис Хоффман направилась прочь, и я тенью двинулась за ней. С первыми солнечными лучами, упавшими на мое лицо, внутри начал таять лед, что постепенно корочкой покрывал мое сердце, пытаясь убить во мне эмоции. Я сбросила капюшон с головы, позволяя ветру слиться в танце с волосами. Впервые я подумала, что Глен был прав, говоря о моей манере дышать. Только вдохнув в полноте своей чистый океанский воздух я поняла, что на острове всегда довольствовалась крупными порциями кислорода, не позволяя себе забыться. В этом было нечто странное. словно мои легкие сдавливалось обручем.

Когда ноги ступили на землю Исландии, я ожидала, что миссис Хоффман остановится, но она двигалась дальше, будто забыв, что мне не положено было знать точное местоположение колонии. На мгновение я замешкалась, но быстро взяла себя в руки и последовала за женщиной, пытаясь запомнить дорогу. Внутренний голос нашептывал, что это было чертовски важным, и я доверилась ему.

Обогнув горный хребет, мы нырнули в небольшую пещеру, скрытую за огромным валуном. Я бы в жизни не обратила на него внимания, если бы не миссис Хоффман. Она с легкостью скользнула в крошечную щель, скрывшись в темноте, и мне приходилось двигаться на ощупь, ведь я порядком отстала от женщины, пока пробиралась в пещеру. После нескольких минут плутаний, я буквально вывалилась на влажную траву. Пальцы зарылись в рыхлую землю, и я с наслаждением вдохнула ее запах.

— Я боялась, ты заблудилась там, — Эбигейл помогла мне подняться. — Прости, не ожидала, что ты отстанешь.

— Ничего, — я отряхнулась.

Впереди виднелось небольшое поселение. Крыши домиков поросли мхом, а деревянные стены обтянула лоза. Ветер подхватывал детский смех и бережно нес нам навстречу. Посреди травы мелькали разноцветные ленточки.

— Ты можешь остаться здесь, если хочешь.

Я окинула взглядом местность и, отыскав дерево, под которым нежилась в прошлый раз, направилась к нему, оставляя миссис Хоффман. В мгновение ока я оказалась около него и присела, опершись спиной о ствол, и прикрыла глаза. Вокруг царила атмосфера безопасности и спокойствия, которая ощущалась даже в воздухе.

— Мисс?

Я приоткрыла глаза. Передо мной стояла девчушка лет восьми. Она заинтересованно рассматривала меня, слегка прищурившись.

— Да?

— Вы Тень, мисс?

Ее голосок переливался звоном тысячи колокольчиков.

— Нет, я не Тень, — я улыбнулась. — Моя учительница попросила помочь ей, поэтому я здесь.

Девочка нахмурилась на мгновение, но после морщинка на детском лобике разгладилась, и она протянула мне яблоко.

— Возьмите, мисс.

Я благодарно приняла яблоко из ее рук.

— Как тебя зовут?

— Герда, мисс, — девочка качнулась из стороны в сторону, сложив руки замочком за спиной. — А вас как зовут?

— Айви.

— А почему ваши волосы рыжего цвета, мисс? — поинтересовалась Герда. — Нас учили, что все морты рождаются с темными волосами и темными глазами, ведь мы создания ночи. Тогда почему вы выглядите как солнце?

Я откусила кусочек яблока, давая себе пару секунд, чтобы обдумать ответ. Дети, живущие в колонии, навряд ли могли понять это. Я и сама не знала, почему судьба наградила меня подобным даром.

— Думаю, это просто моя особенность. Я родилась такой, и честно говоря, не знаю, что послужило тому причиной.

Девочка одобрительно кивнула, словно давая понять, что мой ответ ее устроил. Она не была похожа на обычного ребенка, которых я так часто видела в Штатах и на острове.

— Ваша душа очень красива, мисс, — пробормотала Герда, опуская взгляд.

— А, ты об Эвон? — я улыбнулась. — Да, она прекрасна.

Стоило подруге услышать свое имя, как она тут же опустилась рядом на траву. Девушка выглядела слегка потерянной, пребывающей где-то глубоко в своих мыслях.

— Нет, мисс, — Герда покачала головой. — Я о вашей душе. Я не обладаю даром Эновисон. И никаким другим даром так же. Но я могу видеть ваши души, души мортов.

Я опешила. С детства нам едва ли не вдальбливали в голову, что иных даров не существует. И каждый свято верил в это.

— Но у мортов нет души, — выдохнула я.

— Она есть. Не у всех, но есть. Чаще всего вместо души пустота. У некоторых душа едва различима. У кого-то ярче, у кого-то тусклее, но ваша душа, мисс. Ваша душа горит. И она прекрасна.

Надкушенное яблоко выпало из руки и покатилося по земле, подпрыгивая. Я подорвалась на ноги, выискивая взглядом миссис Хоффман.

— Не бойтесь, мисс, — Герда мягко коснулась моей руки. — Они не узнают этого. И, прошу, сохраните мой секрет. Я боюсь, что Пустые заберут меня, а я не хочу исчезнуть. Вы же тоже другая, вы поймете меня.

И, подхватив с земли палку, девочка побежала прочь. Я глядела вслед ее крошечной фигурке и пыталась унять бешеный стук сердца. Как такое могло пройти мимо Древних? Как они упустили то, что морты делилине четыре дара, а больше? В голове проскочила мысль, что я знала это давно, только отказывалась принимать действительность. Натсуме и Хибики. Их связь, казавшаяся сперва всего лишь особенностью близнецов, так же была своеобразным

даром, просто никто не придавал этому значения.

Я ринулась на поиски миссис Хоффман, желая расспросить ее. Просьба Герды все еще звучала в голове, но я не могла все просто оставить, не разобравшись. Я обязана была узнать правду. Ведь это кое-что меняло. Точнее, это меняло все. Червячок сомнений постепенно принялся точить меня изнутри. Слишком много пробелов, нестыковок, плохо прикрытой лжи. Правда рвалась наружу, просачиваясь сквозь трещины неидеальной защиты, и я пыталась собрать ее по крупицам воедино. Слова Нии о Виджерте обрели смысл, стали моей целью. Быть может, она не была всего лишь отступницей, которую привселюдно казнили за предательство своего народа. Быть может, за сказкой скрывалось нечто большее.

Завидев неподалеку знакомый плащ, я остановилась. Миссис Хоффман сидела на траве и разговаривала с молодым юношей. Трудно было сказать, сколько лет ему исполнилось, но он выглядел не намного старше меня. Женщина тепло улыбалась незнакомцу, сжимая его руку пальцами, и я стыдливо отвернулась. В груди защемило, и скользнула мысль о том, что я стала свидетелем чего-то слишком интимного и не предназначенного для чужих глаз. Вопросы отступили на задний план, и я присела на скамейку в ожидании.

Вокруг сновали морты, то и дело поглядывая на меня. Я приветливо улыбалась каждому, чей взгляд перехватывала, и они невольно улыбались мне в ответ. Настороженность на лицах пропадала, и их место занимало радушие. Что-то в них было другим. Мужчины и женщины, не сдавшие экзамен, сохранили в сердцах добро, и готовы были им поделиться. От этого все внутри меня согревалось.

— Айви?

Солнечные лучи ударили по глазам, и я прищурилась, пытаясь разглядеть говорившего.

— Айви Блумфилд? Ты была у нас на обеде в прошлом году, да?

Киген рухнул на лавочку рядом со мной, поправляя подтяжки. Я заметила, как он повзрослел за прошедший год. В его некогда задорном взгляде едва тлели искорки прежнего веселья.

— Могу я спросить? — губы мальчика дрогнули.

Я кивнула, наблюдая, как он становился мрачнее с каждым мгновением.

— Насколько жесток Сенат?

— Почему тебя это интересует? — мои брови взметнулись вверх от удивления.

Киген замялся. Его пальцы тербели подол рубашки.

— После того, как вы побывали у нас в гостях, папу забрали. А когда он вернулся, то уже не был таким, как прежде. Что-то в нем изменилось. Он улыбается и кажется счастливым, но я знаю, что мужчина, живущий в нашем доме, не мой отец. И теперь... — мальчик запнулся, поднимая на меня взгляд, — я не хочу ехать в Академию, не хочу покидать дом и оставлять маму наедине с ним.

Я предполагала, что Древние навещают семью Морец, и слова Кигена не стали для меня новостью. Только вот помочь я ему не могла.

— Мне жаль твою семью, но у тебя нет выбора, — я пожала плечами. — Поверь, он все еще твой отец. Просто теперь он не помнит некоторых моментов, которые были неуютны Сенату. Не отрекайся от него.

Киген вскочил на ноги. Его лицо пылало от злости, а глаза налились кровью. Невольно я отшатнулась от него.

— Ты такая же, — выплюнул он. — Такая же, как и весь тот мир. Мы... Я считал, что ты другая, что ты особенная. Но ты всего лишь рыжая, и этим отличаешься от нас. Я думал,

ты поверишь мне. Но все впустую.

Мальчик махнул рукой и бегом направился прочь, оставляя меня в недоумении таращиться ему вслед. Я едва рот не приоткрыла от изумления.

— Можем отправляться домой, Айви, — рядом из ниоткуда выросла миссис Хоффман, лучезарно мне улыбаясь.

Я перевела на нее взгляд. В мгновение ока улыбка женщины увяла.

— Что произошло?

— Ко мне приходил Киган, — пробормотала я. — И он говорил странные вещи.

Разговор с Гердой вылетел из головы, затменный словами мальчика. Я и забыла, что хотела расспросить учительницу о дарах.

— Что он говорил?

— Что мистер Морец...

Я не договорила. Мои глаза удивленно расширились, и я дернулась в сторону женщины, но было поздно. За спиной Эбигейл вырос мистер Морец. Губы искривились в безумной ухмылке. Мужчина выхватил из-за спины нож и молниеносным движением скользнул лезвием по шее миссис Хоффман. Женщина захрипела, захлебываясь кровью, и схватилась за горло, пытаясь остановить хлещущую из раны алую жидкость.

— Что... что вы наделали? — заикаясь, пробормотала я.

Тело не слушалось, будто приросло к месту. Я глядела, как постепенно тело женщины оседало на землю, как трава окрашивалась багровыми каплями. Как вдруг опустела улица, и мы остались вдвоем посреди домиков.

— Возвращайся на остров, Айви Блумфилд. И передай Сенату, что их поручение исполнено, — голос мистера Мореца звучал отстраненно.

Я почувствовала легкое покалывание в пальцах. Запоздало я сползла с лавочки и бросилась к телу Эбигейл. Ее взгляд постепенно стекленел, а кожа холодела.

— Убирайся прочь, не то ляжешь рядом, — рявкнул мужчина.

Я проигнорировала его слова, сжав руку женщины. Она все еще едва слышно хрипела, и я мечтала забрать часть ее боли, помочь ей справиться. Мозг кричал, что ее уже не спасти, и я была с ним согласна. Но никто не должен был умирать незаслуженно, тем более в луже собственной крови.

— Я сказал...

Не отдавая отчет своим действиям, я выхватила кольт, спрятанный под плащом, и выстрелила. Из крошечного круглого отверстия во лбу тоненькой струйкой потекла кровь, и мистер Морец упал замертво. В ушах гудело.

— Не... возвращайся... — едва слышно прохрипела Эбигейл.

Во внезапно наступившей тишине я не могла найти себе места. Кровавые разводы на пальцах неумело я вытерла о ткань чужого плаща. Нужно было бежать. Но куда? Куда бежать, когда я убила морта, нарушила один из четырех законов?

Тело игнорировало разум, что метался из стороны в сторону, не зная, что решать. Ноги сами понесли меня прочь. Темнота пещеры объяла меня, а после выплюнула под палящее солнце. Прочь, подальше от колонии. От мертвых тел, оставленных посреди поселения. Я бежала наперегонки с ветром, оставляя после себя след из брызг. А в голове пульсировала мысль, что я не могла вернуться на остров.

Придя в себя, я обнаружила, что сидела на улице посреди незнакомого городка. Вокруг сновали люди, говоря на французском, и изредка поглядывали в мою сторону. О том, как я

выглядела, думать вовсе не хотелось. Я судорожно нащупала телефон в кармане и разблокировала экран. Пальцы сами потянулись к иконке звонка, но я одернула себя. Кому звонить? Я вдруг потеряла все, что имела, сделав один единственный выстрел. Пуля поразила не ту цель, выбор остался позади, а я так и не могла понять, что именно выбрала.

Экран мелькнул новым уведомлением от Лидии. Я открыла его, желая раз и навсегда покончить с этим. Я должна была попрощаться с ней, сказать, что мы больше никогда не увидимся. Сказать, что наша дружба закончилась. От мыслей больно кольнуло в груди, а на глаза навернулись слезы. Я не хотела отказываться от нее. Все эти сообщения были той незримой ниточкой, ведущей меня домой, и я все надеялась, что однажды мне посчастливится вернуться.

Смахнув белую пелену с глаз, я глянула на экран. В последнем сообщении подруга писала, что провела прекрасные выходные с парнем из телефона. Я невольно улыбнулась, радуясь за Лидию. Открыв первую фотографию, прикрепленную к сообщению, я увидела девушку в обнимку с симпатичным темноволосым парнем. За их спинами виднелся парк. Я пролистнула фотографию дальше. И снова. Они выглядели такими счастливыми.

В голове возник образ Дилана, и сердце пропустило удар. Я недоуменно прислушалась к собственным ощущениям. Почему, думая о счастье, я вспоминала его? Тихонько заскреблась мысль о том, что именно в нем я нашла то, чего так не хватало во всех остальных, даже в Глене, но я поспешно отогнала ее от себя. Влюбиться в человека было абсурдно, нелепо, запрещено, только вот... С каждым новым «нет» мое сердце находило десятки «да».

Внезапно взгляд зацепился за слишком знакомую вещицу. Я приблизила фотографию, желая убедиться в своей правоте, а мысленно умоляла вселенную, только бы я ошиблась. *Только бы ошиблась.* Но на шее Саймона, как и на моем собственном, покоился кулон в форме металлического шарика. Кулон, в котором была заключена душа, привязанная к нему до конца его дней.

Телефонный парень оказался мормом.

Я опешила и швырнула телефон о стену. Тот с глухим стуком разлетелся на части, вызывая удивленные и недовольные возгласы прохожих. Пальцы невольно сжались, и ногти впились в ладони. Только не Лидия, которая из раза в раз оставалась с разбитым сердцем, которая не умела разбираться в окружающих и вручала свои чувства всем подряд. Она не заслужила того, чтобы я сорвала счастливую улыбку с ее губ и вышвырнула на помойку. Но я обязана была ее предупредить.

— Эвон?

Душа плавно опустилась рядом со мной, внимательно глядя мне в глаза.

— Если ты думаешь, что я помогу тебе выбрать, ты ошибаешься, — лениво бросила девушка.

— Что?

— Я не твоя совесть и не шар с предсказаниями.

Я недоверчиво посмотрела на подругу.

— Я не собиралась просить тебя выбрать за меня, — отчеканила я.

Пришло время Эвон удивленно вскидывать брови.

— Тогда?..

— Я хотела попросить тебя оставаться со мной до конца. Даже когда они придут за мной. Обещаешь?

Во взгляде девушки мелькнула грусть и толика гордости за меня. Едва ли не впервые я

не пряталась за своей жалостью. Я устала пускать все на самотек. Жизнь плавно скользила мимо, и я вдруг осознала, что пришло время как можно крепче ухватиться за поводья и решить самостоятельно, в какое будущее я хочу прийти.

— Обещаю.

Гринвилл встретил меня привычной духотой и шумными улицами. В носу защипало от пыльного воздуха. Я замерла посреди толпы, вызвав недовольные возгласы и пару толчков по ребрам. Так странно было вернуться. Я отмечала крошечные детали, изменившиеся с моего отъезда, и пыталась выстроить идентичную копию города в своей голове, сохранить его в памяти, чтобы иногда бродить по нему в своих мыслях. Что бы я не переживала там, я любила Гринвилл искренне и всем сердцем.

Отыскав взглядом таксофон, я начала проталкиваться к нему сквозь людской поток. Прохожие недовольно ворчали, выкрикивали ругательства мне вслед, некоторые толкали, пытаясь быстрее выскользнуть из течения. Я сильнее натянула капюшон на лицо, пытаясь его скрыть от окружающих, если вдруг повстречается кто-то из знакомых. Бросив пару монет в таксофон, я сняла трубку и набрала номер Лидии, который знала наизусть.

Гудки тянулись невыносимо долго. Я переминалась с ноги на ногу, пытаясь унять волнение. Мне вдруг до безумия захотелось увидеть подругу, услышать ее голос и хотя бы на несколько мгновений вернуться в прошлое. Секунды ожидания изматывали. Я словно застряла в бесконечном потоке повторяющихся мгновений, который не имел начала. Лишь замкнутый круг, в котором я прижимала таксофонную трубку к уху и дышала в такт гудкам.

— Алло, — раздалось по ту сторону звонка, когда я уже было потеряла надежду.

На мгновение я забыла, как дышать. Слова, которые я так тщательно выстраивала в предложения, в момент разбежались, оставляя меня неумело открывать и закрывать рот, словно рыбешка, выброшенная на берег. Идеальное объяснение происходящего, доводы в пользу того, что подруге не следовало больше видеться с Саймоном, растворились, как сахар на дне чашки с чаем.

— Это что еще за шуточки? — недовольно пробубнила Лидия. — Если на этом все, я кладу трубку.

— Это я, Лил, — выпалила я на одном дыхании.

Воцарилась тишина. Тягостная, пугающая, и какая-то мерзкая, словно гноящаяся рана, которой так не хотелось касаться. Никто не решался нарушить молчание, тяжело дыша в трубку.

— Я... — я запнулась. Что если она вовсе не захочет меня слушать? Или плюнет мне в лицо, стоит мне только сказать что-либо о Саймоне? Ведь я пропала, ушла из ее жизни, не сказав ни слова. — Ты злишься, но, прошу, выслушай меня.

— Айви?

Голос Лидии дрожал. Я сильнее прижала трубку к уху, пытаясь понять, плакала ли она.

— Да, Лил, да. Это я. Пожалуйста, давай встретимся. Я обязана кое-что тебе рассказать.

— Хорошо, — поспешно ответила девушка. — Хорошо, конечно. Я буду через полчаса. Куда ехать?

— Я буду ждать в «Мун Теил», — сказала я и повесила трубку.

Сердце размеренно билось в груди, не срываясь на бешеный стук. В голове непривычно прояснилось, мысли упорядочились и позволили мне здраво оценить ситуацию. Я медленно двинулась по направлению к месту встречи, сбрасывая на ходу плащ. В запасе оставалось менее суток прежде, чем Сенат заметит мое отсутствие, и на мои поиски отправят Теней. Не составит труда догадаться, где именно я затаилась. Не пройдет и тридцати часов, как меня

завернут в подарочную упаковку и отправят на остров под звук похоронного марша. За это время я собиралась изменить то, что еще могла.

Не успела я переступить порог кофейни, как над ухом раздался тихий шепот Эвон:

— Он здесь.

Я отмерила шагами расстояние до барной стойки и заказала латте с черничным сиропом и корицей. Отсчитала секунды ожидания, пока Ронни проделывала все необходимые операции. Обхватила бледными пальцами стаканчик с напитком и направилась в сторону столика около окна. С невозмутимым видом я опустилась на диванчик, поджимая под себя левую ногу, и уложила рядом с собой плащ. Первый глоток обжег кончик языка, и наполнил рот сладостным вкусом. Я немного нервно сглотнула и подняла взгляд.

Дилан лениво перелистывал страницы книги, не обращая на меня внимания. Его взгляд плавно скользил от одного слова к другому. Даже в июльскую жару парень кутался в растянутый свитер, словно плюя на законы природы, выставляя ей собственные условия. Я сидела напротив него и смотрела, как из-за длинных рукавов, которые, по обычаю, практически полностью скрывали его руки от моего взгляда, выглядывали бледные запястья. На левом тоненькой ниточкой тянулся шрам и уходил куда-то под ткань. Мне хотелось коснуться его, почувствовать под пальцами свидетельство его человечности. Его смертности.

Парень снял очки и потер переносицу, откладывая книгу в сторону. Правый уголок губ дрогнул в полуулыбке, которые так редко мне доставались. Это было интимнее всех поцелуев мира.

— Не ожидал тебя здесь встретить, чудо-девочка, — в голосе слышалась насмешка.

— Повторяешься, Арджент, — я качнула головой, делая очередной глоток кофе.

Немая борьба взглядов. Он смотрел на меня слегка надменно и будто смеясь. Я же тонула в его глазах, не желая быть спасенной. В мгновения слабости ноги сами вели меня на порог его дома, ища вовсе не утешения, нет. Дилан не умел утешать. Он просто встряхивал мою жизнь, не давая погибнуть под грузом саможалости, ведь многим судьба подбрасывала испытания того хуже. Парень понимал, каково мне было, и давал оплеухи одну за другой, возвращая в реальность.

— Давно не слышал о тебе. Что, ковер-самолет плюнул на базовые настройки и забросил на необитаемый остров?

Я мысленно усмехнулась. Единственное, что оставалось, отплатить той же монетой.

— Я встретила своего принца в белых Найках и просто не смогла устоять, — мечтательно протянула я, наблюдая, как вытянулось лицо юноши от удивления. — Ну, ты знаешь, в наше-то время современных технологий, люди не знакомятся на улицах, но я вот, дура, решилась. Как выяснилось после, принц и не принц вовсе, а Найки фальшивые. Разбитое сердце, и вот я уже подбираю бездомного котенка, жалобно мяукающего мне вслед. А после этого уже, как говорится, по накатанной дорожке. Не поверишь, едва остановилась.

Словестный пинг-понг, в котором никто не желал уступать. Первичный ступор прошел, и я больше не гладела на Дилана с тупым выражением лица, не находясь, чем ответить.

Парень оперся локтями о столешницу и с интересом поглядел на меня.

— Я посмотрю, кто-то отыскал язык и даже научился язвить. Где же ты пропадала раньше?

— Меня придавило страданиями. Мы, девицы, умело находим повод пожалеть самих

себя, возводя в культ собственную боль и разбитые сердца. Но поцелуй дракона развеял чары, возвращая здравый смысл потерянной бродяжке, напоминая, что никакая она не принцесса.

Дилан едва заметно улыбнулся. Сердце отозвалось безумным стуком в груди, будто умоляя услышать. Меня грело изнутри вошедшее солнце, посаженное этим разрушенным парнем. Таким же, как и я. И я, и он вели свою внутреннюю борьбу изо дня в день, пытаюсь не рассыпаться пеплом на задворках собственного разума. Дилан крепко застрял в прошлом. Я потерялась в воспоминаниях. В этом мы были слишком уж похожи.

Звон колокольчика за спиной разрушил волшебство мгновения. Солнечный луч, секундой ранее плясавший в волосах юноши, погас. Вошедший нагло стер улыбку с лица парня, и тот, подхватив книгу, выбрался из-за стола. Беглый взгляд в мою сторону — вот и все, чего я удостоилась на прощание. Внутри меня жгло чувствами, которые я обязана была задавить, только вот я с гордостью подносила канистры с бензином к полыхающему костру.

Не успел Дилан скрыться за дверью, как напротив меня на диван рухнула запыхавшаяся Лидия. Ее волосы взлохматились, а одежда выглядела неопрятной и помятой. Глаза девушки горели болезненным огнем, и она то и дело закусывала губу, словно пытаясь остановить себя от лишних расспросов.

А ведь я так сильно была похожа на Нию, что желала открыть мне правду о мире, в который я свято верила. Она рисковала всем, даже жизнью, ради того, чтобы я имела возможность разобраться. Она укрепила во мне крошечное семечко сомнений, что зародилось там давно, и взрастила его парой умелых фраз. И вот я сидела напротив своей лучшей подруги, понимая, что сказанное мною изменит ее жизнь.

— Я не буду спрашивать, куда ты пропала, ведь ты все равно не ответишь, — отдышавшись, пробормотала девушка. — И думаю, ты понимаешь, насколько я зла на тебя сейчас.

Я кивнула. Занавес поднялся, и сцена заполнилась актерами, которые понятия не имели, о чем спектакль. Я и сама толком не могла разобраться, с чего начать, но уверенность в своей правоте крепла с каждой секундой.

— Обещай выслушать меня, не перебивая.

— Но...

— Лил, — взмолилась я. — Потом спросишь все, что хочешь. Просто пообещай.

Девушка потеряла переносицу и, сдавшись, кивнула. Я сделала плоток остывшего кофе, давая пару секунд отыскать правильные слова. Будто бы в подобной ситуации они вообще существовали.

— Сейчас ты разозлишься еще больше, и я пойму тебя. Но тебе нужно перестать видаться с Саймоном. И общаться тоже, — слова давались с огромным трудом. Я запинаясь едва ли не после каждого, внимательно всматриваясь в лицо подруги. — Мне трудно будет объяснить, в чем причина. И ты, вероятнее всего, даже посчитаешь меня сумасшедшей. Поэтому просто поверь. Мне действительно больно говорить подобное, ведь я видела, какой счастливой ты выглядела на тех фотографиях, но...

— Это все, что ты хотела сказать?

Я поежилась. В голосе Лидии было столько непривычного льда, что я едва не отшатнулась. Взгляд постепенно холодел, и девушка сложила руки на груди, отгораживаясь от меня стеной.

— Господи, Лил, я едва ли не впервые влезаю в твою жизнь, разве нет? Ты думаешь, я

делала бы это просто из прихоти? — я взмахнула руками от негодования.

— Ты себя вообще слышишь? Пропала практически на три месяца, а теперь заявляешься и разбиваешь мое только сросшееся сердце на крошечные осколки. Да кто ты такая, чтобы я слушала твои советы? — слова хлестали не хуже пощечин.

Я чувствовала, как щеки начали гореть и не находила, что ответить.

— Но мы ведь друзья.

— Ты все еще в это веришь? Лив — вот кто моя подруга. Та, что поддерживала меня. И она не пропадала невесть куда без звонка и сообщения, чтобы потом возникнуть как по волшебству. Она верная, а ты — нет, — выплюнула Лидия, выскакивая из-за стола.

Сделав пару шагов, она развернулась и глянула на меня. Где-то в глубине ее души плескалась грусть, которую девушка не желала показывать. Она заперла ее за сотней замков и стальных дверей, чтобы никогда больше не вернуться.

— И можешь быть счастлива. Вчера Саймон бросил меня. Все, как ты и хотела.

Не успела я рта раскрыть, как подруга вылетела из кофейни, хлопнув дверью. Она стремительно пронеслась мимо окна, и я заметила, как в ее глазах блеснули слезы. Желудок скрутило спазмом, и я ошарашено глядела на прохожих через стекло, пытаясь переварить произошедшее. Все было кончено. Ниточка, связывающая меня с домом, с оглушающим треском оборвалась.

Стушались сумерки. Подобрав плащ, я брела, не глядя на дорогу. Часы отсчитывали минуты до неизбежного. У меня оставалось около двадцати часов свободы, а я не знала, куда себя деть. Вдруг Гринвилл показался мне слишком тесным. И вот же он, выход, переброшенный через плечо, но я не спешила им воспользоваться. Словно что-то держало меня в городе. Нечто, что я не успела исправить.

Эвон упорхнула, оставив меня наедине с мыслями. Но в голове было подозрительно пусто. Ни привычного нытья, ни жалости к самой себе, ни попыток придумать какой-нибудь выход из сложившейся ситуации. Шахматные фигуры постепенно выстраивались в нужном порядке, и близился финал партии, где я, пусть и потеряла половину всего, медленно двигалась к победе. На губах скользнула удовлетворенная улыбка.

Вдруг живот скрутило узлом, и я едва не свалилась с ног от нахлынувшей боли. В то же мгновение послышался визг шин, и воздух заполнил запах жженой резины. Пугающая тишина сдавила легкие, мешая сделать вдох. Чувства обострились в сотни раз. Никогда прежде чужая смерть не выворачивала меня наизнанку, утягивая сознание в спасительную темень.

На шатающихся ногах я направилась в эпицентр скопления людей. Невидимая рука тянула меня сквозь толпу. А разум кричал бежать прочь, но я не могла остановиться. Глухое перешептывание слышалось ото всюду, словно рой назойливых мух, налетевший внезапно, и кто-то умолял вызвать скорую.

Вывалившись на пустующий клочок асфальта, я застыла, боясь пошевелиться. На земле постепенно растекалась багровыми пятнами кровь. Женщина нервно трясла юношу, которого сбила несколькими секундами ранее. Его руки безвольно болтались. Я попыталась ущипнуть себя в надежде, что все окажется плодом моего воображения, сном, глупой миражной шуткой. Только вот ничего не менялось.

— Чего застыла? — Эвон загородила обзор, недовольно глядя на меня. — Ты хочешь ему помочь?

— Я... — голос не слушался. Он скребся слезами и сдавленным криком в горле. Царапался, противился, словно дикое животное, запертое в клетке.

Айзек лежал посреди оживленной толпы и не дышал. Кто-то кричал о скорой, а женщина все трясла его без остановки, рыдая и умоляя открыть глаза. Пред глазами разворачивалась сцена из нелепой мелодрамы, где я была в первых ролях.

— Я не хотела. Я ведь правда не хотела... — повторяла водитель, будто мантру.

Все поплыло. Я пошатнулась, но удержалась на ногах. Только не он. Не мой лучший друг, спасающий от всех невзгод. Не Айзек, у которого впереди была долгая, безмятежная жизнь. Он не мог вот так просто...

— Айви, чёрт бы тебя побрал! — Эвон встряхнула меня. — Да прекрати строить из себя мученицу и послушай меня, наконец.

Я перевела взгляд с бездыханного друга на девушку.

— Ты сейчас сделаешь все, что я скажу.

— Это спасет его?

Эвон закатила глаза и молча направилась поближе к телу. Я поспешила за ней.

— Сперва нужно избавиться от этой тетки, — голос девушки не терпел возражений и чеканил каждое слово.

Я опустилась на колени возле женщины, перехватывая ее руку. Она подняла на меня заплаканные опухшие глаза. Ее губы дрожали.

— Я не хотела, клянусь.

— Я верю вам, — как можно мягче обратилась я к женщине. — Отпустите его, я попробую помочь.

Та нерешительно замялась, не зная, доверять ли мне, но обдумав все, послушно отпустила рубашку парня и отползла в сторону. Эвон плавно осела напротив, внимательно глядя на парня.

— Сейчас будет трудновато, но ты справишься. Сосредоточься. Закрой глаза, — требовательно звучал голос подруги. Я послушно последовала ее словам, ожидая дальнейших инструкций. — Теперь медленно проведи по его груди рукой. Чувствуешь?

Я отрицательно помотала головой, не зная, что должна была ощутить. Пальцы касались шершавой ткани, и я чувствовала пугающую пустоту. Грудь Айзека не вздымалась, делая привычный вдох, и сердце предательски молчало.

— Не думай, Айви. Это ни к чему не приведет. Чувствуй. Крошечный сгусток энергии все еще пульсирует в его сердце. Ну же, времени не так много, как хотелось бы.

Я вновь плавно провела ладонью по груди парня, пытаюсь отгородиться от шума вокруг. Душа. Она таилась где-то среди сплетений мышц и нервов. Маленькая и живая. Кончики пальцев ощутили едва различимое тепло, и я затаила дыхание, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Голос подсознания перенял бразды правления, и тело двигалось само по себе. Шум затих, и меня объяла тишина, в которой существовала лишь я. Пальцы скользнули под теплую кожу, выискивая рухнувшую звезду рядом с сердцем. Я бережно сжала ее и извлекла наружу.

— Чудесно. Теперь у тебя есть ровно три минуты, чтобы вернуть все на свои места, — ворвался в голову голос Эвон.

Я распахнула глаза и уставилась на подругу. Что она имела в виду?

— Выровняй руки и ноги. Быстро. Когда ты вернешь душу на место, переломы срастутся. Если ты не поторопишься, твоему дружку придется пережить несколько

мучительных операций.

Я спрятала душу в складках плаща и принялась собирать кости Айзека по кусочкам. Это оказалось не так-то и просто. Голову заполнила дымка, не позволяющая эмоциям взять верх, и я бережно укладывала конечности друга в правильном положении. Механические, бездушные движения, спасающие чужую жизнь.

— Что это еще за?..

Я заставила себя не смотреть, не поднимать взгляд. Хотя все во мне желало успокоить друга, убедить в том, что все наладится. А ведь даже я сама не была уверена, что все сложится лучшим образом. Я безоговорочно доверилась Эвон, но та могла и ошибаться. Только вот я гнала подобные мысли прочь, сосредотачиваясь на деле.

— Айзек, все будет в порядке, — теплый голос подруги обволакивал и успокаивал. — Айви знает, что делает.

— Айви?

Я сцепила зубы. Молчать. Не произносить ни слова. Не казаться еще страннее, чем меня уже видела толпа, обступившая нас кольцом. Не подавать виду, что слышала его.

— Мне кто-нибудь объяснит, что здесь вообще происходит?

— Хорошо, — отчеканила Эвон, игнорируя вопрос юноши, когда я закончила. — А теперь осталось последнее. Ты должна резко втолкнуть душу в его тело. Лучше всего это будет сделать ударом в грудь. Вероятнее всего, ему будет больно, но всего на мгновение.

Я послушно уложила душу друга на ладонях. Она светилась золотым цветом, и так напоминала звезду. Жизнь Айзека зависела от меня. От одного действия, которое либо убьет его окончательно, оставив после себя лишь угольную пыль, либо вдохнет в его легкие кислород. Я на мгновение зажмурилась, собираясь с силами и умоляя вселенную, чтобы та немного подсобила мне, хотя бы раз в жизни.

— Что она собирается сделать? — голос парня дрожал.

Резким ударом в грудь, я втолкнула душу обратно в тело. Секунда. Еще одна. И еще. Пугающее молчание крошило меня изнутри, и я дрожащими руками сжимала ладонь Айзека. Только бы получилось. Прощу. Только бы все сработало.

Грудь парня медленно, даже немного лениво приподнялась, легкие наполнились воздухом, и я заметила, что все это время сама боялась сделать вдох. Трясущимися пальцами я коснулась запястья, пытаюсь отыскать пульс. Сердце стучало размеренно, отбивая ритм.

— Расступитесь, пожалуйста, — послышался возглас за спиной.

Обернувшись, я заметила свет машины скорой помощи. Поспешно поднялась на ноги и принялась проталкиваться сквозь толпу. Остаться там было опасно. Как я могла объяснить произошедшее тем, кто понятия не имел о мире, сокрытом во тьме? Вынырнув из людского потока, я бросилась бежать.

Придя в себя, я обнаружила, что сидела на крыше, которая служила пристанищем мне и Лидии во многие трудные дни. Над головой приветливо мерцали звезды, напоминая, что вселенная продолжала свое движение.

— Ты плачешь...

Я коснулась щек и удивленно обнаружила струящиеся из глаз слезы. Но губы стягивала улыбка. Искренняя, радостная.

— Откуда ты знала, что нужно делать? — прошептала я.

— Я никогда не говорила тебе, но я понимаю все языки мира. Даже морит, — Эвон пожала плечами.

Так непринужденно, словно в этом не было ничего необычного. Не сдержавшись, я рассмеялась, растирая слезы по лицу. Я спасла чью-то жизнь. Не забрала, не уничтожила, не растоптала. Меня накрыло волной неестественного спокойствия и усталости.

— Разве мурты не были созданы, чтобы отбирать души?

— Ты особенная, Айви. Ты можешь многое. Ты можешь возвращать людей к жизни, если того захочешь. Только с каждым разом это все больше будет отражаться на тебе, отбирая твои силы.

Не все ли равно, если тот, кем я так дорожила, выжил? Замкнутый круг разорвался, разлетелся на куски. Грань дозволенного стерлась, и я смело ее переступила.

Я скрутилась клубочком, подложив плащ под голову, и протяжно зевнула. Этот безумный и слишком длинный день подошел к концу. Мне не хотелось думать о произошедшем. О Герде, Кигене, миссис Хоффман и мистере Мореце. О Лидии, Дилане и Айзеке. И о странностях Эвон я думать так же не желала. Мне хотелось лишь одного. Провалиться в сон и проспать как можно дольше.

Желательно — целую вечность.

Городская суматоха бесцеремонно ворвалась в мое мирно посапывающее сознание и нагло встряхнула в безрадостную реальность. Тело била легкая дрожь, и окоченевшие пальцы не слушались. Влага, звенящая в воздухе, пропитала ткань, и я продрохла за ночь. Недовольно поморщившись, я разлепила веки и уставилась на брызжащий рассвет, что солнечными лучами медленно поднимался над высотками и заливал сонные улицы. Где-то внизу возмущенно гудели автомобили, становясь неотъемлемым звеном бесконечной тянучки.

Мысли, что я тщательно упорядочивала, сбились в кучу, пытаюсь перекричать одна другую, выделиться среди общего гула. Прошедший день навалился тягостной усталостью на плечи. Я протерла глаза, приподнимаясь, и окинула взглядом крышу. Эвон поблизости не оказалось, и я втайне этому порадовалась. Необходимость задавать волнующие вопросы отпала на какое-то время, и я могла обдумать свои дальнейшие действия.

К вечеру за мной придут, в этом я не сомневалась. И не то, чтобы это пугало. Страх, гнездившийся где-то под сердцем, лениво скрутился калачиком и затих, спрятав когти. Среди беспокойных слов, бьющихся о черепную коробку, ярко выделялось одно желание — увидеть Айзека. Убедиться в том, что сердце его билось, а легкие вздымались. Передать его в руки братьев и без сожалений покинуть Гринвилл.

Я поднялась на ноги и потянулась. Спина затекла, и стоило мне выпрямиться, как послышался легкий хруст встающих на место костей. Тело накрыло невероятной легкостью. Слегка размявшись, я подхватила плащ с земли и побрела к выходу с крыши.

Ступенька за ступенькой оставались позади, и я постепенно освобождала голову от мыслей. Ноги легко, даже немного задорно подскакивали, спускаясь все ниже, и губы растянула удовлетворенная улыбка. Меня обьяло спокойствием и толикой безразличия. Розовые очки, что Сенат так упорно натягивал на мои глаза, рухнули наземь, и я раздавила их тяжелым ботинком. Уродливая правда, сочащаяся из неприкрытых щелей будто идеальной защиты, липла к рукам, призывая обратить на нее внимание. И я прислушивалась к каждому вдоху.

Древние, словно запуганная собачья свора, лаяли на всякого, кто приоткрывал ширму, пытаюсь заглянуть на подмостки нелепого спектакля, разыгранного на потеху окружающим. Они набрасывались и терзали, высасывая силы до остатка, питались страхом и наслаждались своей властью, втапывая в грязь любого, кто был им неуютен. Идеальные маски с треском оголяли истинные лица, и я видела таких же сломленных некогда личностей, что всячески пытались прикрыть свои изъяны притворной силой. Не было там ни силы, ни величия. Ничего. Только гротескная пустота.

Выпорхнув под прохладный ветер, я поежилась. Спутавшиеся волосы я собрала в пучок на затылке, из которого тут же выпала пара прядей. На противоположной стороне улицы виднелся таксофон, и я медленно направилась к нему, выискивая в карманах мелочь. Бросив в отверстие для монет необходимое количество, я набрала номер, который знала наизусть. После первого же гудка трубку сняли, и по ту сторону послышался тихий всхлип.

— Да?

— В какую больницу его увезли? — с ходу спросила я, не тратя время на приветствия.

Девушка глухо выдохнула, собираясь с мыслями. Я терпеливо ждала, прижимая трубку к

уху, и вслушивалась в звуки на заднем плане.

— Гринвилл Мэморил, — раздался тихий шепот.

Я повесила трубку. Это было не так уж и далеко, поэтому я зашагала в сторону больницы. Толпа, окружившая меня, успокаивала. Среди людей я чувствовала себя своей, правильной шестеренкой, исполняющей предначертанную ей судьбу. Быть может, именно в этом она и заключалась, — в спасении Айзека?

Краем глаза я уловила движение неподалеку. Кто-то следовал за мной по пятам, сохраняя небольшую дистанцию, чтобы не потерять в толпе. Разыскать нужное лицо оказалось мне не по силам. Ускорившись, я нырнула в узенькую улочку, ожидая, что преследователь появится. Прижалась к стене, затаившись, и ждала.

Не прошло и нескольких секунд, как из потока людей вынырнули две фигуры и направились вглубь улочки. Раздавалось размеренное постукивание каблуков по асфальту, сопровождаемое тяжелыми ударами сапог.

— Знакомая ситуация, — я вышла из тени и остановилась напротив пары передо мной. — Переулок, тишина и некто, преследующий меня. Разве что за руку не притащили, — я усмехнулась.

— Я же говорила тебе, Спенс, — послышался задорный голосок от одной из девушек.

— Фелисити, ты слишком доверчива, — отчеканила другая. — Мы охотимся на таких, как она.

Первая девушка недовольно фыркнула и подлетела ко мне, подхватывая под руку. Она была немного ниже меня ростом, и выглядело это порядком забавно.

— Не знаю, как кто, а я хочу бургер. Может, поедим? Тут недалеко и забегаловка есть, зашибись просто. А то такие переулочные разговоры как-то стремновато, не находите?

И, не дожидаясь ответа, незнакомка потащила меня прочь из улочки. Ее спутница, недовольно вздохнув, направилась следом.

Пока мы умащивались на стареньких потертых диванчиках пропахшей сырым мясом и пивом забегаловки, я изучающе рассматривала девушек, оказавшихся близнецами. Одна из них, Фелисити, была невысокой короткостриженной блондинкой с выкрашенными в кислотный зеленый прядями. Одна из шлеек ее комбинезона сползла с плеча, а штанины были небрежно заправлены в грубые черные берцы. Не успели мы переступить порог, как она тут же заказала себе фирменный бургер, бутылку пива и клубничный пирог. При этом она все время улыбалась во все тридцать два зуба и как-то заинтересованно косилась на симпатичного парня за стойкой.

Вторая же, Спенсер, была значительно выше сестры. Резинка стягивала пшеничные волосы в высокий хвост на макушке, а глаза, в отличие от глубоких голубых сестры, имели мутный сероватый оттенок. В своем брючном костюме и на каблуках девушка выглядела забавно среди дешевого заведения, подающего фаст фуд. Спенсер недоверчиво косилась на меня, усаживаясь напротив, и вся была натянута, словно струна, ожидая подвоха.

Только вот бежать прочь я не спешила. Пара фраз помогла мне убедиться, что сестры были охотницами, и вполне вероятно, что именно о них говорила Ния перед смертью. А раз она не смогла дать мне ответов, я собиралась вытрясти из этой парочки максимум информации. Только вот это потеряло всякое значение, ведь обстоятельства изменились.

— Эй, не бойся, — Фелисити добродушно помахала рукой, — мы не собираемся убивать тебя. По крайней мере, пока что.

Девушка мне подмигнула. Невольно, я усмехнулась. На стол со стуком опустились

тарелка с бургером и бутылка пива. Фелисити заметно скисла.

— А где пирог?

— Закончился, — безразлично бросила тучная официантка, убираясь прочь.

— Сдался тебе этот пирог, — Спенсер закатила глаза.

— Конечно! Ты просто ничего не понимаешь.

Происходящее на моих глазах все больше напоминало сцену из сериала, только вот передо мной сидела женская версия известных всему миру персонажей.

— Чертовы братья Винчестеры во плоти, — буркнула я себе под нос.

— Она не хочет покупать Импалу, представляешь? — Фелисити внезапно воодушевилась и откусила кусочек бургера.

— Это не рационально. Внедорожник гораздо практичнее. Это не сериал, Фелисити, а жизнь.

— Школько раж прошить? Жови меня Фо, — с набитым ртом пробормотала девушка.

Я закатила глаза. Конечно, я была не первой, кто заметил сходство.

Окончив припираться, девушки переглянулись и одновременно уставились на меня. Фо периодически отхлебывала из бутылки, но молчала, как и Спенсер. Будто они ожидали, что я первой нарушу тишину. Только вот что говорить?

— Ния успела передать тебе послание?

От осознания того, что во всем мире, кроме меня, кто-то еще помнил девушку, мне стало теплее на душе. Я откинулась на спинку диванчика и сложила руки на груди, внимательно глядя на сестер.

— Она сказала мне найти Виджерту. Только я понятия не имею, что это значит, — я пожала плечами. — И у меня больше нет времени разбираться в этом. К вечеру меня не станет, так что, чего бы вы ни добивались, думаю, вы проиграли.

Спенс принялась нервно отбивать ритм, стуча каблуком по кафелю. Девушка выглядела сосредоточенной. Фо же, напротив, была слишком расслаблена. Она заинтересованно рассматривала что-то за окном, насвистывая задорную мелодию. Угловатые, словно у подростка, лопатки выпирали, обтянутые загорелой кожей, а пальцы без конца подергивались, словно девушка играла на фортепиано, только вместо него была бутылка с пивом.

— Что ж, раз так, — Спенсер поднялась из-за стола и брезгливо отряхнулась, — боюсь, нам придется покинуть тебя. Разговор не имеет смысла, раз все уже решено. Идем, Фо.

Девушка отозвалась на призыв сестры и ринулась прочь из забегаловки, попутно бросая деньги на стойку. Не успела я опомниться, как близнецы выскользнули за порог, оставляя меня одну. Я тут же подорвалась на ноги и выбежала за ними.

— Постойте!

Девушки обернулись, глядя на меня.

— Могу я одолжить у вас оружие? Что угодно. Даже обычный кусок янтаря подойдет.

Кольт я выронила еще в колонии и не стала подбирать. Спенсер на мгновение замаялась, а после кивнула, призывая меня присоединиться. Я засеменила за ними, пытаясь понять, правильно ли я поступала. Ведь еще несколько месяцев назад я понятия не имела о существовании охотников, а теперь безоговорочно доверяла им свою жизнь, хоть они и могли ее оборвать в любой момент. Только вот сестры пугали меня в разы меньше, чем Тени, что уже наступали на пятки.

После одного из поворотов мы наткнулись на припаркованный около обветшавшего

здания внедорожник. Фелисити запрыгнула на переднее сидение и вынула из бардачка браслет, переливающийся золотом в свете солнечных лучей. Она тоскливо поглядела на него, а после протянула мне.

— Это принадлежало ее матери, — девушка отвела взгляд.

Семья Аккерман была мертва. Не только Ния, все они. Глаза защипало подступающими слезами, но я сдержалась. Они остались в прошлом. Далеко за стеной, которую я пообещала себе не разрушать. Держаться до последнего, как бы трудно ни было. Не чувствовать. Не думать. Исправить все то, что еще можно было спасти.

Я подставила карман плаща, и Фо опустила в него браслет. В беглом взгляде промелькнула грусть. Сестры, как и я, потеряли важного для них человека. Война, о которой не знала даже я, разворачивалась за нашими спинами, и гибли люди. Сенат лгал, что никто не знал о нашем существовании. Знали. И защищались.

— Могу я попросить?

Спенсер кивнула, внимательно смотря в мои глаза. За ее безразличием скрывалась сломленная душа. Мой мир клеймил всех подряд, без разбору, и мне, как никогда, хотелось остановить это.

— Позаботьтесь о моих друзьях. Уверена, вы знаете, о ком я говорю. Бабуля сделает все возможное, чтобы их стерли с лица земли. Не дайте Теням уничтожить их, ладно?

— Мы постараемся, — ответила Фелисити.

Не благодаря, я накинула на плечи плащ и унеслась прочь. Быть может, будь у меня больше времени, я бы расспросила о Виджерте, об охотниках и моем собственном мире, о котором, как оказалось, знала не так много. Но я не хотела прятаться, сбегать от ответственности. Где-то глубоко в душе я мечтала предстать перед Сенатом вновь и плюнуть им в лицо. Фальшивая реальность осыпалась пеплом под моими ногами, и я больше не бежала.

Оставалось около десяти часов прежде, чем на город опустятся Тени.

В Гринвилл Мэмориал меня слишком долго не хотели пропускать в палату Айзека, не говоря, в чем дело. С каждой минутой я все больше закипала, глядя на часы, и меряла шагами приемную. Эвон лениво расположилась в одном из кресел и пристально следила за мной взглядом.

— Ты ничего не хочешь спросить?

Я фыркнула. Ворох вопросов точил меня с самого утра, но я отгоняла их прочь, словно назойливых мух, желая сосредоточиться лишь на важном.

— Чем меньше я знаю, тем меньше они смогут выцарапать из моей головы, — улучив момент, когда никого не оказалось поблизости, бросила я.

Девушка закатила глаза.

Тиканье настенных часов лишь нагнетало обстановку, и делало меня раздражительнее. Когда я в который раз собиралась штурмовать медсестру в приемной расспросами, ко мне выбежала Оливия и повисла на шее. Под ее глазами пролегли темные круги и невысохшие дорожки от слез. Девушка обхватила меня руками и прижалась как можно ближе, ища поддержки.

— Это ведь ты спасла его, да? — сквозь рыдания бормотала подруга. — Я знаю, мне сказали, что там была девушка с рыжими волосами, которая заставила его вновь дышать. Это была ты, ведь так? Спасибо, Айви. Спасибо...

Я обняла Лив, пытаюсь унять ее дрожь, успокоить. Она выглядела такой беззащитной и уязвимой. Одна только мысль о том, что Тени могли сделать с ней, заставляла мое сердце сжаться.

— Идем.

Девушка растерла слезы по лицу и потащила меня за руку вглубь коридоров. Она неслась, словно поезд, не глядя под ноги. Люди в страхе прижимались к стенам, пропуская нас. Впервые я видела в подруге подобную решительность.

Возле одной из палат Оливия остановилась и нерешительно на меня посмотрела. В ее взгляде клубилась боль и отчаяние.

— Я подожду здесь.

Я отворила дверь и вошла в палату, где царила стерильная чистота. Тишину нарушал монотонный писк. Он вгрызался в мозг и эхом раздавался в голове. Несколько шагов, и я остановилась около кровати, глядя на безмятежное лицо друга. Спящее, неживое. Сердце Айзека ритмично билось, а легкие наполнялись кислородом, только вот в теле, что неподвижно лежало на белоснежных простынях, не было ничего от моего лучшего друга.

— Почему он не просыпается? — прошептала я.

— Тело испытало шок от клинической смерти, а после от того, что в мгновение все кости срослись. Жизненные процессы в его организме восстановлены и идеально функционируют, но ему потребуется время на то, чтобы сознание справилось с подобной перегрузкой и пришло в себя. Никто не знает, когда именно он проснется, — монотонно вещала Эвон.

И с каждым новым словом, вылетающим из ее рта, мне хотелось заткнуть ее. То, что она говорила, звучало, словно приговор, но ее это ни капли не задевало. Более того, казалось, душа вовсе равнодушна к происходящему. Пусть я знала, что она не питала теплых чувств к моим друзьям, но такого открытого равнодушия не ожидала.

— Ты сделала все, что было в твоих силах. Оставь его.

Заткнись.

— Когда-нибудь он проснется, и даже не вспомнит о тебе.

Заткнись.

— Айзека больше нет, Айви. Тот, кто проснется, будет совсем иным человеком.

Заткнись...

— Тому, кто пережил смерть, будет трудно улыбаться так же, как и раньше.

Заткнись. Заткнись. Заткнись!

— Ты...

— Заткнись! — прорычала я.

Эвон лениво перевела на меня взгляд. Цвет синей пыли, исходящий от нее, становился все тусклее. Девушка покачала головой и растворилась за стеной, оставляя меня наедине с другом. Во внезапно наступившей тишине писк приборов оглушал. Я коснулась пальцами ладони Айзека.

— Ты обязательно очнешься, — прошептала я. — И все будет так, как прежде. Ты проживешь длинную счастливую жизнь. Главное, живи.

Остаться в палате стало невыносимо, и я выскочила прочь. Пронеслась мимо ошалевшей Оливии. Она прокричала что-то мне вслед, но я не расслышала, а возвращаться не желала. Я металась коридорами больницы, пока не набрела на выход. В дверях меня коснулись мужские руки, заставляя остановиться.

— Айви?

Я замерла. Дыхание перехватило, и я почувствовала, как легкая дымка заполонила голову. Ошибка. Я дала себе слишком много времени, наивно полагая, что мое исчезновение заметят значительно позже. Экая глупость. Бабушка не выпускала дражайшую внучку из виду ни на секунду. Уж она-то должна была первой обо всем догадаться.

— Я должна идти, — я отшатнулась от парня.

Дилан удивленно на меня посмотрел. Впервые он выглядел ошарашенным и слегка смущенным. Я всем сердцем желала прикоснуться к нему, ощутить теплоту его кожи под пальцами и пообещать, что его брат поправится.

— *Убей его*, — раздался в голове мой собственный голос.

Я сунула руку в карман, и ладонь обожгло. Лицо перекосилось от боли, но я лишь сильнее сжала янтарные камешки в руке. Дым рассеялся, и в голове прояснилось. Песок медленно убегал сквозь пальцы, сколько бы я не пыталась его удержать, и секунды постепенно истекали.

— Я хотел поблагодарить тебя, — в голосе Дилана не было привычного яда. Он выглядел необычно серьезным и безумно уставшим. — Когда нам сказали о рыжей девушке, я попросил Оливию показать им твою фотографию, и они подтвердили мою догадку. Если бы не ты, Айзек вряд ли дотянул бы до приезда скорой.

В его глазах, таких прекрасных в свете солнца, плескалось тепло. Огонь, жгущий мою ладонь, становился все жарче, и я едва сдерживала слезы, только бы не показать свою боль. А душа постепенно разлагалась внутри. Я ненавидела себя за то, что чувствовала, за то, какой я была. Жалкая, сломленная девчонка. Эгоистка.

Я поддалась вперед, схватила Дилана за свитер и притянула к себе. Его губы были сухими, а мои кровоточили. Я не знала, поймет ли он, но мысленно умоляла, чтобы понял. Внутри меня колокола били в набат. Мосты за моей спиной полыхали ярким пламенем. Мнимое спасение осталось позади. Круг замкнулся. Я нарушила все четыре закона, что учила с самого детства. И мне не было прощения.

— Тебя найдут две сестры. Спенсер и Фелисити. Иди с ними, куда они скажут, — прошептала я ему на ухо. — Они спасут вас. Всех вас.

Вновь запустив пальцы в карман, я коснулась гладкой поверхности, и кожа всполохнула болью. Пока парень не успел сообразить, что произошло, я выскочила за дверь и понеслась прочь. Боль накатывала волнами, отрезвляя. Солнце палило, и я сдерживала стоящие в глазах слезы. Выиграть бы пару лишних мгновений, уйти как можно дальше. Бежать прочь, не разбирая дороги, не думая ни о чем. Только я, ветер, и никого более во всей огромной вселенной.

Я покинула Гринвилл, нырнула в лес, плутая едва различимыми тропками. Разжала пальцы и позволила боли утихнуть. Меня тут же настиг дым и затопил сознание. Я замерла, прислонившись к дереву, и прикрыла глаза, пытаюсь отдышаться. Сердце колотилось в груди, сбиваясь с ритма. В полумраке под кронами деревьев ко мне со всех сторон постепенно тянулись Тени, протягивая свои цепкие пальцы, желая уничтожить.

Я судорожно хватала воздух, пытаюсь совладать со страхом. Убеждая себя, что не боялась, я лгала. Как бы громко я не кричала, что давно смирилась с происходящим, я не хотела умирать. Не хотела, что все закончилось вот так. Прикрываясь глупой самопожертвой, я в который раз поддалась эгоистичному порыву в последний раз встретиться с теми, кого так отчаянно любила.

— Бежать бесполезно, — раздался неподалеку насмешливый голос.

Передо мной выросла фигура, облаченная в плащ, расшитый серебром. Капюшон упал с лица, и насмешливые искорки во взгляде Тэймара едва не сбили меня с ног. За его спиной постепенно показались еще несколько фигур. Одна за другой они сбрасывали капюшоны, оголяя предо мною свои личности.

— Ну, здравствуй, солнечная девочка.

Тело бросило в дрожь. Глаза расширились от удивления, и я прикрыла рот рукой, сдавливая рвущийся наружу крик. Теплота, плескавшаяся в глазах, исчезла, и ее место занял вечный холод. Знакомые глаза окинули меня безразличным взглядом.

— Но... — залепетала я, не в силах отвести глаз от искаженного жесткостью лица Глена. — Ты ведь говорил, что еще не сдал экзамен...

Губы изогнулись в насмешливой ухмылке, присущей Гюнтеру, но никак не Глену. Не этому милому, доброму мурту, что столько раз защищал меня, что обнимал меня на берегу океана, сдерживая мою истерику. Не тому, кто вытаскивал пулю из моего плеча, успокаивая после смерти Курта. Не тому, кто взял на себя груз ответственности за меня перед Сенатом. Это не могло быть правдой.

— Ты еще не поняла?

Словно в замедленной съемке его лицо приблизилось к моему, и меня обдало жаром. А после где-то под ребрами распустился цветок боли. Меня изнутри разрывали когти, кромсали внутренности, а я не могла и звука выдавить. Из уголка губ потекла струйка крови, смешиваясь со слюной. Ногти стерлись о древесную кору. Боль. Невыносимая, всеобъятная. Она рождалась где-то внутри меня, цвела в каждой клеточке, в каждом атоме. Изматывала меня, сбивала с ног, уничтожала, но оставляла в сознании. Чтобы я чувствовала каждое мгновение, каждый оттенок, каждый застрявший в горле крик.

Измученная, окровавленная, едва живая я лежала среди мха и тяжело дышала. Глаза закатились. Вокруг, словно в танце, плясали темные фигуры. Они поджигали меня, разрывали на части, глодали мои кости, и смеялись. Заливисто, безумно, победно. Тени наслаждались добычей, слабой и сломленной.

Глен склонился над моим телом, всматриваясь в заплывшее лицо. Коснулся кровавых дорожек, рисуя узор на коже, а после слизал мою кровь с пальцев. Его смех отбивался от стен черепной коробки, сводя меня с ума. И тихий шепот, что взорвал мое сознание и разнес ошметками по телу.

— Ты и была моим экзаменом...

Я чихнула и сморщила нос, пытаюсь улечься на жестких влажных камнях как можно удобнее, чтобы сохранить тепло. Плащ с меня грубо стянули, вталкивая в крошечную камеру в подземелье под Зданием Правосудия, и промокший свитер не грел. Глаза привыкли к темноте, но разглядеть что-либо удавалось с огромным трудом. Где-то вдали по длинному коридору горел факел, прикрепленный к стене, но его свет едва доходил до меня. Равномерный стук капель, падающих с потолка, нарушал тишину, и я пыталась сосредоточиться на нем, чтобы не думать о боли, терзающей мое тело.

Прохлада подземелья остужала пылающую кожу, и я едва не застонала от наслаждения, прислонившись щекой к гладкой каменной поверхности. Пульсирующая боль в пальцах от прикосновения к янтарю постепенно утихала, изредка накатывая фантомным приливом, и я размеренно дышала. Сил на мысли, на осознание произошедшего не осталось. Казалось, сердце должно было как-то отреагировать на предательство, сжаться, разлететься осколками. Хоть что-нибудь. Но оно равнодушно отсчитывало удары.

Время замерло. Я пыталась считать секунды, но без конца сбивалась, и начинала заново, забывая число, на котором остановилась. И лишь размеренное кап-кап, разбивающееся брызгами о пол, напоминало, что мир вокруг не перестал существовать. Под ногтями запеклась кровь, а влажные волосы липли к лицу, но у меня не стало сил подняться. Тело била легкая дрожь, но я знала, что не заболею. Организм окреп достаточно, чтобы сносить угрозу простуды.

Когда Эвон плавно опустилась рядом, я даже не двинулась с места. Все лежала и пустым взглядом таращилась на длинные металлические прутья, за которыми была заперта. Где-то над моей головой расхаживали Древние в своих пышных нарядах и без конца обсуждали, что же делать с моей маленькой жизнью, как исправить просчет. Они пытались найти лазейку, в которой я спрятала запретные мысли, горшочек с ростком сомнений, что им не хватило ума заметить. Только вот я знала, что они не поймут очевидного. Год назад его там и не существовало. Кропотливо Древние собственноручно вложили мне в голову семена недоверия, сами того не понимая.

Я вслушивалась в каждый звук, каждый шаг, ожидая мгновения, когда меня вытащат на Суд и выскажут вердикт. И я не о чем не жалела. Я была готова предстать пред Сенатом, заглянуть в их постные лица и, улыбаясь, принять свою судьбу. То, что они приставили ко мне Глена, стало ударом в спину, которого я не могла предсказать, но это все лишь упростило. С Софией и Натсуме мы успели отдалиться, и их не заденет ядерным взрывом, а родителей спрячет под собственным крылом Лизель. Все, кем я дорожила, были в безопасности.

Вдруг за стеной послышался тихий мужской голос, напевающий старую детскую песенку, популярную на острове.

*Ты в лес не ходи, малышка, поверь,
Жуткий и злобный бродит там зверь...*

Я приподняла голову и прислушалась. Голос звучал откуда-то неподалеку, хоть и был едва различим. Казалось, темнота вокруг поглощала все звуки, не давая им пробиться.

*По вкусу ему будут смерть и страх,
И ужаса крик, что застыл на губах...*

На ватных ногах я подползла к стене и села, опершись о нее спиной. Мужчина все пел, и от этого мне становилось теплее на душе. словно среди непроглядной мглы замерцал лучик света, ведущий меня за собой.

Во тьме ты, малышка, сама как мишень

Ведь свет пожирает чудовище Тень.

В наступившей внезапно тишине мое тяжелое дыхание звучало слишком громко. Я откинулась назад, прислоняясь головой к стене.

— У вас очень красивый голос, — едва слышно пробормотала я.

— Спасибо.

От осознания того, что я была не одна в подземелье, стало как-то легче на душе. По ту сторону был некто, понимающий меня.

— Как долго вы здесь?

Послышался тяжелый вздох.

— Слишком давно, чтобы считать дни. Я уже и не помню, когда именно оказался здесь.

В тишине, объявшей нас, я обрела неожиданный покой. Я хотела заглянуть за стену, увидеть лицо собеседника и поблагодарить за то, что он успокоил мое сердце. Голос в темноте разогнал тревогу, и внутри плескался мир.

— Ты — дочь Солнца?

Я удивленно вскинула брови. Окружающие часто подшучивали над моим цветом волос, называя меня огненной принцессой или солнечной девочкой, но впервые в голосе говорившего не было насмешки, а лишь толика надежды.

— Если вы о цвете волос, то, увы, это стало моим проклятьем, — я слегка пожала плечами.

— Это не только цвет волос, — проскочили снисходительные нотки. — Сейчас ты вряд ли поймешь. Ты та, кто изменит все. Главное — не бойся. Что бы они ни делали, им не сломать тебя. Даже те, кого сейчас ты считаешь врагами, примут твою сторону и будут сражаться за тебя. Но для этого должно пройти время. Доверься себе.

Слова незнакомца звучали, как полная бессмыслица. В чем довериться? Почему кто-то должен принимать мою сторону? Сражаться за что? Ворох вопросов, высыпавшийся внезапно на мою голову, отвлек меня от реальности. И когда со скрежетом ключ повернулся в замке, было уже поздно. За стеной раздался визг петель, и дверь в камеру отворилась.

— Помни, что я сказал тебе, дочь Огня. Со временем ты поймешь, я обещаю, — раздался тихий шепот.

— Эй, чего это ты там кряхтишь?!

Я прислонилась ухом к стене, пытаясь разобраться, что там происходило. Удар, и глухой стук, словно кто-то рухнул на пол. А после утробный стон и недовольное ворчание.

— Поднимайся, Джейми. Тебя уже заждались, — пропел женский голос.

Скрип петель, шаги, и все вновь стихло. Я обессиленно растянулась на полу, прижимаясь щекой к прохладным камням. Его звали Джейми. Джеймс. Тот, о ком говорили родители, был на расстоянии вытянутой руки, и я могла расспросить его о том, что же он значил для моей семьи.

Веки слиплись, и глаза никак не хотели открываться. Слабость накатила приливом, и я едва удерживала сознание на плаву в надежде услышать еще хоть что-нибудь. Но глубоко внутри я знала, что Джеймс не вернется. Встреча с Сенатом должна была стать последней в его жизни. К утру морта, который был важен для родителей, не станет.

Время потеряло всякое значение. Минуты перестали течь нескончаемым потоком. Земля замерла на месте, и существовала лишь я, скрутившаяся клубочком на полу крошечной сырой камеры. Эвон изредка появлялась рядом, но чаще я была предоставлена сама себе в каменных стенах. Желудок крутило от голода, и я пыталась как можно больше спать, чтобы не думать о еде. Да и вообще не думать.

Меня не стало. Айви Блумфилд исчезла под гнетом Теней, испарилась, и оставила после себя лишь пустую оболочку. Она пыталась собрать себя воедино, блуждая кровяными сосудами и отыскивая частицы сознания, чтобы после склеить его в одно целое. Она сидела в кафетерии школы вместе с Оливией, Нией и Лидией, уминая клубничный йогурт и заливисто смеясь. Она пряталась в объятьях Глена на острове, надеясь, что весь мир исчезнет, и не нужно будет верить в жестокую реальность. Она неистово целовала губы Дилана. Она вместе с отцом бежала по пшеничному полю, утопая в золоте и подставляя бледное лицо солнцу. Она была кем угодно, но не мной.

Я невольно стирала ногти в кровь о камни, чувствуя, как безумие постепенно заполняло мою голову. Тишина давила, и я мечтала заглушить ее чем-нибудь. Криком, стоном, смехом. Я лежала на спине и глядела в полоток, пытаюсь представить ночное небо и мириады звезд, усыпающие его, но перед глазами все так же стояла непроглядная темень. Факел исчез, погрузив подземелье во мглу, и я с трудом могла разглядеть собственные руки.

Я просыпалась от тихого шепота, заполняющего пространство. Мечтала ринуться с места, бежать за ним, но он существовал лишь в моей голове. Чужой голос, называющий меня дочерью Солнца. Я без конца спрашивала, умоляла объяснить, что это значило, но ответом мне служила лишь пустота. И миражная грустная улыбка, преследующая меня во снах. Я тянулась к ней, пытаюсь разглядеть лицо, но оно то и дело ускользало от меня. И я летела в бездну, истошно крича.

А потом все повторялось сначала. Бесконечный замкнутый круг, не имеющий выхода. Я терялась и вновь находила себя, падала и поднималась, разбивалась на миллионы искорок и собиралась обратно. Я была всюду и нигде одновременно. Я была мормом. Я была человеком. Я была душой. Из раза в раз я оказывалась рядом с Диланом, и любила его, как впервые.

Когда вдали послышались шаги, я была истощена до предела. Разлепив веки, я уставилась на решетку, за которой в мою сторону постепенно двигался огонек. Я зажмурилась, стоило свету стать слишком ярким, и скрутилась в позу эмбриона, пытаюсь спрятаться. Лязг открывающегося замка, скрип ржавых петель, и меня грубым рывком подняли на ноги.

Приоткрыв один глаз, я встретилась взглядом с Олберт, которая глядела на меня с откровенным отвращением. Я усмехнулась ей, нагло и совершенно не думая о последствиях. Она ничего не могла мне сделать. Ее не существовало.

— Заберите ее кто-нибудь, — крикнула девушка. — Она на ногах не стоит.

Меня ту же подхватил знакомый парень. Именно ему досталась «честь» поддерживать мое обессиленное тело во время последнего Суда. Я безвольно повисла у него на руках, не в силах удержаться на ногах. Незнакомец поднял меня на руки и понес прочь из камеры. Позади раздавались тяжелые шаги как минимум трех мормов, но я не была уверена, что все происходило наяву. Я слишком долго пробыла в одиночестве, чтобы быть в чем-то уверенной.

Яркий свет ударил в глаза, и я уткнулась носом в плащ юноши, пытаясь спрятаться. Он недовольно фыркнул.

— Я тебе все так же не нравлюсь?

Парень предпочел промолчать, хмыкнув.

Медленно мы продвигались в сторону огромного Зала Суда, где я была чуть более года назад. В этот раз все было иначе. Я была готова к тому, что случится. Внутренне я где-то даже злорадствовала, ведь сумела учинить подобный переполох среди Древних. И плевать, что за этим последует наказание. Представление подошло к концу, и я видела их прогневшие сущности, скрывающиеся за фарфоровыми масками. Все, что они твердили нам, было ложью. А правда была достойна того, чтобы за нее побороться.

Зал Суда заполнился сотней голосов. Члены Сената пытались перекрычать друг друга, и я не могла вычленить из балагана ни одной полноценной фразы. Да и не очень хотела. Юноша пронес меня в центр зала и усадил в кресло, поставленное для меня. Я окинула его замутненным взглядом, пытаясь вспомнить, знала ли его имя, но память стойко игнорировала запросы.

Мимо промелькнула Олберт, бегло глянув в мою сторону. На мгновение мне показалось, что в ее глазах промелькнуло сочувствие, но быстро списала это на воображение. За ней следом плавной походкой проследовал Глен, даже не обратив на меня внимания. Он остановился около окна, за которым клубился туман. Над головой светила луна, бросая свои бледные лучи на мое лицо, и я, прикрыв глаза, наслаждалась мгновениями, забыв о том, где находилась. Сотня хищников скалилась, мечтая разорвать меня, и что толку дрожать в страхе, если я с самого начала знала, куда приведут меня все тропинки, какую бы ни выбрала. Рано или поздно я оказалась бы в этом кресле среди Древних, нагло скалясь им в ответ.

— Молчать! — голос Властимила громом разнесся по помещению.

И в одно мгновение все умолкли. В наступившей тишине я слышала биение собственного сердца. Сильное, бесстрашное, ровное. Я окинула взглядом усаживающихся на места Древних, искривив губы, и ждала.

— Круг замкнулся, — Эвон стояла по правую сторону от меня, положив руку на спинку кресла.

— Разве оно того не стоило?

Девушка улыбнулась. Как и тогда, мы были едины, глядя в лицо истекающему слюной чудовищу, бросая вызов. Словно крича *«Ну, давай же, сожри нас!»*

— Айви Тереза Блумфилд, — начал было мужчина, но я его перебила.

— Да сколько можно пафоса?! Вы пытаетесь быть величественными, но в итоге получается нелепая мазня. Вы серьезно думаете, что выглядите непревзойденно? Чушь! Вы смешны до колик в животе. Так что давайте без этого своего дочь, кровь и бла-бла-бла.

В меня впились множество уничтожающих взглядов. Но дым не коснулся затылка, не заполнил голову. Я мыслила трезво, глядя в глаза тем, кто мечтал меня уничтожить.

— Ты ведь думаешь, что мы хотим казнить тебя? — Лизель поднялась.

В ее взгляде было что-то хитрое, лисье. Будто она задумала нечто гораздо страшнее моей смерти. И по телу впервые пробежался холодок. Ведь все они могли забраться в мою голову и сделать все, что заблагорассудится.

— Ты права, дорогая, — женщина постепенно спускалась все ниже, сокращая между нами расстояние. — Мы собираемся сделать нечто, что уничтожит тебя окончательно.

Старая Айви перестанет существовать, и ее место займет другая. Та, которая будет беспрекословно следовать всем указаниям, которая приведет нас к безоговорочной власти вновь.

С каждым ее словом мои глаза расширялись сильнее, и я вдруг осознала, что предпочла бы смерть. Спустившись, Лизель остановилась напротив меня. Ее темные волосы локонами спадали с плеч, струились по оголенной спине. Она глядела на меня, как победитель на проигравшего. В этой партии Сенат обыграл меня, даже не стараясь.

— Глен, — позвала бабушка.

Парень оторвался от окна и поравнялся с женщиной. Он все еще избегал меня, и мне хотелось броситься к нему, молотя кулаками, и крикнуть, что он слабак. Чертово ничтожество, которое притворялось больше года моим другом, чтобы после предать. Что он ничего не значил для меня. Злость захлестнула с головой. пеленой стала перед глазами, и я вцепилась пальцами в ткань кресла.

— Раз Айви была твоим экзаменом, так закончи его. Измени ее, — отчеканила каждое слово Лизель.

Юноша медленно повернулся на носках и уставился на меня. Его пустой взгляд скользнул по моему лицу. Крошечные искорки потухли. Не было больше того Глена, которого я знала. Быть может, его вовсе не существовало, а я верила в сказку, которой не суждено было случиться. Я не была принцессой, и не суждено было мне быть спасенной из лап дракона. Он лишь сильнее обвивал мое тело своим хвостом, ожидая подходящего мгновения, чтобы утолить голод. И я мечтала лишь о том, чтобы они не причинили вреда моим друзьям. Не причинили его Дилану.

Эвон обвила руками мои колени. В ее глазах стояли слезы, и я грустно улыбнулась подруге. Мы обе понимали, что это значило. Больше я не увижу ее. Никогда. После того, как из моей головы вынесут все привычное, и обставят по-новому, я утрачу свой дар. Через время Эвон исчезнет, уплывет в царство сновидений. Для нас обеих все заканчивалось в Зале Суда.

— Я буду рядом столько, сколько смогу, — прошептала девушка.

Глаза налились слезами, и я не смогла выдавить ни слова. В горле стал ком. Это было хуже смерти, в тысячу раз хуже.

Боль настигла меня без предупреждения. Сдавила легкие, заставив задыхаться, всполохнула огнем под кожей. Равнодушный взгляд Глена резал не хуже ножа. Я сползла с кресла, распластавшись на полу, и корчилась от боли, пытаясь унять пожар внутри. Сердце билось о грудную клетку, и крик, царапая горло, пробивал себе путь на волю. Глаза закатились, тело в мгновение обмякло.

А потом...

Больше книг на сайте — Knigolub.net